

0494

Средневековый город

Средневековый город

Межвузовский научный сборник

ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ

0491

СГУ
Кафедра
истории
средних веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1991

ББК 9(И)1
С23

С23 Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 10: Вопросы социально-экономической, политической, правовой истории европейского города XI—XVII вв. Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 184 с.

В статьях данного выпуска рассматриваются различные стороны истории городского развития: особенности торговли Вероны, коммунальное движение на юге Франции, взаимоотношения городов с государственной властью и складывание городского права в Германии, внутренняя структура английских купеческих компаний, возникновение ранних форм капиталистического производства в Бристолье, ранние французские широтко-колониционные экспедиции, некоторые проблемы историографии и источниковедения.

Значительное внимание уделяется идейной и культурной жизни: вопросам образования во Франции, формированию политического мировоззрения городской и гуманистической интеллигенции (Окклив, Петрарка), идейному содержанию искусства итальянского Ренессанса.

Исследования сборника базируются на новых, еще не введенных в научный оборот источниках, значительно расширяющих и углубляющих представление о городе Средневековья.

Для историков — научных работников, аспирантов, студентов, учителей и всех, интересующихся историей города, средних веков, культуры.

На обложке — рельеф «Кузнец» с колокольни Джотто во Флоренции

Редакционная коллегия:

доц. Н. И. Девятайкина (отв. секретарь), доц. В. А. Ермолаев, проф. Г. Л. Курбатов, доц. Т. М. Негуляева, и. о. проф. А. И. Озолин, проф. Н. В. Ревякина, проф. А. Д. Ролова, докт. ист. наук А. А. Сванидзе, проф. С. М. Стам (отв. редактор), проф. М. М. Яброва, проф. В. А. Якубский.

С 0504020000—125—26—90
176(02)—91

ISBN 5—292—00331—X

© Издательство
Саратовского
университета, 1991

СТАТЬИ

Л. И. Солодкова

ФОРМИРОВАНИЕ КЕЛЬНСКОГО ПАТРИЦИАТА (XI—XIII века)

Обращаясь к ранней истории средневекового города, нельзя обойти проблемы образования его правящей верхушки — патрициата. Вопрос о социальном происхождении этого слоя не имеет однозначного убедительного ответа. Одни исследователи связывают возникновение патрициата с развитием городского землевладения, а предшественниками считают министриалов, другие ищут корни в торгово-ростовщической среде, порой отождествляя его с купечеством¹.

Попытаемся выявить происхождение и некоторые моменты формирования патрициата на материале источников Кельна от XI—XIII веков. Особую ценность среди них имеют частноправовые акты XII в., которые фиксируют сделки, касающиеся различных объектов недвижимости: земельных участков, домов, частей строений, лавок, таверн, складов². Их анализ позволяет определить, какими путями обогащались горожане, на каких условиях выкупали землю у церквей, мона-

¹ Nitsch K. W. Ministerialität und Bürgertum im 11. und 12. Jh. Beitrag zur deutschen Städtegeschichte. Leipzig, 1859. Bd. 1; Klocke E. v. Patriziatsproblem und die Werber Erbsälzer. Lübeck, 1965; Schulz K. Die Ministerialität als Problem der Stadtgeschichte. Einige allgemeine Bemerkungen, erläutert am Beispiel der Stadt Worms//Reinische Vierteljahrbücher. Bonn, 1968. Jh. 32; Koebner R. Die Anfänge des Gemeinwesens der Stadt Köln. Bonn, 1922; Winterfeld L. v. Handel, Kapital und Patriziat in Köln bis 1400. Lübeck, 1925; Planitz H. Die deutsche Stadt im Mittelalter. Köln; Graz, 1954.

² Kölner Schreinsurkunden des XII. Jh./Hrsg. v. R. Hoeniger: In 2 Bd. Bonn, 1884—1894.

стырей, частных лиц. Можно собрать редчайшие сведения о наиболее богатых горожанах, скупавших и сдававших в держание недвижимость.

Кроме того, для изучения социальной структуры раннего Кёльна важные сведения можно извлечь из списков горожан приходов, членов купеческой гильдии, из договоров с другими городами, а также из правовых документов, отразивших завоевания коммунальной борьбы.

В ходе антисеньориального движения в одном из крупнейших городов Европы, Кёльне, его участники добивались экономической и политической самостоятельности. Успехи в этом деле объясняются сплоченностью городской общины. Однако единство целей в борьбе против сеньора не исключало социальной неоднородности городского населения; развитие самостоятельного производства неизбежно порождало отпочкование купеческого капитала и кредита, а также выделение подмастерьев, имущественное расслоение в среде мастеров и так далее³. Уже на раннем этапе развития города складывается группа богатейших лиц, занимавших главенствующее положение в социально-политической жизни общины. Во время антисеньориальной борьбы их позиция упрочивается. Именно эти люди именуются в кельнских источниках как «могущественные», «знатные», «лучшие», «именитые и честнейшие», «превосходные».

Кто же они есть? Сведения на этот счет весьма скудны. Почти никогда в документах не упоминается род занятий или социальный статус названных там лиц. Только сопоставление близких друг другу по времени записей частноправовых актов позволяет выявить, что при различных сделках в качестве свидетелей выступают одни и те же лица или представители одних и тех же родов. Это позволяет предположить, что они занимали определенное общественное положение в городе, ибо свидетельствование актов в те времена являлось почетным занятием.

Среди лиц, не раз выступавших в данной роли в первой половине XII в., были, в частности, Рихольф и Рихвин. В грамоте 1106 г. они упомянуты как министериалы, но с оговоркой: «городские министериалы» (*ministri urbani*), так как пе-

³ См.: Стам С. М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 15.

ред ними были названы епископские (*ministri episcopi*)⁴. Это чрезвычайное по важности уточнение: наряду с министериалами, так сказать, поместного типа, выполнявшими службу при дворе кельнского архиепископа, формировался новый слой министериалитета. В приведенном документе его представители названы очень точно: «городские министериалы». Они могли занимать должности в органах сеньориального управления, но чем дальше, тем больше втягивались в чисто городские занятия — торговлю, монетное дело. В условиях бурного расцвета города, торговли эта часть министериалитета, по наблюдению Т. М. Негуляевой (на материалах Страсбурга), быстро превращалась в бюргеров и сливалась с верхушкой, выделявшейся из купцов и, частично, разбогатевших ремесленников⁵.

Что же происходит с упомянутыми кельнскими городскими министериалами? Один из них, Рихольф, в 1135—1142 гг. выступает как судья в приходе св. Мартина (церковные приходы в основном совпадали с административно-территориальным делением города на округа — *U. S.*), в 1145 г. как унтерфогт, то есть должностное лицо, возглавлявшее судебную коллегия в приходе и подчиненное городскому судье-фогту (р. 495, 519). Должность фогта в Кельне, как явствует из источников, всегда занимали горожане. Значит, в течение одной жизни была возможна трансформация городского министериала в горожанина. Названный Рихольф был также свидетелем при учреждении цеха ткачей постельных покрывал в 1149 году. Он упомянут в числе «знатных и честнейших горожан» (р. 330). В списке купеческой гильдии XII в. фигурируют три Рихольфа. Один из них, как там указано, меховщик. А кто-то из оставшихся, скорее всего, и есть «наш» Рихольф.

По документам середины XII в. можно проследить, насколько быстро шел процесс вытеснения министериалов из органов городского управления. Судебная коллегия (скабинат), состоявшая из шеффенов (присяжных заседателей), обладала правом кооптации без вмешательства сеньора и его чиновников. При регулярном обновлении состава скабината

⁴ Quellen zur Geschichte der Stadt Köln/Hrsg. v. L. Eppen und G. Eckertz. Köln, 1860. Bd. 1. N 35. P. 495 (далее отсылки на этот сборник документов будут даваться в тексте).

⁵ См.: Негуляева Т. М. Складывание городского патрициата в средневековом Страсбурге (XII — начало XIII вв.) // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 100.

в нем постоянно оставались представители нескольких родов. Другой орган городского управления, созданный во второй половине XII в. — Рихерцехе, то есть «Цех богатых», состоял только из горожан. Причем на протяжении XII—XIII вв. среди должностных лиц этой корпорации — официалов и бургомистров — представители тех же родов.

Раньше других в скабинате, а затем и в Рихерцехе укрепляются члены рода Рацен (Ratio, Raze, Razo). В 1128 г. Рацен упомянут среди светских лиц как свидетель⁶. Так же, без указания социального статуса, назван в 1145 г. в числе свидетелей Герман, сын Рацена (№ 54, р. 520). Возможно, сын именно того, упомянутого в грамоте 1128 г. Несколько позднее, в 1149 и 1159 гг., тот же Герман, сын Рацена, назван среди «могущественных» горожан (№ 330, р. 552). Более того, он в данное время был уже шеффеном. С середины XII в. члены рода Рацен прочно заняли место в скабинате и в Рихерцехе. Само членство в «Цехе богачей» красноречиво свидетельствовало об имущественном положении. Генрих Рацен, сын вышеназванного Германа, был одним из шеффенов, подписавших известную грамоту архиепископа Филиппа I в 1169 г.; в числе шеффенов он был и в 1178 г. (р. 558, 579). Если судить о его шеффенской службе по документам, то можно определить, что Генрих Рацен состоял на ней свыше 30 лет. В это же время он был членом Рихерцехе, причем должностным лицом. Скорее всего, именно он записан как член купеческой гильдии под именем Razo⁷. Жил он в приходе св. Мартина, на территории, прилегавшей к рынку. И, надо полагать, не случайно. Генрих был обладателем богатств, нажитых и приумноженных торговлей, возможно, и ростовщицеством. Он владел недвижимостью, полученной через жену, земельной собственностью в приходах св. Герона и св. Северина, аллод в Хенингене, в загородной округе⁸. Члены рода Раценов названы в списке бюргеров прихода св. Лаврентия⁹. Наконец, в середине XII в. в южном районе города, Нидерихе, имелась даже улица Раценов! Можно предположить, что род был многочисленным и разветвленным, и некоторые его члены жили на одной улице. Однако допустимо и другое истолкование этого редкого для XII в. случая.

⁶ Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins/Hrsg. v. G. La-comblet. Düsseldorf, 1840. Bd. 1. N 303. P. 199.

⁷ Kölner Schreinsurkunden des XII. Jh. Bd. 2. H. 2. S. 54.

⁸ Ibid. Bd. 2. H. 1. Scab. 2V114; Ger. 212; 2V4,5; Scab. 2V2.

⁹ Ibid. Bd. 1. Laur. III. 30, 79.

Глава семейства Раценов или его родственники скупали в Нидерихе у архиепископа и церковных конгрегаций недвижимость (дома, лавки, участки под застройку) и сдавали ее в аренду горожанам. По существу здесь имела место эксплуатация полуфеодалного типа, к которой прибегали богатые купцы, занимавшие к тому же высокие должности в органах городского управления. Соединение в одних руках значительного богатства, земельной собственности, власти дает основание причислить семейство Рацен к патрициату.

Несколько позднее, во второй половине XII в., поднимается другой род, получивший прозвище по месту жительства на улице мельников, Мюленгассе. Теодерих (или Дитрих) с Мюленгассе был одним из шеффенов, подписавших архиепископскую грамоту 1169 г. (р. 558). Он же стал одним из первых кельнских бургомистров. В этом качестве назван среди тех официалов Рихерцехе, которые в 1178—1182 г. учредили цех каретников, а в 1225 — шляпников¹⁰. В 1183, 1200, 1203, 1205—1208 гг. он свидетельствовал акты, причем в 1182—1183 гг. как шеффен¹¹. Он, видимо, разбогател на крупной торговле, хоть и не успел попасть в списки купеческой гильдии XII века. Жил в приходе св. Бригиды, здесь же имел собственные торговые ряды. Скупал недвижимость в других приходах города: дом на Шафентор (1170—1183 гг.), дом на Зальцгассе (1190—1200 гг.). Известен как ростовщик¹². Сын Теодериха, Руфус, служил в 1200—1220 гг. официалом в приходе св. Бригиды. Другие сыновья, затем внуки часто бывали шеффенами и бургомистрами, причем порой совмещали эти две должности.

Теодерих с Мюленгассе стал родоначальником патрицианского семейства Вайзен, возглавлявшего в 1225—1226 гг. борьбу горожан с архиепископом Энгельбертом I. А его преемник, Энгельберт II в 60 гг. XIII в. уже покровительствовал Вайзенам, чтобы с помощью политики «разделяй и властвуй» укрепить свое положение в Кельне. Он сталкивал Вайзенов с другим знатным, но более молодым родом Оверштольц, заявившем о себе в начале XIII века.

Последовательно проследить один из путей становления кельнского патрициата помогает пример рода Унмац. Само

¹⁰ Urkunden zur Kölnischen Rechtsgeschichte/Hrsg. v. H. Planitz. Köln-Weimer, 1934.

¹¹ Urkundenbuch... Bd. 1. N 484; Quellen... Bd. 2. N 1, 5, 29.

¹² Kölner Schreinsurkunden des XII. Jh. Bd. 1. Mart. 17119; Bd. 2. H. 1. Apost. 21114; Bd. 1. Mart. 17119, 13IV19, 14114; Brig. 3115, 8.

прозвище весьма примечательно, в переводе оно означает «Неумеренный», «Необузданный». Основатель рода, Герхард, был необыкновенно богат, но добивался еще большего. По толкованию Л. Винтерфельд¹³, он получил предосудительное прозвище из-за того, что приобрел, кроме прочего, новый дом в подворье архиепископа, где обычно горожане селиться не имели права. Герхард был телонеарием, сборщиком торговой пошлины. Если он и родом из министерялов, то с момента появления около середины XII в. его имени в документах он выступает как кельнский горожанин. Не одно десятилетие он исполнял различные службы: в 1166 г. был городским фогтом, в 1165—1168 гг. — унтерфогтом, в 1169 г. — телонеарием и шеффеном одновременно, в 1171 г. — магистром шеффенов и одним из двух магистров телонеариев¹⁴. В 1177 г. — бургомистр. Почти 30 лет его имя, чаще всего связанное с должностью телонеария, фигурирует в различных документах. В условиях роста города, бурного расцвета торговли, расширения денежного оборота такая должность позволяла обогащаться, нередко — злоупотреблять положением, прибегать к вымогательству.

По мнению Л. Винтерфельд, Герхард скопил поистине княжеское богатство. Он мог дать в долг немалые деньги любой важной персоне. Например, архиепископ брал у него 600 марок для похода в Рим (№ 85, р. 570). В разных частях города он скупал дома, лавки, земельные участки¹⁵. Только на имя падчерицы Рихмунды приобрел 7 домов, один из которых ему заложил опять же архиепископ Филипп I. Очевидно, дома были большие, хорошо устроенные, добротные, красивые. Какой-то из них после смерти Герхарда не считал для себя неловким купить герцог Брабантский — ни много, ни мало, за 325 марок!¹⁶.

Герхард Унмац постоянно вкладывал деньги в недвижимость, старался стать обладателем земли и построек в центральной части города. Так, пять земельных участков он купил и застроил около архиепископской усадьбы. Нет сомнения, что доходы от эксплуатации городской недвижимости были очень велики. К ним добавлялись проценты от ростов-

¹³ Winterfeld L. v. Op. cit. S. 12.

¹⁴ Urkundenbuch... Bd. 1. N 418, 441; Kölner Schreinsurkunden des XII. Jh. Bd. 2. Laur. 31V6; Quellen... Bd. 1. N 76.

¹⁵ Kölner Schreinsurkunden des XII. Jh. Bd. 1. Mart. 10III; Laur. 211, 3; 41V4; 31V, 4; 11113, 16; 51112, 3, 4; Brig. 314.

¹⁶ Winterfeld L. v. Op. cit. S. 12.

щических операций: в 1159—1195 гг., то есть больше 30 лет, Герхард во многих торговых операциях выступал как ростовщик¹⁷. О его весе в городе можно судить и из того, что в некоторых документах он назван «господином Герхардом»: в XII веке горожан величали так в исключительных случаях. Неизвестно, как сложилась бы судьба такой богатой и знатной семьи, если бы не вымерли ближайшие потомки Герхарда Унмаца, после чего все имущество отошло церкви.

Пример рода Унмац, известного по имени Герхарда-телонеария, не только исключителен, но и показателен. Он свидетельствует, что, каково бы ни было происхождение, главным источником богатства и силы кельнского патрициата была торговля. В этом отношении примечателен договор 1178 г. между Кельном и Верденом о порядке взыскания с купцов тех или иных долгов. Понятия «горожане» и «купцы» в тексте документа тождественны. «Превосходные горожане» (*egregios cives*), о которых там идет речь, и купцы (*mercatores*) — одни и те же лица (№ 90, р. 577). От имени кельнских горожан (здесь допустимо сказать: купцов) договор заключили 22 шеффена, среди которых знакомые нам Рихольф, Генрих Рацен, Герхард-телонеарий.

Следует напомнить, что служба в органах городского управления не оплачивалась, и выполнять ее могли лишь состоятельные люди. В грамоте 1171 г. архиепископа Филиппа I о порядке избрания шеффенов отмечено, в частности, что шеффен может быть отстранен от должности, если впадет в бедность (*in paupertatem*) и не будет в состоянии выполнять службу¹⁸. В этом же документе архиепископ выразил неудовольствие относительно того, что в Андернахе (городе на территории кельнской епархии) «в последние годы шеффенов избирали не из богатейших и могущественных, а из простолоудинов и бедняков». Едва ли можно всерьез поверить, что в городском суде заседали бедняки, зато крайне важно указание на то, какие персоны должны заседать в скабинате. Здесь подразумевается, что профессиональным занятием шеффенов, источником их доходов является торговля. В грамоте сделаны оговорки, что судебные заседания не отменяются ввиду отсутствия какого-либо шеффена «из-за торговых дел», и что шеффен не будет привлечен к ответу, если

¹⁷ Kölner Schreinsurkunden des XII. Jh. Bd. 1. Mart. 10VII; 131117; 14124; Laur. 3122.

¹⁸ Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte/Hrsg. v. F. Keutgen. B., 1901. Bd. 1. N 18.

его задержит торговое дело или иная «законная причина». Если такой порядок действовал в небольшом Андернахе, он, конечно же, имел место в столице епархии, в Кельне.

Приведенный материал убедительно свидетельствует, что в XII в. должности в органах городского управления занимали богатые купцы. Это их, «мужей несомненно честных и незапятнанной репутации», избравшихся из «наиболее знатных, наилучших и могущественных»¹⁹, считали способными представлять городские интересы. Так начинал формироваться патрициат.

Постепенно меняется даже терминология, обозначающая в источниках власть имущих представителей городской общины. Если в XII в. они назывались «лучшие», «богатые», «старшие», «могущественные», то с конца XII в. и особенно в XIII в. они именуют себя «нобилями», то есть знатыми. Известно, что словом «nobiles» в средние века обозначали представителей дворянства. Теперь, в XIII в., богатые, именитые граждане присваивают себе это почетное и благородное, по средневековым понятиям, звание. Во второй половине XIII в. в некоторых документах Рихерцехе, скабината и Совета они названы «господами». Автор Кельгофской хроники XIV в. сообщал, что кельнские патриции, управляющие городом, по праву ведут свое происхождение от «благородных римлян» и «занимают положение рыцарей и старой знати»²⁰. Желание «облагородить» происхождение и сравняться с дворянством было для патрициата способом самоутверждения, потребностью доказать и закрепить высокое социальное положение и претензии на политическую власть.

Позиции патрициата крепили в ходе коммунального движения по мере завоевания горожанами прав и вольностей. Одним из методов отстранения сеньора от городских доходов был откуп сеньориальных привилегий. Архиепископы нередко брали в долг у частных лиц и у городской общины крупные денежные суммы в 600, 1000, 3000 марок. За это сеньоры на определенный срок отдавали право взимания торговых пошлин, право взвешивания товара и так далее. Кредиторами и одновременно откупщиками выступали самые состоятельные и влиятельные горожане, обогащавшиеся в данном случае за счет сограждан.

¹⁹ «...viros nimirum probatos et illese fame ...ex prudentioribus, melioribus et potentioribus»//Ibid.

²⁰ Немецкий город XIV—XV вв./Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936. С. 123.

Одним из условий освобождения горожан от сеньориальной зависимости было ограничение феодальной земельной собственности в Кельне. Как свидетельствуют частноправовые акты XII—XIII вв., городские богачи целиком или частями скупали дома, лавки, земельные участки со строениями и без них, склады, кладовые и прочую недвижимость. Затем за определенную плату эта недвижимость сдавалась в аренду горожанам. В XIII в. участилась практика сдачи в наем малых долей строения: $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ части дома. Это — свидетельство огромной потребности в жилье, связанной с ростом города. Но данные факты показывают также, как велико было число людей, не имевших средств купить подходящий дом или каморку и вынужденных снимать даже крошечные части жилищ. Домовладельцы же из числа богатых горожан получали доходы таким полуфеодальным путем.

Есть много других фактов, которые убедительно свидетельствуют, что в XIII в. по мере роста товарного производства, расширения товарооборота среди горожан усиливается имущественная и социальная дифференциация. Примером может служить цех розничных торговцев сукном. В него входили ремесленники-сукноделы, главные производители, но занимали они там, судя даже по названию цеха, отнюдь не первое место. Поименный список членов цеха, приложенный к уставу 1247 г., называет около 200 человек²¹. Судя по нему, в цех входили розничные и оптовые торговцы сукном и полотном, портные, стригальщики, комиссионеры, маклеры. Стригальщики и портные подчинялись купцам. Именно купцы, среди которых были представители патрицианских родов Оверштольц, Лизкирхен, Шерфгин, Муммерслох, Гирцелин, Кваттермарт, Грин, Зандкауле, Бирклин, Вайзен, Хардевуст, вырабатывали и принимали устав стригальщиков. Эти «господа» обычно являлись также шеффенами, бургомистрами, членами Совета, официальными Рихерцехе. Все это свидетельствует об укреплении позиций патрициата, который наряду с сеньориальной властью все больше эксплуатировал торговую-ремесленную массу города, будучи обладателем земельной и домово-недвижимости и денежного богатства.

Кельнские источники XIII в. позволяют говорить, что внутренние противоречия в городской общине стали настоль-

²¹ Die Kölner Zunfturkunden nebst anderen Kölner Gewerbeurkunden bis zum Jahre 1500/Bearb. v. H. Loesch. Bonn, 1907. Bd. 1. S. 50—51, 220.

ко острыми, что она перестала быть единой даже перед лицом общего врага — архиепископа. События, происходившие в то время в Кёльне²², не были исключительным явлением, но они высветили некоторые особенности его развития. Необычайно ранний и мощный рост города, обусловленный прежде всего крупной торговлей, способствовал концентрации огромных богатств в руках незначительной по численности прослойки населения. Эти богатства служили материальной опорой в общей борьбе всех горожан, от купца до поденщика, против сеньориального гнета. Однако чрезвычайно раннее и значительное усиление в Кёльне купечества, способствовавшее в ходе освободительной борьбы вытеснением сеньора-архиепископа из органов городского управления и частичным отстранением его от городских доходов, привело к формированию преимущественно купеческого патрициата. Для ранней истории города, в котором ведущую роль играла торговля, это было закономерно.

Т. С. Чернецкая

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕРОНЫ XI—XII ВЕКОВ

Проблемы социально-экономического развития средневековых городов Италии традиционно занимают большое место в советской историографии. Долгое время, однако, главное внимание уделялось изучению таких крупных центров, как Флоренция, Венеция, Милан, Генуя¹. Достаточно хорошо рассмотрены вопросы хозяйственной жизни Феррары, в

²² См.: Солодкова Л. И. Борьба кельнских горожан против сеньориального режима в XIII в. // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI—XVII вв.). Вологда, 1985. С. 53—61.

¹ См.: Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951; Соколов Н. П. Венецианское ремесленно-торговое производство в XIII—XIV вв. // Труды Горьк. пед. ин-та. 1966. Т. 18. С. 209—235; его же. Венецианские цехи в XIII—XIV веках // СВ. 1956. Вып. 15. С. 31—50; Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960; Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени (очерки). Л., 1974.

меньшей степени — Болоньи, Сиены, Пизы, Лукки², развитие же остальных городов до настоящего времени остается мало исследованным. К их числу относится и Верона: за исключением статей, затрагивающих отдельные аспекты политической истории, нет работ о ее социально-экономическом облике. Между тем, являясь одним из древнейших городов Италии, возникновение которого относят еще к IV в. до н. э., Верона оказывала значительное влияние не только на политическую, но и на экономическую жизнь северо-восточного региона страны.

Решающую роль для Вероны XI—XIII вв., как и для многих других городов той эпохи, сыграл географический фактор. Под ее контролем находился Бреннер — один из важнейших горных перевалов, связывающий Италию с Германией и другими странами. Через Верону проходила и Постумневая дорога, которая соединяла ее с Кремоной и Пьяченцей, вела к Конкордии и Аквилее, обеспечивая тем самым выход к северному побережью Адриатического моря³. Кроме того, в руках Вероны была одна из главных водных артерий северо-восточной Италии — Адидже: она располагалась на обоих берегах этой реки и занимала ключевое положение в ее долине. По Адидже не только шли все крупные перевозки с севера на юг, но и обеспечивалась связь с одним из важнейших портов — Венецией. Верона успешно использовала свои преимущества в борьбе за гегемонию, которую она вела с Тревизо, Падуей, Виченцей, Мантуей, Тренто. В период расцвета сеньории Скалигеров первые три города вошли в состав Веронского государства, ставшего в середине XIV в. одним из наиболее сильных в северной Италии.

Выгодное расположение сделало Верону посредником в коммерческих операциях между городами Италии и Германией; используя все преимущества транзита, она к концу XII — началу XIII в. начинает превращаться в цветущий торговый центр. На это, в частности, указывает широкое обра-

² См.: Бернадская Е. В. Экономика и экономическая политика Феррары в XII—XIII вв. // Проблемы итальянской истории. М., 1972. С. 37—55; Котельникова Л. А. Город и освобождение сервов в Италии XIII в. (Райская книга Болоньи 1257 г.) // СВ. 1955. Вып. 28. С. 69—79; Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии XIV — начала XV века. М.; Л., 1958.

³ См.: Скржинская Е. Ч. Очерк из истории Кремоны // Акты Кремоны XIII—XVI веков в собрании Академии наук СССР. М.; Л., 1961. С. 7.

щение на внешнем рынке веронской монеты — серебряного динария, который во второй половине XII в. сравнился в покупательной способности с венецианской монетой⁴.

Основными источниками, дающими представление о роли Вероны в международных торговых операциях, является городской статут 1276 г. и статут торгово-купеческой организации 1319 года⁵. Специальные статьи данных установлений регулировали взаимоотношения города с чужеземными купцами. Так, все проходящие через него купцы должны были платить соответствующие пошлины за провозимые товары, как правило, мостовые, въездные, дорожные, набережный сбор. Особое внимание уделялось тому, чтобы купцы, прежде всего немецкие, пользовались дорогами Веронского государства, а не объездными, позволяющими избежать уплаты пошлин⁶. Как и в других городах Италии, пошлины налагались не по стоимости товара, а по весу и по количеству. Основными единицами обложения была повозка (*carro*), составлявшая примерно 2000 фунтов любого груза, и тюк (*soma*), равнявшийся, по подсчетам Ф. Карли, 130 кг⁷. Кроме того, размер пошлин зависел от характера экономических и политических взаимоотношений торгующих сторон и от того, оседал ли товар в городе или провозился через него в другие места. Транзитные грузы облагались, как правило, более высокими пошлинами, нежели те, которые продавались в Вероне. Так, немецкие купцы в связи с большим объемом провозимых ими товаров уплачивали 5 динариев за тюк, а ломбардские, ориентировавшиеся в основном на местный рынок, платили 12 динариев за повозку⁸.

К концу XIII в. торговые связи Вероны простирались далеко за пределы Италии. Об этом позволяет говорить пошлинный тариф 1319 г. на ввозимые в Верону или шедшие через нее транзитом товары⁹. Он дает возможность уточнить ассор-

⁴ Cipolla С. М. *Le avventure della lira*. Milano, 1958. P. 25—26.

⁵ Gli statuti veronesi del 1276 colle correzioni e le aggiunte fino al 1323/Ed. G. Sandri: In 2 vol. Venezia, 1940 et 1959 (далее: SV); *Statuta civilia Domus Mercatorum Verona*. Verona, 1598 (далее: SCDMV).

⁶ SV. V. I. Lib. 1. Rub. 169. P. 137 (далее: первая цифра — том, вторая — книга, третья — рубрика, четвертая — страница).

⁷ См.: Edler F. *Glossary of medieval terms of business*. Italian series 1200—1600. Cambridge, 1934. P. 66, 273; Carli F. *Storia del commercio italiano*. Padova, 1966. V. 1. P. 262.

⁸ Carli F. *Op. cit.* P. 374.

⁹ *De rivis hosteriorum Domus Mercatorum Verone//Gli antichi statuti delle arti Veronesi secondo la revisione Scaligera del 1319*. Venezia, 1914. P. 488—491.

тимент (всего 137 наименований), а в некоторых случаях и происхождение товаров. В начале тарифа перечисляется 18 видов шерстяных и льняных тканей. Первые привозились главным образом из Франции, Англии, Германии, а также (что ясно из цехового статута 1319 г.) из Флоренции, Кремоны, Бергамо, Комо, Милана. Два вида тканей прибывали из Передней Азии, шелк — из Сирии, тюки бумазеи — из Павии и Пьяченцы. Очень часто ткани поступали в Верону неокрашенными, поскольку местные мастера издавна славились искусством крашения.

Уже с начала XII в. Верона больше ввозила сырья, нежели готовой продукции¹⁰; значительную часть первого составляли металлы — медь, олово, свинец, железо, золото, серебро, ртуть, затем кожи и шерсть. Пошлинный тариф показывает, что в город в большом количестве поставлялись специи, ароматический корень из Индии, кардамон, краски для текстильного производства, в том числе багдадский индиго¹¹. Из тарифа можно понять, что самые обширные связи Верона поддерживала с Германией: именно из нее ввозились цветные металлы (главным образом медь) и непереработанная шерсть.

Особые отношения связывали Верону с Венецией. Контакты между городами становятся весьма тесными со времени активизации в Вероне деятельности крупного цеха торговцев лесом и проводников паромов, сумевшего с конца XII в. монополизировать куплю-продажу леса по Адидже. Венеция же могла удовлетворять растущие потребности в корабельном лесу только за счет его ввоза из северных и северо-западных районов страны. Поэтому она была крайне заинтересована в усилении торговли с Вероной. Последнюю, в свою очередь, интересовали поставки меда, смолы, железа, дерева, красителей, специй, чему могла способствовать республика св. Марка. Туда можно было сбывать и часть готовой продукции.

Вместе с оживлением сношений росло и соперничество городов, но в силу значительного экономического преимущества Венеции Верона не могла добиться приоритета, даже в период ее наивысшего расцвета. Более того, Венеции удавалось навязывать Вероне соглашения, явно неравноправного

¹⁰ Barbieri G. *Uomini, merci e capitali lungo l'arteria atesina dal medioevo all'eta moderna*. Padova, 1966. P. 4.

¹¹ SV I, 1, 168, 137; I, 1, 172, 138; SCDMV III, XV, 52.

характера. Об этом свидетельствует целая серия торговых договоров начала XIV века¹². Так, в 1306 г. венецианцы добились, чтобы в Вероне постоянно находились их консулы для осуществления надзора и отправления правосудия над их купцами и торговцами. Такого представительства не имел никакой другой город. Согласно договору 1317 г. венецианские торговые корабли обеспечивались усиленной охраной со стороны Вероны по всему течению Адиджы. А через десять лет было заключено соглашение, дающее венецианцам право бесконтрольной торговли на землях Вероны (с ведома их правительства).

Важнейшей статьей веронского импорта была соль. Венеция, торговавшая ею, стремилась извлечь из этого максимум выгод. Так, по договору 1321 г. венецианские купцы получали право беспошлинной торговли солью на территории веронской коммуны. Веронцам запрещалась как перепродажа соли кому-либо, так и закупка ее в других городах. Через два года (в 1323 г.) веронцы в связи с затратами на войну с Тревизо наложили пошлину на ввоз соли и сыра на 5 лет, дав обязательство отменить ее тотчас после возмещения убытков. В конце концов Верона оказалась подчиненной венецианцами — в тот период, когда могущество Скалигеров пошло на убыль, а Светлейшая начала утверждаться на terra ferma¹³.

Интенсивное развитие торговли и установление прочных международных деловых связей Вероны сопровождалось организационной консолидацией торгово-купеческих слоев города. Еще в 1175 г. с целью упорядочения торговли и защиты интересов купечества были учреждены специальные должности консулов-торговцев, одной из важнейших прерогатив которых явилось участие в подписании коммерческих соглашений с другими государствами. Юридическое признание организационно уже сложившейся ассоциации торгово-купеческих слоев города — Домус Меркаторум произошло в 1209 г. с введением должности подеста торговцев (*potestas negociatorum*). С этого момента Домус Меркаторум пользовался широкими правами и был практически самостоятелен в вопросах внутреннего распорядка и организации торговой

¹² Договоры между Вероной и Венецией опубликованы: *Note storia Veronesi/Ed. C. Cipolla//Nuovo archivio Veneto*, 1898. V. 9. Part 2. P. 288—352; Spangenberg H. *Cangrande I della Scala (1321—1329)*. B., 1895. S. 80—84.

¹³ Spangenberg H. *Op. cit.* S. 80—84.

деятельности. Единственное законодательное ограничение состояло в том, чтобы «все в совокупности и каждое из его установлений не противоречило статутам государства Вероны»¹⁴.

Домус Меркаторум имел и свои статуты. Когда они возникли, не установлено. Известно, однако, что в 1319 г. в период существования в городе сеньории, в правлении Кангранде I делла Скала статуты подверглись серьезному пересмотру. Они состоят из пяти книг. Первая включает 30 параграфов и дает представление о внутренней структуре, системе управления, обязанностях должностных лиц, положении данной организации в системе городского управления. Во второй — 19 параграфов, которые содержат сведения об организации торговли, поддержании путей сообщения, мерах, весах и пр. Третья регламентирует взаимоотношения торгово-купеческой организации с цехами. Четвертая, самая малая по объему, рассматривает вопросы ростовщичества. И, наконец, пятая состоит из дополнений, вносимых в статут после 1319 года.

Внутри Домус Меркаторум было несколько советов. Высшим органом власти был Генеральный совет (*Consilium Generale*), в который входили все торговцы (*mercatores*), хозяева постоянных дворов и складских помещений (*hosterii usevoli*), а также члены цехов, достигшие 25-летнего возраста¹⁵. Для рассмотрения наиболее сложных и важных вопросов, требовавших совместных решений, созывался Совет Мудрых (*Consigli dei Sapienti*).

Высшее руководство этой влиятельной организацией практически находилось в руках подеста. Он имел право изменять статуты и контролировать деятельность остальных должностных лиц. Следующие за подеста магистратуры включали четырех консулов, одного массария, шесть нотариусов, двенадцать аукционистов, глашатаев. Избрание всех этих лиц происходило на Генеральном совете по жребию, путем двухстепенного голосования¹⁶. Кроме того, в Домус Меркаторум были постоянные нотариусы, назначаемые подеста. Они следили за исполнением статут организации и цехов¹⁷. Должностные лица получали плату от Домус Меркаторум за службу. Подеста имел 100 лир ежегодно.

¹⁴ SV 1, 2, 63, 317.

¹⁵ SCDMV I, 1, 204, 158; I, 6, 5.

¹⁶ Simeoni L. *Notizia sull'origine delle corporationi a Verona// Gli antichi statuti...* P. XLIII.

¹⁷ SCDMV VI, 14, 7.

Как свидетельствуют статуты, экономические функции торгово-купеческой организации состояли в контроле за коммерческой деятельностью в самом городе и на внешнем рынке. Ни одно сколько-нибудь важное решение, связанное с торговлей внутри и за пределами Вероны, не могло приниматься без санкции подеста и его ближайшего окружения. Так, «подеста торговцев с теми мудрыми, коих он пожелает избрать», должны были заботиться об «установлении объема налога (*toloneum*), взимаемого с продажи продуктов питания в соответствии с тем, что им покажется более выгодным». Без разрешения подеста не позволялось вывозить продукты за пределы веронского дистрикта¹⁸. Домус Меркаторум требовал тщательного измерения и взвешивания продаваемых товаров, заботился о качестве продукции, поступавшей на рынок, пресекал случаи нарушения торговли. Меры веса, длины, ширины, объема должны были проверяться каждые шесть месяцев специальными людьми (*staerator*), которые ставили клеймо, дававшее право на реализацию товара¹⁹. Организация строго следила за действиями частных лиц, вторгавшихся в сферу монополизированной крупнейшими цехами торговли, связанной, как правило, с экспортом или посредничеством. Так, были чрезвычайно затруднены все операции с лесом. Для транспортировки даже небольшого его количества по каналу Атак требовалось разрешение подеста торговой гильдии. Апелляция приговоров по торговым делам, вынесенных подеста или консулами торговцев, не разрешалась²⁰.

С 70-х гг. XIII в. Домус Меркаторум начинает играть исключительно важную роль в организации внешнеторговых и одновременно — внешнеполитических связей Вероны. В разных договорах веронской коммун с другими городами наличествовали статьи, регулирующие торговые отношения. Через своих торговых консулов, подпись которых придавала соглашениям законность, Домус Меркаторум оказывал влияние на формирование внешней политики. Примером может служить договор о мире и союзе с Мантуей и Брешией от 18 сентября 1278 г., в подписании которого принимали участие подеста и консулы торговцев Домус Меркаторум²¹. Послы,

¹⁸ SV I, 1, 204, 158; I, 3, 57, 342.

¹⁹ SV I, 3, 60, 343; SCDMV I, 33, 11.

²⁰ SV I, 1, 185, 147; I, 1, 174, 139.

²¹ *Instrumento di pace e di alleanze fra la città di Brescia, Verona e Mantova/Verici G. Storia della Marca trevigiana e veronese. Venezia, 1787. V. 3. P. 48—53.*

назначенные государством, получавшие от него жалование, по возвращении из поездок, связанных с налаживанием торговых отношений, должны были держать отчет не только перед коммунной, но — еще раньше — перед подеста и консулами Домус Меркаторум²². Позже само назначение послов перешло в руки торгово-купеческой организации²³. Это свидетельствует, с одной стороны, о широкой и всесторонней поддержке государством внешнеторговых связей Домус Меркаторум, а с другой — о весомости последнего в решении внешнеторговых и политических вопросов.

Опираясь на мощную структуру Домус Меркаторум, торгово-купеческая верхушка Вероны имела возможность усилить контроль за цехами, прежде всего за теми, которые были связаны с обслуживанием торговли, транзита. Скажем, значительная часть статей статута Домус Меркаторум регулирует деятельность членов цеха хозяев постоянных дворов и складских помещений²⁴, который по существу выполнял функции одного из главных вспомогательных звеньев в механизме организации. Согласно уставу цеха, вошедшему в цеховые статуты Вероны 1319 г., хозяин постоянного двора действовал в качестве сборщика пошлин за хранение привозимых товаров, не принимая, однако, участия в торговле ими²⁵. При поступлении товара на склад он должен был давать клятву подеста Домус Меркаторум и залог в обеспечение сохранности полученного; он же следил за качеством и количеством привозимого для продажи товара. В его доме заключались торговые контракты между приезжими купцами и веронцами. Здесь взимались и пошлины.

Сведения о сделках заносились в особую книгу. Торговцы могли продавать привезенное либо сами, либо через посредников коммун. Только для купцов из Германии (очевидно из-за значительного объема ввозимого ими и вытекавшей отсюда необходимости более строгого контроля за их деятельностью в городе) от имени Домус Меркаторум и консулов торговцев в обязательном порядке назначались четыре посредника, знавшие немецкий и латинский языки; по крайней мере два из них должны были присутствовать при заключении каждого соглашения²⁶.

²² SV I, 1, 175, 139.

²³ SCDMV I, 82—83, 26.

²⁴ SCDMV III, 16—24, 52—54.

²⁵ *Gli antichi statuti...* I, VI, 5.

²⁶ *Ibid.*

Итак, в XI—XIII вв. Верона была одним из наиболее интенсивно развивающихся торговых центров северо-восточной Италии. Важнейшую роль в ней играл Домус Меркаторум, установивший жесткую систему контроля не только над цехами, обслуживающими торговлю, но и над производящими продукцию на экспорт. Доминирующее положение торгово-купеческих слоев обусловило и их мощное влияние на политическую жизнь города.

М. Е. Карпачева-Беляева

**ОСОБЕННОСТИ ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В МЕЛКИХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРАХ
СРЕДНЕВЕКОВОГО КАРКАССЭ
(начальный период)**

Юго-восточный регион Лангедока — Каркассэ не являлся в средние века стабильным территориально-административным комплексом, его границы постоянно менялись. Вместе с тем, как зона влияния города Каркассона, эта область отмечена известной политической и хозяйственной общностью¹.

Процесс градообразования в Каркассэ начинается в XI в. с формирования ремесленно-торговых бургов самого Каркассона. В XII—XIV вв. в регионе возникает ряд средних и мелких городков с населением от 500 до 4 тысяч человек. Становление ремесленно-торговой экономики в этих центрах относится к концу XII², а главным образом к XIII и XIV вв., что было связано с замедленностью отделения ре-

¹ В римскую эпоху территория Каркассэ входила частью в «Civitas Narbonnae», частью в «Civitas Tolosaе» Нарбоннской провинции. При Каролингах, в 778 г. было образовано графство Каркассонское, которое, интенсивно расширяясь, становится к концу XI в. владением виконтов Тренкавелей. В середине XIII в., когда область Каркассэ была включена в королевский домен, образовалось Каркассонское сенешальство в составе 12 диоцезов (см.: Sabarthès A. Dictionnaire topographique du département de l'Aude. P., 1912. P. VIII—X; Longnon A. Atlas historique de la France depuis Cesar jusqu'à nos jours. P., 1883. T. 3. P. 249).

² За исключением Лиму, где городская экономика кристаллизуется с начала XII в. (см.: Карпачева М. Е. Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в Каркассонском районе в средние века // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 53—80.

месла от сельского хозяйства, с сильным развитием серважа³. Феодальный гнет тормозил становление городского ремесла и торговли в Лиму, Монтолье, Лаграссе, Монреале, особенно в Арзенсе и Сессаке, и погасил кратковременное оживление ремесленно-торговой деятельности в Альзоне, Треб, Кабарет, Виллегле.

Очевидно, именно для средних и мелких городских центров, полуремесленных-полуаграрных местечек Каркассэ успех или поражение в борьбе с феодальным гнетом означали жизнь или смерть, сохранение городского статуса или его утрату и рассасывание в деревенско-поместном окружении.

Острота этой проблемы для малых городов средневековья, возможность сравнительного анализа, наконец, почти полная неизученность вопроса как в западной, так и в советской модиевистике вызывают необходимость обращения к данному локальному материалу.

Малочисленность источников, их разрозненность, лакунарность, почти полное отсутствие нарративного материала создают значительные трудности, преодолеть которые в какой-то степени удается за счет привлечения общих собраний документов, отдельных публикаций, сведений, поступающих из локально-исторической литературы⁴.

³ Крепостнический гнет был особенно тяжел во владениях многочисленных аббатств и монастырей Лаграсса, Монтолье, Сент-Илера, на доменах богатейшего Пруильского аббатства, а также духовно-рыцарских орденов госпитальеров и тамплиеров. Среди сервильных повинностей значительное место в XII—XIV вв. занимали полевая барщина и отработки всякого рода — «корве», «шаруа». Взимались десятины и начатки, «таска» (натуральный побор продуктами), «шампар» (побор с держания в размере от 1/8 до 1/2 урожая), произвольные сервильные поборы — «тольта», «форциа», «квиста» и т. д. Известны факты дарения, продажи, переуступки сервов как целыми деревнями, семьями, так и отдельно от земли (см.: Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement administrative de Carcassonne/Ed. par Mahul. P., 1857—1882. T. I. PP. 81—82, 84, 93, 97, 161, 221—222, 230—231; T. II. PP. 110—113, 115—116, 238—239, 242, 250, 262—263, 266—267, 302, 333; T. III. PP. 29, 165, 413; T. IV. PP. 136—137, 554; T. V. PP. 3, 8, 157, 175; T. VI. Part 2. P. 392. (далее: Cart. Carcas.).

⁴ Cart. Carcas. TT. I—VI; Histoire générale de Languedoc/Réd. par Cl. Devic et J. Vaissete: In. 10 t. Toulouse, 1872—1892 (далее: HGI); Documents de l'histoire du Languedoc/Publ. sous direction de Ph. Wolff. Toulouse, 1969; Ordonnances des rois de France. P., 1723. T. I; Inventaire-sommaire des archives départementales: Aude; Carcassonne, 1900. T. 3 (далее: Inventaire-sommaire); Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame de Prouille/Publ. par J. Guiraud: In. 2 t. P., 1907 (далее: Cart. Prouille); Sabarthès A. Trois chartes de la commune de Limoux// Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques et

В данной статье предпринимается попытка выявить, каким было начало коммунального движения в Лиму, Монтолье, Лаграссе, Монреале, какие вольности и привилегии отвоевываются в этот период, что позволит в целом определить характер, формы, результаты освободительной борьбы в городах каркассонского региона.

Исследование коммунального движения в центральном городе региона — Каркассоне — выявило многогранность этого процесса: от возникновения в результате вооруженных выступлений 1107—1125 гг. городской общины до образования самоуправляющейся коммуны и отвоевания социально-экономических привилегий в конце XII века. Вершиной политических завоеваний стало создание в 1192 г. Каркассонского консулата и оформление в начале XIII в. Кутюма города. В XIII—XIV вв. освободительное движение горожан Каркассона принимает форму антикатолических, антиинквизиционных и антикоролевских выступлений. Очевидно, что даже для такого значительного экономического и политического центра, каким был средневековый Каркассон, освобождение от феодального гнета потребовало длительной трехвековой борьбы, крайнего напряжения материальных сил, кровавых схваток с сеньорами, тесной сплоченности всех слоев городского населения.

На фоне этих событий в Каркассоне первое, что бросается в глаза, — заметное запоздание в сроках и темпах освободительной борьбы в большинстве городков Каркассэ. Единственным исключением являлся Лиму, который вступил в полосу антифеодальной борьбы сразу вслед за Каркассоном. К XII в., ко времени кристаллизации городской экономики Лиму, сеньориальный режим здесь оформился в жесточайшую систему экономического и социально-политического угнетения горожан⁵. Во-первых, горожане испытывали гнет верховных сюзеренов города — каркассонских сеньоров, ко-

scientifiques. P., 1921 (далее: *Trois chartes*): *Les coutumes, libertés et franchises de Montréal*/Par A. Sabarhès. Carcassonne, 1897 (далее: *Les coutumes de Montréal*); *Fonds-Lamothe L. H. Notices historiques sur la ville de Limoux*. Limoux, 1838.

⁵ Складывание этой системы началось с IX в., когда «villa, quae dicitur Limosus», через королевские пожалования 881 и 899 гг. стала объектом обирательства архиепископа Нарбонны, который позднее обложил жителей городка побором с мукомолы и торговыми пошлинами с транзитной торговли зерном, привозимым испанцами (см.: HGL. T. 5. Col. 69, 104).

С X в. сюзеренами Лиму стали каркассонские графы, а затем виконты Тренкавели (см.: HGL. T. 5. Col. 295, 358, 424).

торые управляли Лиму как своей вотчиной, даря, передавая, уступая церкви, аллоды, доходы от него в пользу аббатств, монастырей, частных лиц⁶. Духовные сеньоры, начиная с архиепископа Нарбонны и кончая аббатом Пруиля, опутали город сетью как оброчного, так и денежного обирательства⁷. Наиболее ощутимыми оказались для горожан злоупотребления местных сеньориальных чиновников, которые с первой половины XII в. узурпировали права юстиции и налогообложения, выступая как феодальные правители города — субсеньоры.

Именно грубый произвол, прямой грабёж и беззакония местных субсеньоров Гильома и Тардива де Лиму вызвали первый открытый протест: в 1152 г. лимужцы от лица городской общины обвинили виконтских чиновников в произволе и лихоимстве. Событие чрезвычайное — маленький городок протестует не только против местных мздоимцев, но вступает в тяжбу с могучим виконтом Каркассона. Горожане требуют отмены сеньориальных монополий, поборов с продажи вина, зерна, привозимых на городской рынок⁸. Очевидно, торговоремесленное население Лиму, так же как каркассонцы, в этот период в полной мере испытывало тяготы виконтских баналитетов на мукомольный и хлебопекарный промысел, обложений торговли продуктами первой необходимости и не желало с этим мириться.

Выдвигаются требования и социально-политические: ограничение власти сеньора выборными городскими властями — приюдами. Источники не показывают всех результатов этой тяжбы. Известно только, что зарвавшиеся чиновники были наказаны сеньором Каркассона штрафом в 300 мельгийских солидов, что заставило их на время ограничить свои феодальные притязания на город⁹. Вероятно, результатом этого же стал факт первого оммажа: когда в 1171 г., объявляя о своем верховенстве над Лиму, виконт Ружер IV Тренкавель потребовал от горожан принесения клятвы верности. Данное событие — свидетельство неустойчивости сеньориальной власти каркассонского виконта в городе Лиму, т. к. прежде сюзеренитет передавался из рук в руки просто по акту заве-

⁶ HGL. T. 5. Col. 358, 424.

⁷ *Cartulaire de Prouille*. T. 2. N 426. P. 173; T. I, N 112. PP. 82—83. T. 2. PP. 159—161.

⁸ HGL. T. 7. P. 201.

⁹ *Fonds-Lamothe L. H. Op. cit.* P. 35.

щания¹⁰. Сказалось здесь и то, что отец нового сеньора Лиму (Раймун Тренкавель) в 1167 г. был убит горожанами Безье в результате антифеодального восстания¹¹. Наследник ощущает и нажим со стороны каркассонцев. Об ослаблении феодальной власти Тренкавелей говорят и дарения в пользу графа Тулузского: виконты признали его сюзеренитет¹². Затем Тренкавели принимают вассальскую зависимость от короля Арагона¹³. В этой обстановке горожане Лиму добиваются первых важнейших вольностей и привилегий. По определению Поля Доньона, эти завоевания — результат «коммунальных бунтов» в Лиму¹⁴. Источники не доносят сведений, каким образом лимужцам удалось вырвать у сеньора первые хартии 1178—1182 гг. Очевидно, этому способствовали политическая неустойчивость власти сеньора, социальное сплочение горожан и подъем ремесленно-торговой экономики города. Сказались и успехи идущей уже столетие коммунальной борьбы в Каркассоне. При этом, здесь не было прямой филиации, ведь первая хартия Каркассона датируется 1184 годом.

Уже само название трех хартий Лиму: «О свободе личности», «О свободе завещания», «О гарантии безопасности проезжающим купцам»¹⁵ — показывает, что лимужцы отвоевали наиболее существенные городские свободы. Так, к концу XII в. жители Лиму, объединенные в городскую общину, ставят целью и частично добиваются свободы личности и наследования, частичного ограничения сеньориальных поборов с торговли. Это дало толчок к стремительному росту городского населения, подъему ремесла и торговли и сделало Лиму в XIII в. вторым (после Каркассона) городом этого региона.

Затем на арену городских антифеодальных отвоеваний выходит Монтолье. Первоначально — незначительная при-

¹⁰ HGL. T. 3. P. 120.

¹¹ Ibid.

¹² В 1167 г. виконт дарит тулузскому графу Раймуну V в числе других пожалований «burgum Limosum» (HGL. T. 8. N 8. P. 278).

¹³ В 1179 г. Альфонс II, король Арагона и граф Барселоны, получает оммаж от каркассонского виконта (Fonds-Lamothe L. H. Op. cit. P. 36).

¹⁴ К сожалению, автор не подкрепляет этого определения фактами. (Dognon P. Les institutions politiques et administratives du pays de Languedoc du XIII-e siècle aux guerres de religion. Toulouse, 1895. P. 56.)

¹⁵ Trois chartes. PP. 213—216.

монастырская слобода, Монтолье превращается в XII в. в ремесленно-торговый центр и становится объектом соперничества духовного и светского феодалов. В 1146 г. каркассонский виконт Ружер Тренкавель, вопреки воле монтольерского аббата, строит здесь крепость и для привлечения новоселов, бегущих из окрестных деревень, учреждает два рынка с предоставлением ряда привилегий¹⁶. Заявляет права на доходы с Монтолье и каркассонский епископ Понс, а именно — на сбор торговых пошлин — ледд с товаров и продажи скота¹⁷. Аббат Монтолье цепко удерживает баналитеты на хлебопеченье в бурге Монтолье¹⁸.

В 1174 г. был составлен лариаж — договор о разделе власти между виконтом Каркассона Ружером и аббатом Монтолье Сикардом¹⁹. В Монтолье устанавливается жестокая система обирательства как со стороны верховного сюзерена, так и со стороны сеньора-аббата. Очевидно, этот двойной гнет тяжким грузом лежал на плечах ремесленников и торговцев растущего бурга Монтолье, задерживая рост городской экономики, консолидацию городской общины.

В начале XIII в. антифеодальный протест жителей Монтолье вылился, как и в других городах Каркассэ, в еретическое, альбигойское движение. События Альбигойских войн показывают отчаянное сопротивление монтольерцев завоевателям-крестоносцам в 1209 году. Можно предположить, что катары и вальденсы Монтолье вынудили аббата и монахов бежать в Каркассон, так как «изгнанники» смогли вернуться в город только после его взятия Симоном де Монфором²⁰. Несомненно участие горожан в 1220 г. в антимонфоровском восстании²¹. Поражение в последнем отдаст их во власть духовного сеньора — аббата Монтолье. Характерно, что, уплатив Монфору за восстановление своих феодальных привилегий сумму в 11 тысяч солидов, аббат закрепляет в подробном перечне сеньориальные права и поборы, среди которых и

¹⁶ HGL. T. 4. P. 457.

¹⁷ Понс приобретает половину ледд, вторая половина, вероятно, остается за виконтом (HGL. T. 3. PP. 434—435).

¹⁸ С этого банна, как показывают подсчеты сумм покупки и продажи прав на хлебопеченье 1188—1189 гг., монастырь реально получал ежегодный доход около 140 солидов (HGL. T. 4. P. 457).

¹⁹ Причем, специально оговаривается, что форискалий — налог при отчуждении наследственного имущества горожанина, делится между ним и поровну (Cart. Carcas. T. 1. P. 126).

²⁰ Cart. Carcas. T. 1. PP. 88, 127.

²¹ Cart. Carcas. T. 1. P. 127.

торговая пошлина — ледда, и альберга (право постоя и фуражировки), и секстариаж (побор с продаваемого зерна), и права юстиции в городе Монтолье²². Гнет был невыносим, и через 6 лет, в 1226 г. монтольерцы вновь взбунтовались. Восстановление феодального режима на этот раз происходило в ноябре 1231 г. с помощью королевских войск²³. Город был предан огню и мечу, его стены разрушены. С этого времени начинает в полной мере проявляться антинародная политика королевской власти в Лангедоке.

На фоне этих трагических событий поражает акт (этого же, 1231 года) «дарения» хартии и кутюмов городской общине Монтолье аббатом Эрмангодом²⁴. Ясно, что репрессированные и разоренные горожане не смогли бы добыть крупной суммы для выкупа освободительной хартии, без чего таковые сеньорами никогда не «дарились». Вероятнее предположить, что аббат вынужден был отменить наиболее обременительные для горожан феодальные права и поборы, которые, как показали события начала XIII в., он не мог удерживать за собой. Не исключено, что монтольерцы уже пользовались в конце XII в. рядом городских коммунальных привилегий, которые в начале XIII в. у них были отняты. Иначе трудно объяснить, откуда в хартии 1231 г. взялись такие моменты, как определение состава и функций органов городского консулата, в который входили, кроме консулов, соконсулы, прюдомы и кустоды.

Самое главное — этот документ, как и лимужские хартии 1178—1192 гг., фиксирует свободу личности горожанина и свободу наследования имущества. Вместе с тем, содержание монтольерских кутюмов шире этих первых городских отвоеваний. Они отменяют право взимания сервилльных произвольных поборов: тольты, квисты, форции, а также форискапия (побора при передаче имущества) и запрещают вводить новые ледды и пеажы. Сеньориальная эксплуатация была существенно ограничена. На страже этих завоеваний встал выборный монтольерский консулат.

Труднее всего дались антифеодальные отвоевания городу Лаграссу. Горожане Лаграсса только во второй половине XIII в. достигли первых успехов в коммунальной борьбе. Это объясняется тем, что Лаграсс с момента возникновения

²² HGL. Т. 4. P. 458.

²³ Cart. Carcas. Т. 1. P. 127.

²⁴ Ibid. PP. 127—128.

испытывал тяжелейший феодальный гнет со стороны сеньора-аббата самой мощной и богатейшей церковной сеньории края²⁵.

Первоначально аббат эксплуатировал лаграссцев как своих менмортаблей: с них взимались тольта, квиста, форция²⁶. Отсутствовало право свободного наследования и передачи имущества: горожане вплоть до второй половины XIII в. уплачивали форискапий и лаудемий²⁷. Право юстиции осуществлялось единовластно через феодальную курию.

Особенно ощутимо в Лаграссе проявилось церковно-католическое засилие, и хотя известны упоминания о еретиках Лаграсса, город не принял такого активного участия в Альбигойских войнах и антимонфоровских действиях, как Лиму и Монтолье. Сам аббат Лаграсса в 1215 г. участвовал в арбитраже Симона де Монфора по поводу принятия мер для подавления в крае еретического движения²⁸.

Людовик VIII после подчинения Лангедока в 1226 г. возвращает аббату Лаграсса все его феодальные права, очевидно, утраченные в ходе восстания городов Юга против крепостосцев²⁹. Нет свидетельств и об участии лаграссцев в антикоролевском восстании 1240 г., напротив, Бенуа — аббат Лаграсса, видимо, в качестве поощрения за верность, получает выгоднейшее и доходнейшее право на конфискацию имущества еретиков³⁰.

Горожане Лаграсса в 1240—1270 гг. впервые активно заявляют о себе в конфликтах с крупнейшими феодалами региона — экспортерами хлеба из Лангедока, требуя запрещения вывоза зерна и обеспечения городов Юга продовольствием. В 1269 г. документы впервые упоминают консулат Лаграсса³¹, но вопрос о времени его возникновения остается открытым.

Несомненно активная роль этого городского органа управления во второй половине XIII века. В 1287 г. под давле-

²⁵ В XIII в. владения аббатства Лаграсс составили около 31 сеньории в Лангедоке, Арагоне, Руссильоне (Sabarthès A. Dictionnaire. P. XIV).

²⁶ В 1229 г. король Арагона освобождает «людей аббатства Лаграсс» (а следовательно, и горожан Лаграсса) от этих обложений (Cart. Carcas. Т. 2. PP. 269—270).

²⁷ Cart. Carcas. Т. 2. P. 461; HGL. Т. 7. N 46. P. 164.

²⁸ Cart. Carcas. Т. 2. P. 461.

²⁹ HGL. Т. 8. Col. 856.

³⁰ HGL. Т. 3. PP. 265, 328.

³¹ Cart. Carcas. Т. 2. P. 461.

нием городской общины и консулата было достигнуто первое «соглашение» с аббатством Лаграсс³². Горожане выразили недовольство судебными беззакониями, творимыми чиновниками аббата, вымогательствами и экстраординарными поборами, несоблюдением древних обычаев города. Упоминание о «древних обычаях» позволяет предположить, что Лаграсс уже имел ранее освободительную хартию, которая регулировала отношения между городом и сеньором и содержала определенные привилегии и вольности³³. Попытка нарушить права горожан и вызвала их отпор. Следовательно, традиция освободительной, коммунальной борьбы в Лаграссе истоком своим имела, как и в большинстве других городков Каркассэ, начало XIII века. Первый же документ, официально подтверждающий прежние ограничения феодального произвола в юридической и экономической областях, получен только в конце этого века. Но, в целом, сеньориальный режим в городе и в данное время еще сохранялся: действовала сеньориальная курия, уплачивались в пользу феодала форискалий, ледда (хотя теперь только иногородними), другие сеньориальные поборы.

В королевской бастиде Монреаль, основанной в 1255 г., антисеньориальная борьба развернулась в XIII веке. Первоначально сопротивление жителей Монреаля проявлялось в ходе альбигойского движения: катары Монреаля активно заявили о себе уже в конце XII — начале XIII века³⁴. В ходе Альбигойских войн монреальцы выступили против крестоносцев Монфора, поддержали восстания в других городах Каркассэ³⁵.

В 1226 г. Монреаль подвергся тем же репрессиям, что и Монтолье: были снесены по приказу короля все укрепления города, сам он перенесен в долину³⁶.

После подавления антикоролевского мятежа в 1240 г. Монреаль был разрушен, на долгое время обезлюдел³⁷. Крайняя степень этих репрессий — очевидный показатель силы сопротивления кристаллизующегося здесь городского населения. Вторая половина XIII в., очевидно, была периодом восста-

³² Этот акт подписали четыре снудика города (Inventaire-sommaire. T. 2. Série II, P. 261).

³³ К сожалению, доступные нам публикации источников древней хартии не содержат.

³⁴ Carl Prouille. T. 1. P. 227.

³⁵ Cart. Carcas. T. 3. P. 245.

³⁶ HGL. T. 7. PP. 451, 458.

³⁷ Ibid. P. 461.

новения подорванного экономического потенциала города. В этом активно участвовали члены консулата Монреаля. Первым свидетельством их деятельности являлось решение «хлебного вопроса» на ассамблее городов Каркассонского сеньориальства в 1269 г., в союзе с консулатами Лиму и Монтолье³⁸.

Отвоевание собственно городских вольностей и привилегий относится к началу XIV в. — к периоду, когда ремесленно-торговая деятельность горожан Монреаля окрепла и упрочилась. Без этого бывшая королевская бастида не сумела бы противостоять венценосному сеньору и ограничить его королевские prerogatives.

Первым зафиксированным освободительным актом был выкуп монреальцами у короля хартии вольностей и привилегий города³⁹. Кутюмы Монреаля, официально утвержденные в 1311—1315 гг., содержали главным образом экономические требования: фиксацию ледд, установление твердых тарифов на хлеб, контроль за мерой и весом, регулирование продажи с торгов, а также — взаимоотношений с сельской округой⁴⁰.

С другой стороны, по этим документам, единственным такого рода во всем Каркассэ, можно проследить характер городского консульского управления. Консулат Монреаля избирается в составе 4-х человек советом присяжных городской общины, состоявшим из 24 членов⁴¹.

Акты 1319 г. показывают роль консулов в решении важнейших вопросов внутренней и внешней политики города⁴². В результате этих коммунальных завоеваний Монреаль быстро окреп и в середине XIV в. стал значительным экономическим и административным центром шателени⁴³.

Жители Сессака, Арзенса и местечка Конес добились некоторых ограниченных городских вольностей только в XIV в., что определялось общей запоздалостью экономической стаби-

³⁸ Ibid. T. 8. PP. 1664—1666. О времени возникновения консулата в Монтолье точных данных нет.

³⁹ Les coutumes de Montréal. P. 41—42.

⁴⁰ Ibid. P. 7.

⁴¹ Ibid. P. 52.

⁴² HGL. T. 9. P. 350.

⁴³ К. Рено считает, что Монреаль в этот период переживает свой подъем и наивысший расцвет (Renoux C. Carcassonne et le pays Carcassonnais pendant la première partie de la guerre de Cent Ans (1336—1391) // Mémoires de Société des arts et de sciences de Carcassonne. Carcassonne, 1914—1919. T. 10. 2-e série. P. 36.

лизации этих полуремесленных-полуаграрных центров Каркассэ. В Сессаке и Арзенсе сопротивление феодальному гнету началось с участия жителей в движении альбигойцев, которое, как и в других городах Каркассэ, явилось первым показателем недовольства горожан засильем духовных феодалов и многочисленных в Каркассэ монастырей⁴⁴. Так же как и горожане Лиму, Монтолье, Монреалья и Лаграсса, ремесленники и торговцы этих мелких городков Каркассэ боролись за свободное функционирование городского ремесла и добились несомненного успеха в области сукноделия. Однако эти населенные пункты не отвоёвали сколько-то значительных социально-политических свобод и вольностей и оставались в течение всего XIV в. под гнетом местных феодалов.

Пестрая картина в сроках и темпах освободительного антифеодального движения в городках Каркассэ определялась разновременностью социально-экономического становления в них ремесленно-торговой экономики и формирования городских общин. Характер борьбы на I этапе зависел от соотношения классовых сил на местах и от конкретных обстоятельств. Одна закономерность очевидна: чем раньше город становится на торгово-промышленные рельсы, чем раньше происходит кристаллизация ремесленно-торгового населения, тем раньше и активнее вступают его жители в антифеодальную борьбу.

Обращает на себя внимание и разнообразие, сложное переплетение форм и методов коммунальной борьбы, особенно на II, завершающем ее этапе. Это станет предметом дальнейших исследований.

М. А. Бойцов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НЕМЕЦКОГО БЮРГЕРСТВА НА ИМПЕРСКИХ СОБРАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА

Впервые горожане появились на имперском собрании — рейхстаге в 1255 году. Во второй половине XIII и в XIV вв. они все чаще посещали эти съезды, а в годы правления ко-

⁴⁴ HGL. T. 9. PP. 944, 989—990, 1019.

роля Вацлава Люксембурга (1376—1400) уже редкий рейхстаг обходился без городских посланцев. Тем не менее бюргеры еще долго не были полноправными участниками собраний. Официально городская курия рейхстага была признана при Максимилиане I (1493—1519). Но полного юридического равенства с прочими «имперскими чинами» горожане не имели вплоть до постановлений Вестфальского мира¹.

В подавляющем большинстве случаев на имперские собрания были допущены представители имперских и «вольных» городов². Лишь изредка в зале заседания оказывались послы некоторых земских городов, таких, как Эрфурт или Трир³, что объясняется неопределенностью их юридического статуса, попытками освободиться из-под опеки сеньоров (тот же Эрфурт окончательно был подчинен майнцским архиепископом только в 1483 г., Трир признал власть своего князя-премата во второй половине XVI в.)⁴. Утрата же имперского статуса (скажем, в результате отдачи монархом города в заклад) вела к прекращению посещений рейхстагов его представителями⁵. Членами зарождающейся «городской курии» на имперских собраниях второй половины XIV в. были преимущественно города из южных и юго-западных районов Германии.

Горожан представляли на съездах члены городской верхушки — советники, иногда бургомистры. Ни особых послов, ни депутатов для этой цели не назначалось, — посылали того из членов городского руководства, кто специализировался на «внешнеполитических» связях. Вопрос о характере го-

¹ Schröder R. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1894. S. 777—778.

² В историографии нет единого мнения о том, можно ли считать имперские и «вольные» города двумя разными группами. Г. Мёнке показал, что четкой границы между их правовым статусом нет. Название «вольный» отражает только тот факт, что ранее городская община находилась под властью епископа, а не светского сеньора, с чем были связаны определенные претензии бюргеров на особое место в системе империи (см.: Möpcke G. Zur Problematik des Terminus «freie Stadt» im 14. und 15. Jahrhundert//Bischofs- und Kathedralstädte des Mittelalters und der frühen Neuzeit. Köln; Wien, 1976. S. 84—85).

³ Deutsche Reichstagsakten unter König Wenzel/Hrsg. v. J. Weidacker. Göttingen, 1956. D. 3. Nr. 100, 138 (далее отсылки на это издание будут даваться в тексте. Римская цифра означает том, арабская — номер документа).

⁴ Schröder R. Op. cit.

⁵ Были, впрочем, исключения. Представители Дортмунда, заложеного в 1346 г., были на собрании 1349 г. (последний раз в этом веке), а Эгера, потерявшего имперский статус в 1322 г., — в 1371 г.

родского представительства на рейхстаге, так же как и об их социальной структуре в целом, рассмотрен нами в другой работе⁶. Здесь же делается попытка определить черты политической деятельности бюргеров, выявить главные цели, преследовавшиеся ими на съездах «чинов империи», выяснить, насколько это возможно, как менялось значение посланцев городов на этих собраниях на протяжении второй половины XIV столетия. Оценка роли бюргеров на рейхстагах необходима для решения одной из самых существенных проблем средневековой германской истории — выяснения причин отсутствия прочного союза между центральной властью и горожанами, который позволил бы преодолеть тенденцию к политической раздробленности страны⁷.

Отдельные аспекты этой темы затрагивались в исследованиях о городских союзах на Рейне и в Швабии⁸, о взаимоотношениях короля и городов⁹, о политической борьбе в Германии конца XIV в. вокруг церковной схизмы¹⁰. Но попыток наметить общую линию эволюции городской политики на имперских съездах за сколько-нибудь значительный промежуток времени, насколько нам известно, не предпринималось. С другой стороны, некоторые исследователи стремились оценить роль бюргерства в имперских делах в целом, приводя

⁶ Бойцов М. А. Состав имперских собраний в Германии в конце XIV в. // Из истории древнего мира и средневековья. М., 1987.

⁷ См. характеристику особенностей политического развития городского сословия в Германии в сравнении с другими странами Европы в работе: Гутнова Е. В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979.

⁸ Messerschmidt W. Der Rheinische Städtebund von 1381—1389. Diss. phil. Marburg, 1906; Quidde L. Schwäbisch — rheinische Städtebund im Jahre 1384 bis zum Anschluss der Heidelberger Staufer. Stuttgart, 1884; Vischer W. Geschichte des schwäbischen Städtebundes der Jahre 1376—1389 // Forschungen zur deutschen Geschichte. B., 1861—1863. D. 2—3.

⁹ Ebrart F. Der erste Annäherungsversuch König Wenzels an den schwäbisch-rheinischen Städtebund 1384—1385. Strassburg, 1877; Hinneschiedt D. Die Politik König Wenzels gegenüber Fürsten und Städten im Südwesten des Reiches. Darmstadt, 1891. Th. 1; Ruser K. Die Städtepolitik Karls IV. und die Politik der Reichsstädte 1346—1355. Diss. phil. (Masch.), 1960.

¹⁰ Eschbach P. Die kirchliche Frage auf den deutschen Reichstagen von 1378—1380. Diss. phil. B., 1887; Grünewald F. Die Reichspolitik Erzbischofs Adolf I. von Mainz unter König Wenzel (1379—1390). Diss. phil. Giessen, Darmstadt, 1924; Miebach A. Die Politik Wenzels und die Rheinischen Kurfürsten in der Frage des Schismas von der Thronbefestigung des Königs bis zum Jahre 1380. Diss. phil. Münster, 1912.

факты хотя и многочисленные, но не дающие целостной картины и не позволяющие обрисовать политическое значение городов на разных временных отрезках¹¹.

Из-за скудости источников крайне сложно с достоверностью судить о роли горожан на имперских съездах. Протоколы в XIV в. еще не велись, списки присутствовавших на собраниях только начинали появляться, так что состав рейхстагов приходится устанавливать преимущественно косвенным путем. Хроники весьма часто ограничиваются констатацией: «...съехалось много князей, господ и городских послов». Городские счетные книги дают иногда сведения о том, кто из горожан на какое собрание ездил, во сколько обошлось это, но ничего не сообщают о характере переговоров, в которых депутат принимал участие. Едва ли не самый интересный источник — донесения городских послов своим магистратам — сохранились в ничтожном числе, так же как и инструкции, которыми они руководствовались.

Молчание документов и хроник позволяет предположить, что либо города не придавали особого значения рейхстагам, либо же, напротив, им не позволялось принимать в последних активного участия. В историографии неоднократно подчеркивалось, что горожан призывали туда только ради того, чтобы они выслушали и приняли к исполнению решения королей и князей, а заодно дали средства для их осуществления¹².

В этом суждении есть немалая доля правды: так или почти так происходило во многих случаях¹³, а «полноправные» участники собраний стремились к тому, чтобы дело всегда происходило по подобному сценарию. Император, вызывая представителей какого-либо города на съезд, извещал о «повестке» в самой общей и неопределенной форме, — скажем, что будут вестись переговоры «ради блага земли» или по причине «особой нужды для империи» и т. п. Зато едва ли не в каждом приглашении монарх настаивал на том, чтобы «достойные члены» городского совета прибыли с «полными и исчерпывающими полномочиями». Это означало, что они получили право одобрить любое решение рейхстага, независимо от того, обсуждался ли данный вопрос в их магистрате или нет. Тем самым король хотел получить возможность прямого давления на городских посланцев. Таковой была практика

¹¹ Brülcke P. Die Entwicklung der Reichstadschaft der Städte. Hamburg, 1881.

¹² Ibid. Passim.

¹³ Ibid. S. 85—86.

представительных учреждений того времени вообще: историки показали, что, добиваясь неограниченных полномочий для городских послов, королевская власть стремилась получить дополнительное средство нажима на них¹⁴.

Но имперские города с не меньшей последовательностью игнорировали эти пожелания монарха и постоянно посылали советников, снабженных детальными инструкциями, отступать от которых те не имели права (II, 301 и др.). Такие «императивные мандаты» позволяли уклоняться от решительного ответа королю и князьям и удаляться с рейхстагов под предлогом необходимости проконсультироваться «с нашими друзьями», то есть с прочими членами городского управления. Составители инструкций, не зная в точности, какие вопросы будут заданы городским послам, старались предусмотреть возможные подвохи и каверзы, грозящие городу со стороны какого-либо из участников съезда и дать соответствующие рекомендации. Нередко предосторожности оказывались излишними, так как проблемы, обсуждавшиеся рейхстагом, вообще не затрагивали интересов того или иного города (II, 309). Тогда их посланцы лишь наблюдали происходящее и информировали свой совет. Они же, в случае необходимости, распространяли в империи решения съезда (германские короли вообще широко пользовались имперскими городами как передаточными пунктами при пересылке приказов, сообщений и пр.)¹⁵.

Когда же магистраты были заинтересованы в скорейшем решении вопроса на собраниях, например, членов ландфрида или союза городов, и не опасались нажима со стороны прочих участников таких конференций, городские послы получали полную свободу рук (II, 315). Но нам неизвестно ни одного рейхстага того времени, на котором представитель города появился бы с широкими полномочиями. Это говорит о настороженности, с которой города относились к имперским съездам.

Получение новых привилегий и подтверждение старых было одним из основных стимулов, побуждавших города посе-

¹⁴ См.: Пискорский В. К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени. Киев, 1897. С. 42—43; Хачатурян Н. И. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976. С. 100.

¹⁵ Mandel G. Studien zur «Aussenpolitik» der Reichsstädte im Spätmittelalter. Diss. phil. (Masch.). Heidelberg, 1951. S. 141—146; Heinig P. J. Reichsstädte, freie Städte und Königtum 1389—1450. Mainz, 1982. S. 134—142.

щать рейхстаги. Не столько главные события собраний, в которых бюргерам сводилась второстепенная роль, сколько возможность добиться каких-то выгод при «аудиенциях» с монархом или его советниками (получавшими, кстати, от городов щедрые подарки) заставляли магистратов охотно откликаться на приглашения. За время рейхстага 1355/1356 гг. получили привилегии или подтверждения прав, по крайней мере, 19 городов¹⁶. Кроме того, горожане собирали здесь много ценной информации¹⁷. Поэтому бюргеры, несмотря на расходы, связанные с дальними поездками, и на правовую ущемленность городских представителей на собраниях «чинов империи», выражали неудовольствие, если их туда не приглашали: так было, например, в 1444 году¹⁸.

Вместе с тем, голос отдельного города, даже самого сильного, не имел, по-видимому, особого веса на имперских собраниях. Так, крупнейший город Германии Кёльн (40 тыс. человек) на съезде в Нюрнберге добился от императора Карла IV подтверждения всех прежних прав и приобрел ряд новых, довольно существенных. Императорский указ датирован 8 декабря 1355 года. Но стоило через несколько дней появиться на собрании кельнскому архиепископу, запоздавшему к началу заседаний, как по его решительному требованию император 5 января 1356 г. отменил уже пожалованную привилегию¹⁹. Протеста одного князя оказалось достаточно, чтобы свести на нет усилия представителей большого города.

Так как статус городов на съездах не был четко установлен, он мог значительно варьировать в зависимости от политической ситуации в империи. К резкому усилению городской «партии» привело создание Швабского, а позже Рейнского союзов. Так, в 1377 г. горожане Швабии добились от императора Карла IV и короля Вацлава обещание не отдавать их города в заклад, гарантировать за ними сохранение статуса имперских²⁰. Но взамен Люксембурги провозгласили (по предположению П. Морава, без обсуждения на рейх-

¹⁶ Hergmüller B. U. Der Nürnberger Reichstag von 1355/1356 und die «Goldene Bulle» Karls IV. Diss. phil. Münster/W., 1978. S. 707—709.

¹⁷ Mandel G. Op. cit. S. 60, 69.

¹⁸ Heinig P. J. Op. cit. S. 175.

¹⁹ Regesta imperii/Hrsg. v. J. F. Böhmmer. Hildesheim, 1968. Bd. 8. Nr. 2321, 2373.

²⁰ Viginer F. König Wenzels Rothenbürger Landfried vom 28.5.1377// Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1906. Jg. 31. S. 668. § 23.

стаге)²¹ такой «земский мир» для Швабии, что власть в этом ландфриде полностью оказывалась в их руках, а города отстранялись от руководства²².

Осенью следующего года имперские сословия добились созыва рейхстага для обсуждения швабского «земского мира», и в результате договор ландфрида предстал совсем в другом виде (I, 121). Теперь влияние королевского «старшины», раньше подотчетного лишь монарху, ограничивалось комиссией из 6 человек, причем двоих назначали города, а остальных — феодалы Швабии. Этот ландфрид швабским сословиям удалось отстоять, он оказался довольно прочным и был продлен²³, в то время как первоначальный императорский проект утратил силу едва ли не в момент провозглашения (I. S. XCVIII).

Швабские города, вероятно, окрыленные первым успехом, направили весной 1379 г. на следующий съезд послов с просьбой к королю официально признать и узаконить их союз (I, 141). Встретив решительный отказ Вацлава и сильное противодействие князей, бюргеры Швабии игнорировали рейхстаги в течение двух лет. За время их отсутствия главным пунктом переговоров стала церковная схизма. В них принимали участие в основном города Рейнской области, представители которых очень сдержанно отнеслись к союзу в пользу папы Урбана VI, создававшемуся на съезде королем и князьями. Хотя бюргеры и дали королю малообязывающие устные обещания (I, 157), они и спустя четыре года ни в малейшей степени не препятствовали активной деятельности многочисленных сторонников антипапы Клементя VII в своих стенах²⁴. Когда же по вопросу о схизме обозначилось существенное расхождение в позициях короля и курфюрстов, выдвинувших более радикальную программу, Франкфурт-на-Майне, Майнц, Кёльн, Страсбург и Вормс поддержали точку зрения короля (I, 129—130, 142, 156—157), выбрав, очевидно, из двух зол меньшее. Сторонники Клементя VII были слишком сильны в городах, чтобы магистры могли объявить им открытую войну, как требовали курфюрсты, но противо-

²¹ Moraw P. Versuch über Entstehung des Reichstags//Politische Ordnungen und Sozialkräfte im Alten Reich. Wiesbaden, 1980. S. 4.

²² Vigenier F. Op. cit. S. 679—680.

²³ Asche E. Die Landfrieden in Deutschland unter König Wenzel. Diss. phil. Greifswald, 1914. S. 12.

²⁴ Meyer Ch. Das Schisma unter König Wenzel und die deutschen Städte//Forschungen zur deutschen Geschichte. Göttingen, 1876. Bd. 16. S. 353—356.

поставлять себя королю и большинству князей горожанам тоже было опасно.

Обострение межсословных противоречий надолго отодвинуло церковные проблемы на второй план. В 1381 г. возник союз городов по Рейну и тотчас же объединился со Швабским союзом. Практически все города (имперские и «вольные») Верхней Германии составили единую организацию. В течение нескольких лет они сплоченно выступали и на рейхстагах, что изменило расстановку сил на последних. Но на момент возникновения союза князь и король, очевидно, еще пытались по-прежнему диктовать свою волю городам, предложив в сентябре 1381 г. проект ландфрида, явно направленного против них (I, 180). Подчеркнув верность Урбану VI (§ 2), составители документа с некоторыми оговорками подтверждали право короля закладывать имперские владения, в том числе города (§ 16), провозглашали запрет пфальцбургерства (§ 14) и предлагали разделить область «земского мира» на округа таким образом, чтобы расколоть Швабский и Рейнский союзы. Комиссии с участием горожан не предусматривалось: управление ландфридом передавалось практически в руки четырех рейнских курфюрстов.

Но горожане впервые представили собственный проект ландфрида (I, 181), что дает редкую возможность сравнить позиции основных участников съезда. Главным пунктом этого проекта стала статья 15, предлагавшая сохранить все союзы, заключенные до подписания ландфрида. В сущности, предлагалось признать законность объединенного городского союза. Фиксировалось и два других требования, впоследствии постоянно выдвигаемых горожанами: всякий захваченный силами ландфрида «разбойничий замок-нарушитель мира» должен без всяких проволочек разрушаться до основания (§ 9); войска ландфрида должны выступать не под княжескими знаменами, а под имперским штандартом (§ 16). О пфальцбургерстве и о разрешении королю отдавать города в залог, естественно, не было ни слова. Нечего говорить и о поддержке Урбана VI. Этот документ ценен тем, что отражает инициативную позицию городов по крайней мере на одном имперском собрании и показывает, что горожане не только отвечали на те или иные требования и предложения короля и князей, но и выдвигали собственные программы.

Знаменательно, что не был принят ни один из проектов. Города не смогли провести своих требований, но, очевидно, оказались достаточно сильными, чтобы не допустить заключения невыгодного для них ландфрида.

На следующий год князья на новом съезде предложили вновь распустить союз городов в обмен на некоторые уступки (I, 191). Рейнские города и прибывшие по их приглашению (!) представители Швабского союза (I, 205), очевидно, не согласились и на этот вариант: вопрос был вновь поставлен на рейхстаге в феврале — марте 1383 года. В новом компромиссном варианте (I, 205) ничего не говорилось ни о помощи Урбану VI, ни о пфальцбюргерах. Но в статье 19 опять осуждалась возможность существования союзов, заключенных без разрешения короля. Этого оказалось достаточным, чтобы горожане отвергли проект. Но и князья не считали возможным идти на дальнейшие уступки. Они подписали грамоту ландфрида одни, без городов, и из организации, призванной сохранить мир, ландфрид превратился в военный союз с обязательством о взаимной помощи в «непротивозаконных войнах». Несколько позже была добавлена статья, запрещающая пфальцбюргерство (I, 207).

Князья придавали данному пункту весьма важное значение не просто потому, что пфальцбюргерство широко распространилось в Германии. В эпоху формирования территориальных княжеств сохранение большого числа «горожан, живущих вне города» сильно препятствовало консолидации княжеских владений. Дело в том, что среди пфальцбюргеров были не только крестьяне, но и многие мелкие феодалы²⁵. Переходя под покровительство крупного города, они защищались от крупных князей, стремившихся втянуть их в зависимость, округлить свои территории за счет их владений. Города же в лице пфальцбюргеров приобретали дополнительный воинский контингент, а, кроме того, в скрытой форме проводили территориальную экспансию. Так, например, «благородные» пфальцбюргеры Страсбурга («аусбюргеры»), были разбросаны по всему Эльзасу и сильно мешали страсбургскому епископу, давнему противнику города, расширить владения.

После заключения «союза господ» война между городами и князьями становилась неизбежной. Попытки примирения на собраниях в Гейдельберге и Мергенхайме в 1384 и

²⁵ Например, среди «аусбюргеров» Страсбурга в 1356 г. перечислены: 1 ландграф, 44 земских господина и рыцаря, 97 эделькнехтов и других мелких феодалов, 32 священнослужителя (викарии, капелланы и пр.). В другом случае, относящемся к 1360 г., названы 15 аббатов, 4 аббатиссы, 6 пробстов и пр. (см.: *Urkundenbuch der Stadt Strassburg*. Strassburg, 1896. Bd. 5. Nr. 406, 531).

1387 гг. не разрешили конфликт, а лишь оттянули начало военных действий. Гейдельбергское соглашение, однако, можно рассматривать как последний, но очень крупный успех городов на рейхстагах конца XIV века (I, 246). Статья о пфальцбюргерах (§ 13) была сформулирована столь туманно, что ее можно было толковать в пользу обеих сторон. Кроме того, горожане дали королю особое обещание, тоже весьма неопределенное, «способствовать» ограничению пфальцбюргерства у себя (I, 245). Важные вопросы будущего ландфрида предполагалось решать на паритетных началах в комиссии из шести человек (по трое с каждой стороны), простым большинством голосов (§ 2—3). С «разбойничьими замками» разрешалось делать все, что угодно тому, кто их захватил. Но главное заключалось в том, что документ признавал городские союзы де-факто. Король Вацлав уклонился от этого признания и не участвовал в самом соглашении, но санкционировал его особым протоколом (I, 244).

Существование этого протокола позволяло некоторым историкам сделать предположение, что князья и города достигли компромисса сами, без участия короля²⁶. Действительно, еще в 1383 г. горожане чувствовали себя на рейхстагах настолько самостоятельно и уверенно, что сели за стол переговоров с князьями, не дожидаясь запаздывавшего короля. Был сформирован комитет из четырех бюргеров и четырех князей, где, очевидно, и обсуждались пути достижения компромисса (I, 232, 234; II, 11). Но в случае с Гейдельбергским соглашением убедительнее выглядит аргументация авторов, считавших, что дополнительный протокол сам по себе свидетельствует не столько о самостоятельности имперских сословий на собрании, сколько о дипломатической хитрости короля²⁷.

Разгоревшаяся вскоре после Мергенхаймского собрания (продлившего Гейдельбергское соглашение) война между союзами городов и князей закончилась поражением бюргеров. Князья и король на имперском съезде в Эгере (в 1389 г.) продиктовали побежденным условия мира (II, 72), главными из которых были роспуск союзов (§ 35) и полный запрет пфальцбюргерства (§ 37). Обычная тактика затягивания пе-

²⁶ Mau H. *König Wenzel und die rheinischen Kurfürsten*. Diss. phil. Hestock, 1887. S. 30.

²⁷ *Asche E. Op. cit.* S. 84, 87.

реговоров не спасла горожан, и постепенно, один за другим, города вынуждены были подчиниться²⁸.

Однако, когда в следующем году, стремясь воспользоваться плодами одержанной победы, король решил пополнить казну за счет городских еврейских общин, он встретил сильное сопротивление, особенно в Рейнской области²⁹. На имперском съезде, где обсуждался этот вопрос, города, вопреки ожиданиям, выдвинули встречные требования (II, 169, 171, 173). Среди их авторов были бюргеры Ульма и еще некоторых городов, бывших прежде членами Швабского союза. Они хотели, чтобы король немедленно подтвердил все их привилегии и права, оказал городам помощь при решении вопроса о контрибуции с них князьям, об обмене пленными и о замках, захваченных в ходе войны. Это был последний всплеск активности имперского бюргерства на собраниях XIV века. Но теперь их сопротивление было быстро преодолено. Им пришлось принести требуемые жертвы, в ответ король подтвердил их привилегии (II, 177, 180, 184, 186, 193—194). В последующие годы горожане вновь вернулись к тактике глухой оппозиции королю, а затем и князьям, все более подчинявшим себе рейхстаг.

Итак, на протяжении второй половины XIV в. города на имперских собраниях в целом играли второстепенную роль. Был лишь один период конца 70—80 гг., когда сплоченные имперских и «вольных» городов в сильные союзы дало возможность бюргерам перейти к более активной и независимой от князей и короля политике на рейхстагах. К такому повороту привело изменение реального соотношения сил в империи, а не какое-то законодательное повышение статуса горожан на съездах. Poleмика на рейхстагах стала отражением усилившейся межсословной борьбы. В центре внимания собраний оказались условия заключения договоров «земского мира» и вопросы о городских союзах и пфальцбюргерах. Военное поражение привело города к утрате приобретенного ими былого значения на рейхстагах.

²⁸ Schindelwick K. Die Politik der Reichsstädte des früheren Schwäbischen Städtebundes seit dem Egerer Landfrieden bis zur Anerkennung König Ruprechts VII (1389—1401). Diss. phil. Breslau, 1888.

²⁹ Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1870. Bd. 8. S. 223.

А. Л. Рогачевский

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ГОРОДСКОГО ПРАВА В ПАМЯТНИКАХ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА XIII—XV ВЕКОВ

Среди источников знаний о правовой идеологии средневекового бюргерства заметное место занимают памятники Магдебургского городского права. Однако их изучение сильно затруднено: высказываемые в них идеи о природе городского права не образуют строгой и целостной системы и рассеяны по различным записям. Не будучи политическими или философскими трактатами, памятники Магдебургского права отражают во многом обыденное правосознание того времени. Поэтому содержащаяся в них концепция городского права нуждается в реконструкции¹.

Источникам Магдебургского права посвящено множество работ, но на подступах к данной проблеме сделаны лишь первые шаги. Мы имеем в виду статью западноберлинского профессора Ю. Вейцеля «К понятию права у магдебургских шеффенов»². Анализируя источники, автор показывает, как осмысливались в практике магдебургского шеффенского суда два вопроса: соотношение городского права с земским и положение вилькюров (актов, издававшихся городскими советами) в системе городского права.

В сообщении мы коснемся другого аспекта проблемы — представлений о происхождении и сущности городского права. Однако сначала необходимо сказать несколько слов об основных источниках, на которые мы будем опираться в дальнейшем изложении.

¹ При мысленной реконструкции какой-либо доктрины исследователь задается целью непротиворечиво охватить возможно большее количество ее положений в их внутренней взаимосвязи и в сопоставлении с прямыми высказываниями интерпретируемого автора (см.: Киссель М. А. Реконструкция философских концепций как методологическая проблема (некоторые аспекты) // Философские науки. 1987. № 3. С. 46). Это положение, выдвинутое в отношении историко-философских исследований, представляется нам вполне приемлемым в данном случае.

² Weitzel J. Zum Rechtsbegriff der Magdeburger Schöffen // Studien zur Geschichte des sächsisch-magdeburgischen Rechts in Deutschland und Polen/Hrsg. v. D. Willoweit und W. Schich. Frankfurt a. M.; Bern; Cirencester, 1980. S. 62—63.

Магдебургское право, бывшее разновидностью немецкого городского права, возникло, видимо, в конце XII в. и впоследствии широко распространилось не только в Германии, но и во всей Восточной Европе. Первые надежные его записи относятся к XIII в., а в самом конце XIII или в начале XIV в. на их основе была составлена так называемая Вульгата, известная также (по названию одной из основных частей) как «Саксонский Вейхбильд». Этот документ представляет собой запись обычного права городов Саксонии с включением выдержек из «Саксонского зеркала» и ряда других материалов. В XIV—XV вв. памятник подвергся обширному глоссированию. Глоссы, в несколько раз превосходящие по объему основной текст, составлялись профессиональными юристами (легистами), которые подробно раскрывали и толковали содержание статей Вульгаты, подкрепляя свои доводы многочисленными ссылками на римское и каноническое право, а также на сочинения ряда античных авторов³.

Существуют и иные, систематизированные записи Магдебургского права, из которых назовем лишь основные. Одна из них — Мейсенский сборник⁴ — относится к середине XIV века. Другая, носящая название «Магдебургский цветок»⁵, была составлена в 1386 г. профессиональным юристом, знатоком римского права, автором многих работ Николаусом Вурмом. Важными источниками, в которых нашли закрепление обычаи Магдебургского права, являются также записи практики судов шеффенов Магдебурга. В систематизированном виде (по категориям дел) судебная практика была обобщена в сборнике «Магдебургские вопросы», составленном между 1386 и 1400 гг. и содержавшем приговоры магдебургских шеффенов по различным сложным делам⁶.

Все эти памятники дают интересный и достаточно богатый материал для изучения правовой идеологии бюргерства и,

³ Daniels A. v. Gruben Fr. v. Das sächsische Weichbildrecht (jus municipale Saxnicum). Weltchronik und Weichbildrecht im CXXXVI Artikeln mit der Glosse herausgegeben. В., 1857. Bd. 1 (далее: SW). При ссылках на этот памятник римской цифрой обозначена статья, арабской — параграф. Помета «g!» означает отсылку не к основному тексту, а к глоссе.

⁴ См.: Orloff F. Sammlung Deutscher Rechtsquellen. Bd. 1. Das Rechtsbuch nach Distinctionen nebst einem Eisenachischen Rechtsbuch. Jena, 1836.

⁵ См.: Voehlau H. Die Blume von Magdeburg. Weimar, 1868.

⁶ См.: Behrend F. Die Magdeburger Fragen. В., 1865 (далее: MF). При ссылках на этот памятник римская цифра означает книгу, первая арабская — главу, вторая арабская — номер статьи.

в частности, раскрывают господствовавшие в ту эпоху идеи о происхождении и сущности городского права. Приступая к рассмотрению данного вопроса, необходимо иметь в виду две существенные черты городского права: господство в нем обычаев и влияние на него религиозных воззрений. Причем обе черты так тесно переплетены, что рассматривать их можно только во взаимосвязи.

Господство обычая перешло в средневековье еще из бесписьменного варварского общества. В трактате, написанном около 1000 г., на заре возникновения городского права, известный немецкий философ Ноткер Губастый упоминает, что городское право «говорится» его знатоками, то есть подчеркивает устность его традиции⁷.

В XI—XIII вв. происходит запись немецкого обычного права, в том числе и городского, однако значительная часть обычая остается незаписанной и по-прежнему находит широкое применение на практике. Спустя более чем три с половиной века после создания упомянутого трактата Ноткера, в преамбуле к книге VII Мейсенского сборника отмечалось, что право не записано исчерпывающим образом в книгах, оно «передается и тщательно оберегается мудрыми, разумными людьми»⁸. Сама по себе запись обычая еще не имела юридической силы, она составлялась лишь «к сведению и для представления людей»⁹.

Ключевым для понимания того значения, какое имели обычаи, служит положение «Магдебургских вопросов» о том, что «добрые старые обычаи подобны праву и создают право¹⁰ по прошествии долгого времени, если их соблюдали так долго, что иного никто и не вспомнит»¹¹. Это положение следует рассмотреть подробнее.

Прежде всего обратим внимание: не «является правом», а «подобно праву» (besten... by dem rechte wol). Следовательно, обычаи в представлении той эпохи были только отраже-

⁷ «... die ze... iuridici hiezen, die daz purgreht in dinge sageton» (Цит. по: Schlesinger W. Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd. II. Städte und Territorien. Göttingen, 1963. S. 92).

⁸ Orloff F. Op. cit. S. 336.

⁹ MF. 132.

¹⁰ Здесь имеется в виду субъективное право.

¹¹ MF. 111. Позднее, в первых печатных изданиях Вульгаты указывалось, что обычай имеет силу, если его неуклонно придерживались 11 лет и 1 день (см.: Sächsisch Weichbild und Lehenrecht. Leipzig, 1542. S. 8g III).

нием, подобием какого-то высшего, абстрактного права. Обращение к источникам подтверждает это предположение.

Отправляясь от высказывания составителя «Саксонского зерцала» Эйке фон Репкова: «Бог есть начало и конец всех вещей», глоссаторы Вульгаты указывали, что право возникает «по воле вечного бога»¹², и называли городское право «святым правом»¹³. Бросается в глаза очевидное, казалось бы, противоречие между этим утверждением и положением Вульгаты о том, что городское право установлено горожанами по своей воле¹⁴. Подобное же противоречие можно усмотреть и в тех местах глоссы, которые говорят не об обычаях, а об актах власти. Например, источниками права признавались привилегии, даровавшиеся суверенному городскому населению¹⁵, а также вилькюры¹⁶ и приговоры шеффенских судов¹⁷. Однако это лишь отражение противоречий самой жизни: городское право (в том числе и Магдебургское) возникло в ходе освободительной борьбы горожан против городских сеньоров, но, приобретя его, бюргеры спешили оправдать и освятить его авторитетом божественной воли. Даже городские советы, ежегодно избиравшиеся общиной¹⁸, считались наместниками бога на земле. Об этом, в частности, свидетельствует одно из 23 двустийши, которые автор «Магдебургского цветка» рекомендовал помещать на стене зала заседаний городского совета:

¹² SW I gl.

¹³ SW IX gl.

¹⁴ SW I 4.

¹⁵ SW XLII—XLIII gl. Особо подчеркивается, что «правом является сама справедливая воля князя». См. также аналогичное указание Николауса Вурма (Boehlau H. Op. cit. S. 158).

¹⁶ SW XLII—XLIII gl. Вилькюры, впрочем, признавались лишь местным правом, а при переселении, например, рассмотрении дела в магдебургский суд шеффены решали все вопросы по праву Магдебурга. Исключения из этого правила были чрезвычайно редки (см.: Weitzel J. Op. cit. S. 72—79).

¹⁷ По Магдебургскому праву численность суда шеффенов определялась в 11 человек, двенадцатым был судья (SW. X. 4), что должно было символизировать Христа и одиннадцать верных ему апостолов (SW XVI gl), поскольку «в боге видели высшего и последнего судию и одновременно — безусловный образец земного правосудия», а «справедливое решение было уже наперед задано, его следовало лишь найти» (см.: Schild W. Alte Gerichtbarkeit. Vom Gottesurteil bis zum Beginn der modernen Rechtsprechung. München, 1980. S. 125—126).

¹⁸ SW XLII 1.

От бога власть имея, мы
Лишь на год ею наделены¹⁹.

По мысли глоссаторов, городское право не может быть чем-то дурным, оно — синоним справедливости. В глоссе есть характерное утверждение о том, что задача права — преодолевать дьявольские козни²⁰. Эта мысль получает развитие в других памятниках. Так, в одном из сборников судебной практики конца XV в., носящем название «Прямой путь», содержится интересный материал, не имеющий, казалось бы, правового значения. Это протокол воображаемой тижбы между богом и дьяволом за обладание человеческим родом. Дьявол прибегает к различным казуистическим уловкам. Христос же, защищая род людской как свое законное владение, ссылается на ряд положений (о сроках исковой давности и др.). В результате дьявол терпит полное поражение и должен отправиться в ад²¹. Составитель сборника прямо не называет конкретные правовые нормы, которые отражены в приписываемых богу рассуждениях. Однако сопоставление доводов Христа с записями Магдебургского права показывает, что соответствующие им положения содержатся в Вульгате²².

Очевидно, нормы городского права, упроченные таким своеобразным способом, должны были, по мысли составителя сборника, символизировать победу права над несправедливостью и злом. Не случайно и то, что большинство памятников городского права начинается инвокацией — воззванием к богу, которая как бы служила гарантией подлинности и справедливости права. Иногда инвокация, как, например, в Вульгате, приобретала форму стихотворного введения.

Итак, мы рассмотрели положение Магдебургского права о подобии обычаев праву в плане соотношения обычаев с религиозными воззрениями. Но у этого положения есть и другая сторона. Праву подобны не всякие обычаи, а лишь «старые», «добрые». Право пользуется тем большим авторите-

¹⁹ «Von gote hab wir dy gewalt/Eyn jor, das ist schier gezalt// Homeyer C. G. Der Richtsteig Landrechts nebst Cautela und Premis. W., 1857. S. 340.

²⁰ SW I gl.

²¹ См.: Böhlau H. Die «Summa der rechte Weg gnant». Zur Geschichte der deutschen Rechtsquellen im 15. Jh./Zeitschrift für Rechtsgeschichte. Weimar, 1869. Bd. 8. S. 199—200.

²² SW LXIX, LXXVI.

том, чем оно древнее²³. Поэтому принцип *lex posterior derogat legi priori* (последующий закон ограничивает силу предыдущего) имел в средние века лишь ограниченное значение. Действительно, Вульгата открывает своеобразным историко-правовым введением, в котором названы библейские пророки и цари, римские императоры, а также франкские и германские государи (считавшиеся, как известно, преемниками римских императоров) — вплоть до времен записи Магдебургского права²⁴. При этом, перечисляя германских суверенов, хроника соотносит законодательную деятельность некоторых из них с жизнью Магдебурга. В самой Вульгате объявлялось, что городское право возникло в эпоху Карла Великого²⁵. Еще дальше шли в этом отношении глоссаторы, связывая возникновение городского права с основанием мифического библейского города Еноха — первого города на земле, появившегося якобы вскоре после изгнания Адама и Евы из рая²⁶. Глоссаторы также утверждали, что жители Магдебурга придерживаются чисто римских обычаев²⁷, а самую Вульгату рассматривали как привилегию, будто бы дарованную Магдебургу императором Оттоном I Великим в 947 году. Версия об особой древности Магдебургского городского права была опровергнута еще в XVII в., когда доказали подложность привилегии Оттона I, которая, якобы, изложила основы этого права²⁸. На самом деле ни Вульгата, ни другие записи Магдебургского права никогда и никем не утверждались в законодательном порядке и в действительности гораздо моложе приписываемого им возраста. Тем не менее идея о континуитете права, существующего с незапамятных времен, была свойственна средневековому мировоззрению и накладывала существенный отпечаток на правовую идеологию той эпохи.

²³ Подробнее см.: Stobbe O. *Geschichte der deutschen Rechtsquellen*. I. Abteilung. Leipzig, 1860. S. 269—270; Kern F. *Recht und Verfassung im Mittelalter*//*Historische Zeitschrift*. München; B., 1919. Bd. 120. S. 3—44; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 178—179; Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 174—175.

²⁴ Последним из перечисленных в хронике германских королей назван Вильгельм Голландский (годы правления 1247—1256).

²⁵ SW I 4; IX.

²⁶ SW I gl (см.: Бытие. 4: 17, 18).

²⁷ SW XLII—XLIII gl.

²⁸ См.: Рогачевский А. Л. К эволюции взглядов немецкого бюргерства XIII—XVII вв. на происхождение Магдебургского городского права//*Вестник Ленингр. ун-та. Серия «Право»*. 1989. № 4.

Другое требование, предъявляемое к обычаю, — быть «добрым», «справедливым». Что же служило критерием для установления справедливости обычая? Задавшись этим вопросом, мы подходим к главной особенности бюргерской правовой идеологии, получившей отражение в записях Магдебургского права. В них прямо указывается, что городское право призвано служить общему благу, а не на пользу кому-то одному²⁹. «Право, — учили глоссаторы, — должно быть общим для всех, и потому говорит Платон: город образовывается достойно и добросовестно, в нем никто да не требует себе особых благ»³⁰. Идея Платона, на которую ссылались глоссаторы в обоснование своего утверждения, является, по видимому, реминисценцией из его сочинений «Государство» и «Законы», получивших в XV в. распространение в бюргерской среде³¹. Платон, изображая идеальный город³², писал: «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» (Государство, II, 369 с.)³³. Он также указывал, что «неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних расприх, и то, что считается там справедливостью, носит вовсе это имя» (Законы, IV 715 в.)³⁴. Ссылка на авторитет греческого философа не случайна. Взгляды Платона оказывали заметное влияние на бюргерскую идеологию как прямо (что было характерно для XIV—XV вв.), так и опосредованно — через христианский неоплатонизм. Многие черты платоновского учения оказались созвучны христианской доктрине общества, и среди них — идея подчинения отдельного индивида всеобщему закону, а частных интересов — общему благу³⁵. Особенно ценной была эта идея для городской общины.

²⁹ SW XLII—XLIII gl.

³⁰ SW IX gl.

³¹ См.: История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 258—259.

³² Город, как отмечал Ф. Энгельс, был у греков тождествен государству//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 239.

³³ Платон. Соч. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 145.

³⁴ Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 188.

³⁵ См.: Zeller E. *Der platonische Staat in seiner Beziehung für die Folgezeit*//Zeller E. *Vorträge und Abhandlungen geschichtlicher Inhalts*. Leipzig, 1865. S. 67.

Итак, идеалом бюргерства было общее и равное для всех право. Если обычай не соответствовал этому идеалу, он считался «дурным», «безумным» (к таким, например, относили обычаи, на которые ссылались поборники крепостной зависимости³⁶) и его предлагалось отвергнуть³⁷.

Разумеется, городскому праву и бюргерской идеологии была свойственна лишь относительная антифеодалность³⁸. Городское право, при всей его специфике, во многом само еще носило «характер привилегии, то есть феодальной формы, всегда строго ограниченной локальными или местными границами»³⁹. Вульгата же определяла городское право как одну из сословных отраслей права той эпохи: «Право бывает тройкого рода (букв. «трехрукое» — dreirhande): божественное (каноническое — А. Р.) право — первое, городское право — второе, земское право — третье»⁴⁰. О том, насколько глубоко проникали в правосознание той эпохи существующие сословные порядки, позволяет судить одно из положений «Магдебургского цветка»: «Бюргеры подчиняются распоряжениям бюргермейстера и его соприсяжников (членов городского совета — А. Р.), после того как они сами утверждают (uorwilkurin) эти распоряжения, подобно тому как священники подчиняются своим прелатам, ученики — своим мастерам, рыцарь — своему господину»⁴¹.

Однако, несмотря на влияние средневекового сословно-ограниченного мировоззрения, основное требование к городскому праву оставалось неизменным: оно рассматривалось как право, призванное учитывать общие интересы бюргерст-

³⁶ SW II gl.

³⁷ SW XLII—XLIII gl.

³⁸ Подробнее см.: Стам С. М. Движущие противоречия развития средневекового города // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 100; его же. Средневековый город и проблема возникновения нефеодалных форм собственности // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 41—42.

³⁹ Левин Д. Зарождение правовых форм буржуазного государства в средневековых городах // Советское право. Зап. ин-та сов. права. М., 1929. Вып. 1. С. 27. Действительно, в одной из своих работ («Цветок «Саксонского зеркала») Николаус Вурм прямо отмечал, что существующий в городах правовой порядок представляет собой привилегию (см.: Homeyer C. G. Op. cit. S. 370).

⁴⁰ SW I. I. В некоторых других записях Магдебургского права в качестве «четвертой руки» упоминается также ленное право (см.: Laband P. Magdeburger Rechtsquellen. Königsberg, 1869. S. 50).

⁴¹ Boehlau H. Op. cit. S. 157.

ва⁴². В этом элементе правосознания горожан мы усматриваем один из источников появления принципа равенства, который позднее — уже на более высоком уровне — был сформулирован и развит в буржуазных правовых теориях.

Средневековое городское право выделяло город из окружающего феодального мира и закрепляло формальное равенство прав и обязанностей горожан — прежде всего через одинаковую свободу от сеньориальных повинностей⁴³.

Таковы, на наш взгляд, некоторые существенные черты концепции городского права, нашедшие отражение в памятниках Магдебургского права. В целом же эта концепция еще требует специальной разработки.

А. Н. Галямичев

РАННИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЧЕХИИ В ОСВЕЩЕНИИ Ф. ПАЛАЦКОГО

Исследователь ранней истории средневекового чешского города вправе сетовать на крайнюю скудость источников. Но, с другой стороны, его ожидает встреча с необычайным богатством историографического наследия¹. Перед историком открывается широкое поле в высшей степени благодарной работы: изучения хода развития исторической мысли со все-

⁴² Разумеется, на этот идеал не мог повлиять тот факт, что на практике «общее благо» бюргерства чаще всего оборачивалось благом для имущих слоев населения, в чьих руках обычно и находилась власть в городе. Глоссаторы совершенно недвусмысленно предостерегали от перелачи власти патрициату (SW XLII—XLIII gl). Но, очевидно, это требование редко претворялось в жизнь, потому что несколько ниже глосса констатирует: «В редком городе не найдешь народа трех видов: простых людей, бедняков, которые служат, и богатых, которые господствуют» (ibid).

⁴³ См.: Kroeschell K. Weichbild. Köln; Graz, 1960. S. 111.

¹ Обширность исследовательской литературы по проблеме раннего чешского города определяется ее особой значимостью для понимания средневековой истории Чехии. Ни одна из попыток обобщаемого осмысления истории чешского средневековья не могла пройти мимо вопроса об особенностях раннего городского развития в чешских землях. Эта часть историографического наследия, связанная с именами выдающихся исследователей истории Чехии, представляет не меньший интерес, чем многочисленные конкретно-исторические работы по истории чешских городов, выполненные на разном исследовательском уровне.

ми его взлетами и падениями, где не только вошедшее в фундамент современной науки, но и некогда отвергнутое может натолкнуть на путь к новому знанию.

Обращаясь к истокам историографии чешского народа, мы должны остановиться перед монументальным произведением Франтишека Палацкого «История чешского народа»², обозначившим важнейшую веху в развитии чешской исторической науки. До Палацкого существование городских поселений в Чехии считалось вещью само собой разумеющейся. История чешского народа в исторической литературе второй половины XVIII — начала XIX вв. открывалась, как правило, овеянными легендами рассказом об основании города Праги, главного, но не единственного в стране³. С изначальных времен на всем протяжении чешской истории города Чехии неизменно выступали в одном и том же качестве административных и военных центров. Преимущественный интерес к политической истории, свойственный историографии второй половины XVIII — начала XIX вв., оставил в стороне вопросы собственно городского развития (социально-экономического, правового), оказавшиеся до появления труда Палацкого совершенно неизученными.

² Знакомиться с «Историей чешского народа» предпочтительнее по первому чешскому изданию, вышедшему в 1848 году. Здесь Палацкий наиболее последователен и наименее скован вниманием цензуры. Поскольку это издание оказалось нам недоступным, мы пользовались изданием 1939 г., в котором был воспроизведен текст первого чешского издания 1848 года.

³ Такие представления были общим местом в работах самых различных по своим идейным убеждениям и творческим дарованиям авторов того времени: непримиримых противников просветителя Г. Добнера и иезуита И. Публички (Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum. Praga, 1763. P. II. S. 173; Pubitschka J. Chronologische Geschichte Böhmens. Leipzig — Prag, 1770. Bd. I. S. 240), полузабытых ныне историков (Rulík J. Welmi vzitecna hystorye o slowutnem narodu ceskem. Praha, 1793. S. 13; Pabst F. A. Neynowegssi Kronyka a werna Poselkyne starozitneho a noweho narodu ceskeho. Praha, 1813. D. I. S. 38—41; Dlabac B. J. Kratke wypsani ceskeho kralovstvi. Praha, 1818. S. 43; Novotny F. Kronyka Mlado-Boleslawska. Praha, 1822. S. 7; Kral J. M. Slawowe, praotcowe Cechu a bytedlna sydla gegich. Hradec Kralowu, 1825. S. 41—42) и почитаемых корифеев чешского национального Возрождения (Pelzel F. M. Kurzgefasste Geschichte der Böhmen. Prag, 1774. S. 30; Idem. Nowa Kronyka Czeska. Praha, 1791. S. 99—102; Dobrovsky J. Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte von späteren Erdichtungen zu reinigen. Prag, 1803. Bd. I. S. 85; Hanka W. Deginy Ceske w kamenopisne wywedenych obrazech. Praha, 1824. D. I. S. 43; Jungmann J. Historie literatury ceske. Praha, 1825. S. 6).

О Палацком и его главном произведении написано немало⁴, исследованы многие стороны его научного творчества, однако освещение ранней истории чешского города в «Истории чешского народа» еще не становилось предметом специального рассмотрения. Между тем, будучи одним из важных звеньев общей концепции Палацкого, призванной дать новое толкование смысла чешской истории, наблюдения историка о раннем городском развитии в чешских землях представляют и самостоятельный интерес.

В работах историков разных времен и идейно-методологических позиций мы нередко можем встретить суждения о том, что именно Палацкий стал основоположником восторжествовавшего в исторической науке второй половины XIX в. формально-юридического истолкования чешской городской истории, трактующего историю города как историю городского права⁵. Нельзя не признать, что своя логика в подобного рода представлениях присутствует. В формально-юридическом понимании истории средневекового чешского города исходной точкой его развития считалась немецкая колонизация, поскольку последняя принесла с собою в Чехию утвердившиеся затем здесь нормы городского права, без которого, если мыслить в рамках формального юрицизма, нет и не может быть самого города. «История чешского народа» совершенно определенно говорит о том, что одним из последствий немецкой колонизации в Чехии стало возникновение городского сословия, прав и обязанности которого были зафиксированы в особых привилегиях, составленных на основе немецкого городского права⁶. Казалось бы, это подтверждает справедливость упомянутого мнения о взглядах Палацкого на раннюю историю чешского города. Однако логика была бы здесь безупречной лишь в том случае, если бы Палацкий разделял формально юридическое понимание городской истории. Знакомство же с творческим наследием чешского историка убеждает в том, что ему был чужд узкий юрицизм мышления.

⁴ Важнейшие работы послевоенного времени: Tri studie o Palackem. Olomouc, 1949; Jetmarova M. Frantisek Palacky. Praha, 1961; Machovec M. Frantisek Palacky a ceska filosofie//Rozprawy Ceskoslovenske akademie ved. Rada spolecenskych ved. 1961. Roc. 71. Ses. 2; Foglarova E. Estetika Frantiska Palackeho. Praha, 1984.

⁵ См., напр.: Zycha A. Über den Ursprung der Städte in Böhmen und die Städtepolitik der Premysliden. Prag, 1914. S. 2; Prehled dejin Ceskoslovenska. Praha, 1980. D. I/1. S. 247.

⁶ Palacky F. Dejiny narodu ceskeho v Cechach a v Morave. Praha, 1880. D. I. S. 26, 380—381, D. II. S. 15—16.

Для того, чтобы правильно понять существо взглядов Палацкого на ранний период истории средневековых городов Чехии, необходимо вспомнить ведущие идеи его концепции чешской истории. В основе исторических воззрений ученого лежала гегелевская идея о развитии как следствии борьбы противоположностей, принявшей в Чехии форму борьбы славянского и германского начал⁷. В русле идеи «народного духа» (на эту сторону исторических взглядов Палацкого значительное влияние оказали произведения И. Г. Гердера⁸) он рассматривал историю каждого народа как неповторимый путь саморазвития исконно присущих этому и только этому народу основ общественного устройства. Германцы, по мысли Палацкого, с незапамятных времен были захватническим военно-кочевым народом, источником права и собственности у которого было насилие. Феодализм, полагал чешский критик, был естественным порождением «германского духа» и был призван обеспечить господство завоевателей над подчиненным населением. Славяне, в противоположность этому, уже на заре своей истории предстают, по свидетельствам письменных источников, оседлым, прилежным, дружелюбным и вместе с тем свободолюбивым народом, источником права у которого неизменно была лишь единая воля общества, основой общественного устройства — свобода, а формой правления — демократия⁹.

Немецкая колонизация была, в представлении Палацкого, временем насаждения в Чехии немецких, следовательно, феодальных порядков, каковых не знала страна в доколониационный период. Дух исконной славянской демократии, как полагал историк, был на время оттеснен в потаенные глубины народной души, пока в начале XV в. не вырвался на свободу сокрушительным ураганом гуситского движения, призванного освободить страну от оков немецкого феодализма¹⁰. В числе принесенных из Германии образцов общественного устройства было и городское право, ставшее юридической основой сплочения жителей городов Чехии в особое городское сословие.

Признавая немецкое происхождение городского права в чешских землях, а также важную роль, сыгранную немецки-

⁷ Palacky F. Dejiny... D. I. S. 16.

⁸ О становлении мировоззренческих основ творчества Палацкого см. подробнее: Machovec M. Op. cit. S. 6—66.

⁹ Palacky F. Dejiny... D. I. S. 58—59.

¹⁰ Palacky F. Dejiny... Praha, 1850. D. III. C. 2. S. 162.

ми колонистами в подготовке экономического подъема Чехии в XIV в.¹¹, Палацкий, однако, был убежден в том, что города и городское население существовали здесь задолго до немецкой колонизации. Города, как полагает историк, были одним из исконных типов поселений славян со времен седой древности¹². Встречающиеся в нарративных источниках раннего средневековья упоминания о племенных градах славян толкуются Палацким как свидетельства роста и преуспеяния городской жизни в чешских землях¹³.

Конечно, с мыслью об исконном существовании городов у славян, связанной с расплывчатым пониманием города как укрепленного поселения, являющегося административным и отчасти экономическим центром определенной территории (вне зависимости от степени зрелости и самого содержания политических и хозяйственных связей)¹⁴, согласиться нельзя. Но при этом следует обратить внимание и на несомненное достоинство взгляда Палацкого на историю средневекового города: чешский историк справедливо полагает, что город возникает не вместе с городским правом и не благодаря последнему, а самим своим существованием вызывает к жизни потребность в правовом оформлении реально существующих отношений.

Особого внимания заслуживает трактовка Палацким краеугольной проблемы урбанистики — отношения средневекового города к феодализму. Ясно, что в доколониационной славянской Чехии, не знавшей, по Палацкому, феодальных отношений, город мог развиваться только как нефеодалное явление. Если же говорить о том времени, когда колониационный поток принес в Чехию немецкие порядки, в том числе городское право, то, не изменяя ведущим идеям своей исторической концепции, Палацкий должен был бы признать феодализацию чешского города. Однако здесь историк вступает в противоречие с одной из своих исходных посылок

¹¹ Ibid. D. II. S. 205.

¹² Современник Палацкого, крупнейший знаток истории древних славян П. И. Шафарик, на работы которого во многом опирался автор «Истории чешского народа», высказал эту мысль предельно отчетливо. См.: Шафарик П. И. Славянские древности. Часть историческая. М., 1838. Т. I. Кн. 3. С. 232.

¹³ Palacky F. Dejiny... D. I. S. 356, 363, 365, 367—375.

¹⁴ Палацкий не дает сколько-нибудь четкого определения того, что, на его мнению, следует считать городом, и потому мы можем опираться только на косвенные данные.

(«немецкое — следовательно — феодальное») и характеризует средневековые города Чехии XIII—XIV вв. как островки личной и гражданской свободы в море феодального угнетения, где всегда теплился очаг исконной славянской демократии, вспыхнувший с новой силой в годы гуситского движения¹⁵. Распространение немецкого городского права, справедливо полагал Палацкий, вело не к торжеству феодализма в чешском городе, а, напротив, обеспечивало его изъятие из сферы действия феодального права, и этот путь историк считал единственно возможным в условиях господства феодализма способом обеспечить свободу городского населения¹⁶. Новизна немецкого городского права для чешских земель состояла, по мнению Палацкого, именно в этой автономии городского суда и управления по отношению к феодальной власти в сельской округе. В такого рода обособлении, как представлялось чешскому историку, в доколониционной Чехии не было нужды, поскольку страна не знала феодальных отношений. Что же касается устройства внутригородских отношений, то ростки коммунальной организации возникли в чешских землях, по убеждению Палацкого, гораздо раньше проникновения немецкого права¹⁷.

Подводя итог нашей попытки оценить вклад выдающегося чешского историка Ф. Палацкого в изучение ранней истории средневековых городов Чехии, следует в первую очередь от-

¹⁵ Palásky F. Dejiny... D. III. S. 302. Идея о нефеодальной природе средневекового города, о городе как очаге свободы в период господства феодализма ясно высказывается в произведениях великих учителей Палацкого Гегеля и Гердера: Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*//Собр. соч. М.; Л., 1935. Т. VII. С. 361; Гердер И. Г. *Идеи к философии истории человечества*. М., 1977. С. 604. Знакомство же с классическими работами либеральных французских историков эпохи реставрации (О. Тьерри, Ф. Гизо), влияние которых на творчество чешского ученого признается значительным (См.: Kudrna J., Trestik D., Heil F. *Struktura feudalni spolecnosti v ceskych zemich a problematika vzniku feudalniho statu u zapadnich slovanu*//*Struktura feudalni spolecnosti na uzemi Ceskoslovenska a Polska do prelomu 15. a 16. stoleti*. Praha, 1984. S. 13), могло помочь Палацкому в преодолении чувства внутренней противоречивости оценки немецкого городского права как нефеодального института. Французские историки, рассматривая борьбу средневековых городов Франции за коммунальную свободу, видели в ней движение потомков галло-римлян против утвердившегося в результате германских завоеваний феодализма. Противоречие устранялось полностью, когда выстраивалась цепь последующих рассуждений: появление городского права в Германии было не продуктом творчества «германского духа», а результатом заимствования образов французских городских хартий.

¹⁶ Palásky F. Dejiny... D. II. S. 15—16.

¹⁷ Ibid. D. I. S. 356, 386.

метить ряд высказанных им исключительно глубоких идей методологического характера (о нефеодальной природе средневекового города и вынужденности его приспособления к условиям существования в феодальной среде). В освещении ранней городской истории, прежде всего в оценке значения распространения в Чехии немецкого городского права, Палацкий сумел преодолеть сковывавший его мысль ложный постулат об извечной противоположности славянской демократии и немецкого феодализма.

В заключение было бы несправедливо не сказать, что первому опыту осмысления ранней истории средневекового чешского города недоставало основательности анализа собственно «городских» источников. Однако, с одной стороны, это едва ли было возможно при работе над историческим произведением такого масштаба, как «История чешского народа». С другой стороны, отмеченная слабость парадоксальным образом стала источником силы подхода Палацкого к проблемам истории раннего города.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась значительными успехами в деле специального изучения истории средневекового чешского города и публикации ее памятников. Но при этом историки второй половины прошлого столетия отступили от ряда достижений исследовательской мысли Палацкого. Выясняя причины последнего обстоятельства, мы должны в первую очередь иметь в виду социально-политические корни идейно-методологического развития исторической науки. Но следует принять во внимание, как нам представляется, и явления иного рода. Историк всегда зависит от источника, от своеобразия отражения им исторической действительности. Наиболее многочисленной и содержательной группой источников по истории средневековых городов Чехии, ставшей предметом первостепенного исследовательского интереса в историографии чешского города второй половины XIX в., были и остаются памятники городского права. Это не могло не сыграть своей роли в подготовке условий для широкого распространения формально-юридического понимания истории средневековых городов Чехии в исторической литературе того времени. Что же касается Палацкого, то, не концентрируя свое внимание на памятниках городского права, он был менее скован такого рода зависимостью, сохранив широту подхода к проблеме раннего периода истории средневековых городов Чехии.

Л. В. Венкстери

ФРАНЦУЗСКИЙ ПРОЕКТ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАЧАЛА XIV ВЕКА

Автором рассматриваемого проекта был публицист Пьер Дюбуа. Он относился к многочисленной в правление Филиппа IV армии легистов — ученых законоведов, заполнивших административный, финансовый и судебный аппарат государства. Это были энергичные, преданные королю выходцы из городской среды, деятельность которых была направлена на усиление центральной власти. П. Дюбуа не принадлежал к окружению короля, он был провинциальным адвокатом, депутатом Генеральных штатов первого и второго созывов. Но от рядового чиновника его отличала разносторонность интересов, независимость и оригинальность суждений, стремление к преобразованиям. Это придало его программе широту, в известном смысле универсальность. Дюбуа был не только одним из самых ярких публицистов, выступающих против светской власти пап, но и автором ряда проектов, с помощью которых отстаивал быстрейшую консолидацию и усиление французской феодальной монархии.

Публицистическая деятельность Дюбуа охватывает период с 1300 по 1313 гг., когда начала складываться сословная монархия, королевская власть одержала победу над папством в лице Бонифация VIII, был разгромлен орден тамплиеров. Дюбуа живо откликался на все крупные события политической жизни своего времени.

Имя Дюбуа сохранилось только в одном его трактате, и вопрос об авторстве в отношении нескольких других до сих пор спорен. Но установлено, что трактат «Об обратном завоевании святой земли» принадлежит именно его перу, написан между 1305 и 1307 годами¹. Он-то и будет в центре внимания данной статьи. Название сочинения мало соответствует содержанию: идея крестового похода является там благочестивой вывеской, за которой излагаются антипапские проекты реформ и политических преобразований во Франции.

В настоящей работе делается попытка привлечь внимание читателей к реформе образования, тесно увязанной в трактате Дюбуа с внешнеполитической программой. Мы отнюдь не

¹ Dubois P. De Recuperatione Terre Sancte P., 1891 (далее отсылки на это издание идут в тексте).

склонны повторять выводы тех историков, которые неумеренно преувеличивали заслуги Дюбуа и доходили до его сопоставления с Роджером Бэконом². Но мы считаем интересным выявить у первого элементы зарождавшегося анти-схоластического мировоззрения, для чего прежде остановимся на характеристике идейной борьбы, шедшей в Парижском университете, когда там обучался будущий легист и публицист.

Парижский университет являлся в то время всеевропейским центром богословского образования и крупнейшим авторитетом в вопросах религии, с мнением ученых которого считались не только короли, но и папы. В частности, он сыграл большую роль в конфликте Филиппа IV с Бонифацием VIII. Папа, зная, как велик престиж университета, пригласил его магистров на собор наряду с прелатами, пытаясь найти у них поддержку в борьбе с королем. Филипп IV в свою очередь добивался, чтобы в университете получила одобрение его политика, враждебная папству. Окончательный исход конфликта в известной мере был определен позицией, занятой парижскими богословами.

В 70-х гг. XIII в. в Париже шла ожесточенная борьба столап схоластики Фомы Аквинского с одним из видных последователей Аверроэса — Сигером Брабантским, который преподавал на артистическом факультете и был энергичным и неустрашимым философом, развивающим идеи арабского материалиста. Он учил, что бог не был творцом вселенной, что не было «первого человека», что душа не может мучиться в аду, так как она погибает в момент смерти человека. Отсюда вытекало, что для человека все кончается вместе со смертью, что молитва бесполезна, а католическое вероучение — помеха в развитии наук. Сигер был одним из самых ранних представителей антикатолического, городского мировоззрения. Его деятельность, развернувшаяся особенно широко в 1266—1277 гг., и популярность его учения, гонения, которым оно подвергалось со стороны официальной ортодоксии, свидетельствуют о том, что борьба антикатолических настроений и церкви приняла тогда острые формы.

Мировоззрение Дюбуа формировалось именно в это время, в обстановке постоянных ожесточенных схваток между приверженцами традиционной схоластики и богословского

² Scholz R. Zur Beurteilung Bonifaz VIII. B., 1906; Zeck E. Der Publizist P. Dubois, seine Bedeutung im Rahmen der Politik Philipps IV. B., 1911 etc.

приспособления Аристотеля, с одной стороны, и защитниками начал опытной науки и рационализма, с другой³. Дюбуа сообщает в трактате «Об обратном завоевании святой земли», что ему пришлось слушать комментарии Сигера Брабантского к «Политике» Аристотеля (р. 121). Возможно, в университете Дюбуа примкнул к партии Сигера: он называет себя его учеником. В то же время Дюбуа слушал и Фому Аквинского.

По своим природным склонностям Дюбуа не был философом, трактаты показывают его человеком практического направления ума. Он глубоко не окупался в поток современных ему философских течений и не дал себе труда осмыслить различия в них: ему ничего не стоило позднее поставить Сигера и Фому рядом как равных по авторитету (р. 61). Первого он величает «превосходнейшим доктором философии», второго «братом глубочайших знаний». Философская позиция Дюбуа в целом отмечена эклектизмом и интересуется не только в плане выяснения его точки зрения на науки и методы обучения, то есть в связи с его предложениями о реформе системы образования.

Заслуживает внимания уже сама постановка вопроса о реформе: значит, Дюбуа не был удовлетворен схоластической системой воспитания и обучения, считает необходимым ее преобразование. Подобное было немыслимо в предыдущий период, когда безраздельно господствовало теологическое мировоззрение.

Вопрос о европейской системе образования имел для Дюбуа не самостоятельное, а подчиненное значение. Он выдвигал и пропагандировал мысль об идеологической экспансии, рассматривая христианство и европейскую цивилизацию как средства создания всемирной монархии *in spiritualibus* (р. 54). Дюбуа особенно интересовал Восток, так как он видел большие выгоды от торговли с его странами (р. 53). Важнейшими путями укрепления позиций европейцев там он считал христианизацию населения восточных колоний и приобщение его к европейской культуре.

По мнению Дюбуа, существующий уровень образования не мог обеспечить господства европейцев над восточными народами. Для того, чтобы первые были «способны к подчинению варварских народов», необходимо радикальным образом реформировать существующую в Европе систему обра-

³ См.: Шевкина Г. В. Сигер Брабантский и французские аверроисты XIII века. М., 1972. С. 33.

зования (р. 57). Первое, что требуется — знание восточных языков: об этом много и основательно говорится в трактате. Легист не скрывает политических целей своей пропаганды: изучившие эти языки должны будут использоваться церковью и светскими князьями в первую очередь в экспансионистских целях (р. 50).

Дюбуа подхватывает то, что уже ставилось на повестку дня, обсуждалось в политических кругах. После того, как крестовые походы создали постоянные и оживленные сношения Европы с Востоком, католическое духовенство занималось там миссионерской деятельностью в широких масштабах, стараясь распространить и упрочить влияние. Нищенствующие ордена и особенно доминиканцы создавали школы, в которых изучались греческий, еврейский и другие восточные языки⁴. Еще в 1248 г. папа Иннокентий IV послал в парижский университет несколько юношей, владевших восточными языками, для получения богословского образования, после чего они должны были направиться в качестве миссионеров на Восток.

Клирик Раймунд Луллий, философ и публицист, энергичный проповедник крестовых походов, в год падения Акры представил папе соображения относительно организации новой экспедиции «против неверных». Он предлагал оставить военный путь борьбы, начать освоение восточных языков (тоже в монастырях и специальных школах для миссионеров). На Венском соборе 1311 г. Луллий выступил с изложением своих идей и имел успех: было принято постановление об изучении языков в парижском, болонском, оксфордском, саламанкском университетах и при папском дворе⁵.

О необходимости знания восточных языков для миссионерских и научных целей горячо писал Роджер Бэкон.

Небезынтересно отметить, что некоторые мысли Дюбуа перекликаются с предложениями Луллия: в вопросе о крестовом походе, о миссионерстве, изучении языков, о слиянии духовно-рыцарских орденов. Если говорить о заимствованиях, то, скорее всего, Луллий почерпнул те или иные моменты: его сочинение на эту тему написано по крайней мере на два года позже, чем интересующий нас трактат Дюбуа. А главное, для клирика Луллия крестовый поход — самоцель, для

⁴ Scholz R. Die Publizistik im Zeitalter Philipps des Schonen. B., 1903, S. 431.

⁵ Gourdain Ch. Un collège oriental à Paris à XIII s. // Excursions historiques à travers le moyen âge. P., 1888. P. 222.

Дюбуа — он лишь фон, на котором публицист развертывает программу реформ. В этой программе иначе, чем в сочинениях католического духовенства того времени, ставится вопрос о миссионерстве: Дюбуа считает возможным расширение армии миссионеров за счет вовлечения в нее женщин. Но тогда им нужно дать соответствующее образование. И вот он выступает поборником женского образования. Некоторые буржуазные историки даже объявляют Дюбуа поборником женской эмансипации. Это, конечно, модернизация. Однако заслуга леписта в том, что, задавшись целью вовлечения женщин в дело католической пропаганды, он высказал ряд прогрессивных соображений об обучении. Так, он предлагает создать сеть новых школ, в которых обучение и воспитание как мальчиков, так и девочек начиналось бы с 4—5-летнего возраста. Дюбуа не отличался демократизмом, его реформы имели в виду интересы дворянской монархии. Он считает необходимым дать образование прежде всего дворянскому сословию (р. 50). Реформа системы образования соединяется у него с вопросом о духовно-рыцарских орденах. Новые школы для мальчиков и девочек он предлагает организовать в приорствах госпитальеров и тамплиеров, а их самих упразднить (р. 49). Кроме того, и часть женских монастырей (которые, по мнению Дюбуа, слишком много) предлагается превратить в женские школы (р. 82—83). На содержание последних Дюбуа считает возможным передать часть имущества монастырей.

Система обучения для женщин, по мнению реформатора, должна быть в основе той же, что и для мужчин, только несколько облегченной вследствие слабости пола (р. 70). Особое внимание он советует обратить на медицинское образование женщин (р. 51). После завершения обучения выпускницы должны будут внести свою лепту в дело покорения и закрепления Востока за латинянами: они могут быть там врачами, ветеринарами и миссионерами. Красивые и знатные девушки начнут выходить замуж за мусульман, чем могут способствовать их обращению в христиан (р. 51, 57, 70, 71).

Но во многом взгляды Дюбуа на образование еще проникнуты средневековым духом. Конечная цель его реформ — распространение католицизма, а следовательно, и всей схоластики, в Византии и странах Леванта. Эти идеи были очень популярны в Европе после прекращения крестовых походов. Приверженность легиста к старому вытекает и из основных ориентиров его программы. Высшим авторитетом для него остается Библия (р. 68), часто и охотно он апеллирует к

Фоме Аквинскому, хотя и к Аристотелю — тоже. Духом схоластики пропитан весь круг наук и последовательность их изучения: как и прежде, начинать предлагается с латинской грамматики, чтения псалтыря и освоения искусства церковного песнопения.

Вместе с тем, Дюбуа выступает как убежденный пропагандист прогресса в области образования. Так, он порицает тех, кто считает достаточными знания, не опирающиеся на опытное начало, высоко ценит практику⁶. Он предлагает сократить теоретические курсы и ввести элементы практики в обучение (р. 67), проявляет особый интерес к экспериментальным наукам и настаивает на включении медицины, хирургии и ветеринарии в число предметов второй ступени образования, наряду с восточными языками и логикой (р. 60).

Реформатор высоко ценит математику, считает ее наукой весьма полезной и способной содействовать обоснованию католиков на Востоке. Он опирается при этом на авторитет Роджера Бэкона, ссылаясь на его трактат «О пользе математики», настаивает на обязательном включении ее в программу новых школ. Дюбуа — один из немногих средневековых авторов, которые ценили и цитировали Р. Бэкона, этого пропагандиста экспериментальной науки, отстаивающего развитие и прогресс.

С помощью новых школ Дюбуа предполагал удовлетворить и потребность государства в разного рода специалистах: врачах, юристах, должностных лицах, а также проповедниках (р. 47). Для этого предлагается ввести своего рода специализацию по гражданскому праву, каноническому праву (юридическому образованию легист уделяет особое внимание, считает получивших таковое «отмеченными почти божественной мудростью»), математике, астрономии, естественным наукам, теологии, медицине, ветеринарии, военному делу. Последнему следует обучать физически более развитых и менее пригодных по природным данным к изучению другого. Военную подготовку Дюбуа связывает с физическими упражнениями и с овладением различными ремеслами. Среди воинов должны быть искусные кузнецы, плотники и другие ремесленники, которые понадобятся и в военном деле, и для обслуживания населения восточных колоний.

⁶ Dubois P. Op. cit. P. 64. Appendice. P. 139: «...experientia est anima rerum magistra».

Наконец, Дюбуа выдвигает требование создания учебников по всем дисциплинам. В этом вопросе, несмотря на кажущуюся оригинальность, автор проекта вполне традиционен. Разного рода краткие извлечения, «Суммы», как их называли, были широко распространены в школьном преподавании. Дюбуа перекликается и с Луллием, который не только энергично пропагандировал это же, но и сам был автором ряда пособий.

Итак, в ряде моментов Дюбуа остается на почве схоластики и средневековой церковной идеологии. Однако его стремление к прогрессу, подчеркнутый интерес к практике и опытным наукам, его требование реформы школы, его уважение к Роджеру Бэкону и Сигеру Брабантскому — яркие свидетельства зарождения элементов антисхоластического мышления, того, что на рубеже XIV в. в науке пробивались первые ростки опытного начала. Эти перемены в области идеологии явились результатом тех значительных социально-экономических сдвигов, которыми был отмечен XIII век. Публицист королевской партии старался использовать новые веяния в интересах французских городов, крепнущей французской сословной монархии. Дюбуа увязывает их со своей внешнеполитической программой установления гегемонии Франции в Европе и в Восточном Средиземноморье.

Н. И. Девятайкина

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВИТЕЛЯ У ПЕТРАРКИ

[по письму «О наилучшем управлении государством»]

Последние годы Петрарка жил неподалеку от Падуи, в Арква. Сеньора города Франческо Каррара он знал давно, и тот прилагал все усилия, чтобы обставить надлежащим образом пребывание знаменитого гуманиста в его владениях. Петрарка высоко ценил Франческо как правителя и проявлял горячий интерес к его политическим делам¹. За несколько месяцев до смерти, побуждаемый просьбами падуанского

¹ См.: Dotti U. Vita di Petrarca. Roma-Bari, 1987.

правителя, Петрарка написал обширное письмо, позднее многократно публикуемое под названием «О наилучшем управлении государством»².

Еще М. С. Корелин кратко отметил содержательность этого сочинения, дав характеристику взглядам Петрарки как политика³, однако многие другие авторы XIX в. видели в нем суестного фразера и беспочвенного мечтателя (Фойгт, Кёртинг, Ориани, Феррари). Некоторые исследователи донные повторяют старые формулы о политической беспринципности первого гуманиста, его индивидуализме и космополитизме, находят в нем духовного представителя антибуржуазной реакции, сеньорий и папства (Ч. Тринкаус, Фр. Татео, А. Аматуро). Вместе с тем с 60-х гг. XX в. наметился новый подход. Так, Дж. Петронио предложил интересный анализ политической лирики Петрарки; Уго Дотти пришел к важному выводу, что литературная культура гуманиста была также культурой борьбы, выступая за общество светское и антифеодалное⁴. Б. Коул включил послание к Каррара в число наиболее значимых произведений политического характера эпохи, предпослав интересную статью источниковедческого характера. В ней отмечается, что письмо содержит много ранних идей гуманиста, является продуктом его зрелой реалистической политической мысли⁵.

Советские исследователи (М. А. Гуковский, В. И. Рутенбург, Л. М. Брагина, М. Л. Абрамсон, Н. В. Ревякина, А. Х. Горфункель) обращались к политическим взглядам Петрарки в связи с восстанием Кола ди Риенцо, проблемами объединения Италии, его отношением к папам и императору. Р. И. Хлодовский анализирует некоторые места интересующего нас послания, называя его «своего рода политическим

² Petrarca Fr. De republica optime administranda//Francisci Petrarcae Florentini philosophi, oratoris et poetae clarissimi opera, quae extant omnia. Basileae, 1581. P. 372—386 (далее отсылки на страницы этого издания будут даваться в тексте).

³ См.: Корелин М. С. Петрарка как политик//Русская мысль. 1888. Кн. V и VIII.

⁴ Petronio G. Storicita della lirica politica del Petrarca//Studi petrarcheschi, 1961. N VII. P. 247—264; Dotti U. Petrarca e la scoperta della coscienza moderna. Milano, 1982. P. 98.

⁵ См.: The Earthly Republic. Italian Humanists on Government and Society/Ed by B. G. Kohl, B. G. Witt, E. B. Welles. Manchester, 1978. P. 25—34.

завещанием»⁶. Ряд важных замечаний содержится в статье В. В. Библихина, предпосланной переводам писем гуманиста⁷.

Осмыслению политических судеб Италии Петрарка отдал много сил, ума, чувств. В это время в стране большинство малых государств уже исчерпало коммунальную форму правления, власть в них оказалась в руках сеньоров. Петрарка видел, сколь многое зависит от последних. Вера в личность, ее неограниченные возможности привела его к убеждению, что хорошие правители могут сделать многое для улучшения положения в своих территориях, на всем полуострове. А направить их ум и действия в нужное русло должны советы философов.

Идеал правителя начинает прорисовываться у Петрарки уже в письмах 1340—1350 гг. к Никколо Аччаюоли, императору Карлу IV, позже — в диалогах трактата «О средствах против всякой судьбы», и, наконец — в письме к Каррара (1373 г.).

Прежде всего попробуем разобраться, что перед нами — частное послание, касающееся только сеньора Падуи, или публицистическое сочинение, своего рода трактат, облеченный в эпистолярную форму? В сочинении присутствует немало личных моментов: Петрарка вспоминает о детстве Франческо, о прежних встречах и беседах, о его лучших делах на благо государства, о его отце; ряд советов (порой упреков) высказан именно ему. Эти моменты придают живость, реалистичность, особый колорит. Но все же сам автор называет письмо «ученым разговором» (р. 372), даже опасается, что слишком много говорит об общем — «о делах и твоих, и правителей многих других государств» (р. 373). И действительно, гуманист обращается не только к адресату, редко говорит «ты должен», но чаще — «правитель обязан» или «правителей любят» за то-то, «правители могут» и пр. Возможно, это — этикет, но ведь — и апелляция к большой аудитории.

Задачу «ученого разговора» Петрарка формулирует так: «Я пишу о том, каким должен быть тот, кому поручена забота о его родине» (р. 373). Очевидно, и получатель, и отправитель письма с самого начала предполагали, что оно

⁶ См.: Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка. М., 1974. С. 102—148.

⁷ См.: Библихин, В. В. Слово Петрарки//Франческо Петрарка. Эстетические фрагменты/Пер., вступ. ст., прим. В. В. Библихина. М., 1982. С. 7—54.

широко разойдется в списках, станет известно, как это случалось со всеми сочинениями гуманиста. Иначе Каррара не мог бы надеяться, что послание принесет ему славу, поставит его имя в ряд «великих и средних».

Представляется, что письмо к правителю Падуи во многом — публицистическое и теоретическое сочинение, содержащее изложение давно продуманного: об этом свидетельствует ориентация на широкий круг лиц, характер поднятых вопросов, объем (около 60 страниц машинописи в переводе). Не случайно М. С. Корелин называет его трактатом, Б. Коул — тоже. Кстати, в XV—XVI вв. письмо много раз издавалось отдельно.

Письмо-трактат делится как бы на две части: большая — изложение представлений гуманиста об идеальном правителе, меньшая — практические рекомендации Каррара и современным ему сеньорам. Объем данной статьи не позволяет дать полный анализ его содержания. Обратимся к важнейшему моменту — каким представляется гуманисту *справедливый* правитель. Тема сама по себе не новая, политическая мысль XIII—XIV вв. вращалась вокруг фигуры государя, да и прежде об этом были написаны многие сочинения. Но все средневековые представления, включая Фому Аквинского, отмечены церковной мыслью⁸. Попробуем выяснить, остался в ее русле первый гуманист или сумел сказать что-то новое.

Одно из определений справедливого правителя мы встречаем в начале «разговора»: «Принцепс, если он друг справедливости (*amicus est justitie*) не будет без причины хвататься за меч; он должен быть достоин любви; должен устрашать дурных, но не вызывать ужаса у добродетельных» (р. 374). Уже в данной формуле в понятии справедливости у Петрарки можно выделить правовой и социальный моменты. Правовой — правитель не может карать и миловать по произволу (далее будет прямо сказано об этом), должна быть причина, то есть обоснование наказания. Недаром употреблен термин «*justitie*» — друг справедливости, правосудия, права, закона. Социальный — подданные не должны быть для принцепса на одно лицо: следует карать и миловать в соответствии с реалиями общественного быта. Здесь Петрарка, вслед за Данте, отождествляет личность правителя с государством, ведя речь о функциях последнего как таковых.

⁸ Borg L. K. The Perfect Prince: a Study in Thirteenth and Fourteenth Century Ideals//Speculum. 1928. Vol. III. N 4. P. 470—504.

Традиционной остается фраза о любви как о принципе, связующем правителя и граждан, но и она порождается справедливостью, а не средневековой обязанностью любить всякую власть, поскольку та — от бога (о последнем, кстати, в письме нет ни слова).

Рассуждения на тему власть — страх — любовь очень занимают Петрарку. Он уверен, что ничего не должно быть более чуждого для принципата, чем стремление удерживать власть только при помощи страха и жестокости (р. 374), но с горечью замечает: «Не только прежние, но и нынешние правители придерживаются правила ужаснейшего тирана Атрея: пусть ненавидят, лишь бы боялись». Здесь и в других местах гуманист резко осуждает тиранов древности, порицает тех современных ему полуфеодалных сеньоров, кондотьеров и правителей, которые уповали только на силу оружия и произвол.

Петрарка считает, что принцип страха как единственная опора власти был воспринят от «варварского императора Максимиана» (р. 374), но сам же называет более ранних римских политических деятелей, которым «эта идея не принесла счастья»: Гая Калигулу, Юлия Цезаря (хотя и с оправдывающими оговорками). С варварами по происхождению Петрарке не совсем удалось связать данный признак власти, но это не помешало решительно осудить его при помощи античных авторитетов. Он приводит рассуждения Макробия, Вергилия, Цицерона, «...а точнее истину, говорящую устами последнего: вызывать чувство ненависти и страха — отвратительно, бессильно, ничтожно, ненавистно» (р. 374).

Гуманист оптимистически полагает, что правители могут изменить характер отношений с подданными: «Пусть удалятся пособники и наемники, пусть будут убраны трубы, сигнальные горны и оружие: их нужно обращать против врагов, а не против граждан (civibus)». Здесь — явное осуждение тех кровавых гражданских распрей и преследований, которые были повседневностью итальянской жизни XIV века.

Политический опыт прошлого и его дней дает в руки Петрарки сильный аргумент: словами Цицерона он предостерегает, что страх не позволит правлению быть долговременным и безопасным. Более того, и сам правитель будет в страхе перед подданными. К словам античного философа добавлено: «Ненависть вызывает желание убить дурного правителя, и это едва ли возможно предотвратить» (р. 374). Петрарка ни словом не осуждает тех, в ком «закипает» подобное стремление. Убийство оказывается актом справедливости

по отношению к несправедливому правителю. Особую убедительность суждениям придает длинный ряд примеров тех, чья участь была весьма печальна: того же Гая Калигулы, Нерона, Домициана, Гальбы, Вителла.

Петрарка не первым начал осуждение тирании. Но он признал справедливой любую борьбу с ней, а не только «по всеобщему согласию», как Фома Аквинский. Он смело обращает внимание на возрождение тирании в современных ему государствах, не ограничиваясь осуждением прошлого, что позволяет говорить о нем и как о политическом борце, а не только философе, осмысляющем политические идеалы в тиши кабинета. Многие аргументы гуманист предпочитает черпать у Цицерона, защитника свободы, гражданских прав, а не у средневековых писателей. В этом — одно из проявлений секуляризации гуманистической мысли.

Когда Петрарка рассуждает о справедливости, то подчеркивает, что она является обязанностью правителя. Примечательна сама формула: «*justitiae nimis*» (р. 376). Эта обязанность «исключительная и очень обширная», прежде всего, она состоит в том, чтобы «за каждым признавать его право, ни в чем без очень серьезной причины не причинять вреда». Как видим, юридические штудии в Болонье не прошли для гуманиста бесследно: данное определение — из Юстиниана (в общей форме оно повторяется и Аквинатом). Петрарка ратует за признание прав каждого — то есть и холопанина, и дворянина, и плебея в равной мере. Он хвалит Франческо Каррара за то, что при его правлении граждане «свободны и безопасны, и не пролилась кровь ни одного невинного человека» (р. 373). Речь идет о защите прав личности, которая противопоставлена практике феодального произвола. Не случайно Петрарка рекомендует сеньору Падуи привлечь в город больше юристов, «самых полезных для государства людей»: ведь хорошие и честные служители права будут советниками не только относительно законов, но и относительно справедливости (р. 385). Итак, практика правителей оказывается вновь связанной с законностью, с необходимостью решать спорные или сложные вопросы при помощи юристов. Это далеко от феодальных традиций.

Очевидно, равенство всех перед законом имеется в виду, когда гуманист само государство, вслед за Цицероном, определяет как «собрание людей, связанных законом» (р. 374). Петрарка не излагает понимания этой формулы, но нигде не говорит, что правитель свободен от этой «связи», что он всевластен, что никто ему не судья. В письме повторяется и дру-

гоё, известное с античности определение государства как единого тела, головой которого является правитель (р. 375). Нового здесь нет, но нам важно отражение страстной мечты Петрарки о единстве общества, которому во многом может способствовать «голова». Недаром принцепс называется по-римски «отцом граждан», «отцом родины» (р. 375).

Через понятия семейной этики Петрарка выражает политический принцип отношения правителя и граждан: первый должен того же желать им, что и сыну (р. 375). В самом общем истолковании это может означать, что правитель должен ставить интересы, процветание, благополучие граждан в качестве своих главных забот, что между ними должны иметь место не социально-враждебные отношения, а взаимное понимание, помощь, поддержка. Здесь можно увидеть отражение принципа равенства: делай другим то, что пожелаешь себе (позже его разовьет Салютати в письме к Карлу Дураццо)⁹.

Превосходство правителя над подданными внешне выразилось в титуловании, особой одежде, диадемах и пр. Петрарке очень не нравится термин «dominus» в приложении к правителю: гораздо охотнее он именуется в письме принцепсом, сравнивается с распорядителем (administrator). Петрарка считает, что справедливый принцепс не должен настаивать на титуле «господин», использовать его при подписи документов, писем. Он хвалит Каррара за то, что последний никогда не говорит и не пишет о себе подобным образом, ставит просто имя; что в беседах и деловых разговорах не называет себя во множественном числе. Особенное уважение вызывает у Петрарки факт, что Франческо ведет себя так не только со знатью, но и с рядовыми гражданами, что он посмеивается над знакомыми ему сеньорами, любящими громкие титулы и множественное число: «Ты презираешь, — с одобрением отмечает гуманист, — высокой душой нравы, которые в обычае у владельцев земель и правителей нашего времени» (р. 383).

Если это и преувеличение — то в стремлении подтолкнуть к демократическому поведению. Очевиден и демократизм автора письма, и отражение новых социальных установок времени: в эпоху бурного развития раннебуржуазных отношений, в пору подъема чувства личности каждодневное проявление

⁹ Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977. С. 232—233.

превосходства не могло не вызывать протеста против дворянских обычаев у представителей «неблагородных» сословий. Пополанство передовых государств чувствовало себя равным с сильными мира сего (вспомним рассказы Саккетти), оно успешно боролось за закрепление равенства в правовой, общественной и политической сферах и добивалось немало. Петрарка в полной мере отразил чувства рождающейся буржуазии и бюргерства в целом. Его государь лишен средневековой «особости», сословных атрибутов, он близок и доступен гражданам.

В социальном смысле справедливость оказывается связанной с благом государства: «Я одобряю образ жизни тех, у кого одно стремление и одна забота — о государстве» (р. 375). Гуманист хвалит сеньора Падуи за то, что он не пристрастился к праздным удовольствиям, но с неутомимым усердием занимался делами на благо города (р. 373). Больше всего, по мнению Петрарки, заслуживают одобрения его усилия по сохранению мира и безопасного спокойствия государства. Автор письма горячо призывает к прекращению феодальных и иных войн, усобиц, увещевает больших и малых государей Италии прилагать усилия к мирному решению спорных вопросов. Ему близок идеал миролюбивого государя, а не воителя.

Много размышляет Петрарка по поводу, если так можно сказать, социальной политики справедливого правителя, прежде всего — о его отношении к различным слоям общества. Гуманист рекомендует не слишком оделять подарками и почестями приближенных, не прощать им расточения государственных средств, злопыхательства, коварства, лжи (р. 380). Иная атмосфера тогдашней Италии рисуется за этими предостережениями: атмосфера тиранических сеньорий, где всякого рода временщики, придворные превозносили негодную власть и одновременно готовы были помочь сбросить с трона всякого, не считающегося с ними государя. Очевидно, не без причины Петрарка призывает быть осмотрительней: «Случалось, что принцепсы, возвышая своих [приближенных], принижали тем самым себя, вызвали презрение и ненависть народа, бывали осмеяны и преданы теми самими, кого возвышали» (р. 381). Петрарке кажется, что лучше всего, если народ будет видеть в придворных простых исполнителей приказов главы государства, не облеченных никакой властью или силой (р. 382). В горячих словах Петрарки чувствуется упрек. Он не был безадресным. Как пишет Б. Коул, сеньор Падуи, сделавший немало для ее про-

цветания, стабилизации, внешней независимости, окружил себя дворцовой камарильей, часто от имени Каррара проводившей жесткие акции по отношению к пополанству¹⁰. Уважение к патрону не заставило гуманиста смолчать относительно столь удручающих его моментов.

Петрарка затрагивает и сложный вопрос об отношении к социальным низам: он рекомендует правителю участвовать в судьбах бедняков, хвалит Каррара за щедрость по отношению к неимущим и «не только из собственных средств, но и из тех, что без несправедливости взимаются с богатых» (р. 382). Для усиления похвалы и одобрения гуманист вспоминает социальную политику лучших античных государей, сравнивая сеньора Падуи с ними. Конечно, речь не идет о каком-то постоянном налоге в пользу бедных, и названный путь коренным образом проблемы бедности решить не может, но все-таки справедливость и человечность и здесь встают на место феодально-аристократического безразличия.

Гуманист полагает также, что государство, олицетворенное в хорошем принцепсе, должно взять на себя заботу о снабжении граждан продовольствием, особенно зерном (р. 379). Такой задачи не знало средневековое государство: Петрарка опирается на опыт античного Рима и практику передовых государств его времени. В голодные годы больше всего следует заботиться опять же о бедноте: использовать для помощи ей государственные средства, не допускать спекуляции (р. 378—379). Если же голодающих не накормить, безопасность правителю не гарантирована. Петрарка вспоминает события 1353 г. в Риме, где плебс, задавленный высокими ценами и голодом, выступил против сенаторов с оружием в руках (р. 379). Беднота представляется гуманисту грозной силой, с которой нельзя не считаться. Он ни словом не осуждает волнения в Риме, значит, считает их оправданными?

В понятии справедливости у Петрарки присутствует и экономическая сторона. Ставится вопрос о том, как справедливый и честный правитель должен распоряжаться казной. Уже самая необходимость его рассмотрения показательна, решение — еще более. По мнению автора послания, следует воздерживаться от лишних расходов на роскошь, но тратить средства лишь на то, что «способствует пользе государства или его славе» (р. 378). Обычай феодальных и полufeодаль-

ных сеньоров, часто не различавших государственную и личную казну, осуждаются, и весьма энергично: правитель не должен чувствовать себя бесконтрольным распорядителем средств и обязан вести дела так, чтобы в любой момент без труда быть готовым дать отчет о расходах, даже если его не требуют (р. 378).

Казну, как кажется Петрарке, лучше держать не во дворце правителя, а у частных лиц (очевидно, банкиров). Это более надежно и полезно, так как оные лица, «проявив усердие», могут иметь прибыль: если же деньги хранятся под замком, они становятся бесполезным грузом (р. 379). В данных рассуждениях, очевидно, нашла отражение финансовая практика передовых государств того времени, новые пополанско-буржуазные взгляды на богатство.

Правитель должен соблюдать справедливость и в налоговых делах. Увеличение обложения, по убеждению Петрарки, должно быть временной мерой, «вызванной чрезвычайными обстоятельствами». Причем, первым должен раскошелиться сам правитель, а при изменении ситуации он тотчас должен отменить новые налоги (р. 379). Интересы городского населения просматриваются здесь вполне четко; Петраркой, по сути дела, ставится задача защиты пополанской и буржуазной собственности от посягательств самовластных сеньоров.

Немало заботят Петрарку моральные (тоже социально окрашенные) качества правителя. Справедливость, милосердие и честность он называет «крепким и прекрасным основанием для власти» (р. 375). Они тесно связаны между собой, «хотя на первый взгляд кажутся противоположными свойствами» (р. 376). Милосердие не означает призыва к снисходительности: «нельзя оставлять безнаказанными убийц, предателей, отравителей и прочих лиц такого рода». В их числе, как известно, бывали и магнаты, и гранды, политические противники государей и коммун. Петрарка считает, что наказание должно быть одинаково для всех, но это не должно ожесточать правителей в отношении невинных или «чуть чуть сбившихся с пути» граждан.

Принцепс Петрарки должен следовать примеру выдающихся мужей (*viros egregios*). Отметим: мужей, вовсе не обязательно королей или императоров. Гуманист перечисляет их качества: «Из стада обычных людей их выделяет некое превосходство и делает исключительными или особая справедливость и святость (что, увы, в наше время очень редко) или опытность в военных делах, или большое количество сочи-

¹⁰ Kohl В. G. Op. cit. P. 30.

нений, или известность в мирных деяниях» (р. 384). Вновь все сходится на справедливости. И вновь реалии не позволяют назвать ее свойством, присущим многим. Важна и мысль, что можно добиться выдающихся успехов в «мирных деяниях», а не только в военных.

В образе справедливого государя воплотились представления Петрарки об идеальном человеке, обращенном к активной политической, гражданской деятельности. Он верит, что граждане будут подражать правителю, если он справедлив и честен. Гуманист не открыл еще механизма органической, классово-экономической связи правителей с теми слоями общества, на которые они опирались. Ему представлялось, что личных качеств принцепса, в первую очередь — справедливости, достаточно, и для нравственного совершенствования общества и для решения социально-экономических проблем.

Мечта о справедливом правителе не была личным заблуждением и праздной фантазией, как казалось А. Н. Веселовскому. Перед нами иллюзия, но глубоко закономерная, исторически обусловленная. Нельзя не видеть, что правитель Петрарки объективно противопоставлен старому феодально-монархическому строю (даже модифицированному в форме городской сеньории) с его политической этикой самовластия, нажима и силы, жестокости, повседневного попрания прав.

Многое из рассуждений Петрарки было подхвачено Салютати, Бруни, Верджерио, Пальмиери, Ринуччини, Понтиано, Эразмом и др.¹¹, которые развили и углубили представление о справедливости как о высшей добродетели, четче показали ее связь с законностью и правосудием, принципом равенства, наполнили еще более разносторонним социально-экономическим содержанием — от рассмотрения механизма распределения налогов до порядка назначения на должности.

Нельзя не видеть, что мысль Петрарки секуляризуется, отрывается от церковно-богословской почвы, от идей о божественном происхождении власти, о помазанничестве государя, его превосходстве над подданными, о незыблемости социально-сословных границ. Некоторые традиционные формулы остаются у гуманиста, но чаще всего наполняются иным содержанием, прочитываются остро актуально.

¹¹ См.: Ревякина Н. В. Указ. соч.; Брагина Л. М. Социально-политические идеи в итальянском гуманизме XV в. // Культура Возрождения и общество. М., 1986.

Этому отрыву в немалой степени помог Цицерон. Петрарка многое почерпнул из его трактата «Об обязанностях», вспомнил так или иначе другие его сочинения на политические темы (и горячо рекомендовал Каррара их читать), широко использовал их политическую терминологию, чаще всего называя правителя принцепсом, ректором, отцом родины, а поданных — гражданами. Многие из идей античного мыслителя оказались близки первому гуманисту — о справедливости, законности, свободе, задачах правителя. Можно сказать, что государь Петрарки наполовину «списан» с «*vir bonus*» Цицерона. И эта ориентация на гражданские идеалы классической древности тоже была плодотворным началом, имевшим продолжение в гуманизме XV и XVI веков.

Трактат Петрарки злободневен, его пафос порожден знанием и последовательным отвержением реального положения вещей в большинстве государств Италии того времени, страстным желанием лучшего. Не все рекомендации утопичны, многие призывы и советы — о сохранении мира, соблюдении законности и справедливости — были вполне под силу итальянским сеньорам, отражали насущные нужды общества.

В рассуждениях о финансовой, хозяйственной и даже предпринимательской деятельности правителя Петрарка вышел за рамки этических поисков, начал обращаться к материальной стороне жизни. В этом тоже проявилась живая связь его мысли с новыми запросами времени.

Гуманистический идеал правителя, нарисованный Петраркой, впитал в себя чаяния передовых сил эпохи. И могучую веру в личность: индивидуализм ренессансного гуманизма проявился в данном случае с большой силой. Вместе с тем, становится ясно, что уже ранний гуманизм не чуждался проблем общества: воззрения Петрарки проникнуты гражданственностью, политической страстностью.

Рассуждения о справедливости не исчерпывают петрарковских представлений об идеале государя. За пределами данной статьи остались вопросы об отношении правителя к интеллигенции и наукам, о его нравственных добродетелях и путях их воспитания; специального рассмотрения требует начертанная гуманистом программа социально-экономической деятельности правителя, размышления о характере и целях внешней политики и пр. Все это может явиться предметом особого исследования.

ОБРАЗ ГОСУДАРЯ В СОЧИНЕНИЯХ ТОМАСА ОККЛИВА

Творчество английского поэта Томаса Окклива (ок. 1368—ок. 1430)¹ долгое время находилось на периферии исследовательских интересов медиэвистов. Априорный вывод о его подражательности метрике и поэтике Чосера, подкрепленный ссылками на признание самого Окклива в «ученичестве», уготовил ему судьбу эпитима. В этом качестве Окклив и предстает в общих работах по английской литературе², в биографических очерках³. Главное сочинение Окклива — поэма «О правлении государей» — до недавнего времени считалась лишь переводом латинского трактата Эгидия Колонны. И даже стремление к автобиографичности, редкое для той эпохи, не было оценено по достоинству: еще Ж. Жюссера, исследователь тонкий и проницательный, снисходительно говорил о его «мании исповедоваться»⁴.

В 60—80 гг. нашего столетия интерес к творчеству и личности Окклива явно возрос, что отражает назревшую необходимость в более глубоком и всестороннем изучении английской культуры XV в., исследованной пока значительно меньше, чем предшествующая. Монография американского литературоведа Джерома Митчелла стала первой большой книгой, посвященной Оккливу, и положила начало преодолению негативного подхода к его творчеству⁵. Автор анализирует сюжеты, жанр, стиль, метрику сочинений поэта в контексте литературы того времени, выявляет влияние Чосера, автобиографические реалии и убедительно показывает во многом

¹ Дата смерти Окклива остается спорной, однако аргументы исследователей, относящих ее к 1430, а не к принятому прежде 1450 г., убедительны. См.: Schulz H. C. Thomas Hoccleve, scribe//*Speculum*. 1937. Vol. XII. N 1. P. 76—81. Mitchell J. The autobiographical Element in Hoccleve//*MLQ*. 1967. Vol. XXVIII. N 3. P. 269—284.

² См., напр.: Schlauch M. *English Medieval Literature and its social Foundation*. Warszawa, 1967. Ch. XII.

³ См., напр. принадлежащий перу Х. С. Беннета прекрасный биографический очерк Окклива, остающийся лучшим до настоящего времени. Bennett H. S. *Thomas Hoccleve/Six medieval men and women*. Cambridge, 1955.

⁴ Жюссера Ж. *История английского народа в его литературе*. Пер. с франц. СПб., 1898. С. 386.

⁵ Mitchell J. *Thomas Hoccleve. A study in early fifteenth century english poetic*. Chicago, L., 1968.

самобытный характер творчества Окклива, не только закреплявшего чосеровскую традицию, но и развивавшего ее. Справедливо подчеркнута важность и уникальность личностной интонации, присущей произведениям поэта. Новейшую работу Гюнтера Хагеля отличает интерес к социальному фону эпохи, историческим и мировоззренческим реалиям, отраженным у Окклива⁶.

Советские медиэвисты творчество Окклива специально не изучали, есть только небольшие обзорные очерки⁷; как автору антилоллардистской поэмы ему уделяют некоторое внимание Е. В. Кузнецов и Ю. М. Сапрыкин⁸.

Задача данной статьи — исследовать представления Томаса Окклива о государе, составляющие существенный элемент его социально-политических воззрений, которые интересны не только сами по себе, но и как продолжение традиции формирования образа государя в Англии, заложенной в XIV в. Ленглендом, Гауэром, Чосером, авторами политической поэзии.

Несколько слов необходимо сказать о самом Оккливе⁹. Всю жизнь он прослужил в ведомстве канцлера-хранителя королевской печати, одном из важнейших в государственном аппарате. Его имя упоминается в документах в связи с выдачей жалования (выплачивавшегося крайне нерегулярно), полагавшегося клеркам единовременного пособия или одежды. Жизнь Окклива была небогата событиями, и все сведения о ней черпаются из его сочинений. О его занятиях до вступления в должность ничего не известно, однако и служба, требовавшая значительной подготовки, и круг цитируемых авторов свидетельствуют о том, что поэт получил весьма хорошее образование. Занятый все дни чиновной работой,

⁶ Hagel G. *Thomas Hoccleve. Leben und Werk eines Schriftstellers im England des Spätmittelalters*. Frankfurt a. M. etc., 1984.

⁷ История английской литературы. М.; Л., 1943. Т. I. С. 187—191. Этот очерк без изменений вошел в учебное пособие: Алексеев М. П. *Литература средневековой Англии и Шотландии*. М., 1984.

⁸ Кузнецов Е. В. *Движение лоллардов в Англии (конец XIV—XV в.)*. Горький, 1968. С. 228; Сапрыкин Ю. М. *Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв.* М., 1972. С. 119.

⁹ См. подробнее о жизни Окклива: Furnivall F. J. *Forewords// Hoccleve Thomas. The Minor Poems in the Phillips MS 3151 and the Durham MS III/Ed. by F. J. Furnivall*. L., 1892. Pt. 1. EETS ES N 61. P. VII—XXXIX; Bennett H. S. *Op. cit.*; Mitchell J. *Thomas Hoccleve... Ch. 1; Hagel G. Thomas Hoccleve... Ch. 2.*

тяготы которой им ярко описаны¹⁰, Окклив, подобно Чосеру, посвящал творчеству ночи. Постоянным личным мотивом его являются жалобы на бедность, недостаток денег, надежда на помощь высоких покровителей.

Поэма «О правлении государей» (5459 стихов) написана в 1411—1412 гг. для принца Уэльского, будущего короля Генриха V Ланкастера¹¹. Помимо нее, Оккливу принадлежит несколько стихотворений, обращенных к Генриху V по разным поводам — восшествие на престол, просьбы о денежной помощи¹²; они следуют той же концепции правителя, что и основное сочинение.

Поэма состоит из большого пролога, не связанного с основной темой и полного автобиографических вpletений, краткого обращения к принцу, и собственно трактата, подробно рассматривающего качества, необходимые государю. Как известно, средневековая Европа имела богатую традицию в этом жанре¹³, но по-английски такое сочинение было создано впервые. И уже одно это, как справедливо отметил Митчелл, составляет несомненную заслугу его автора¹⁴.

Разрабатывая интересующую его тему, Окклив опирается на предшественников, о чем и сообщает в прологе¹⁵. Он прежде всего называет три чрезвычайно популярных латинских трактата — «Тайная тайных», анонимное произведение восточного происхождения, написанное в форме поучения Александру Македонскому, «О правлении государей» Эгидия Колонны (ок. 1257—1316) и аллегорическую «Книгу об игре в шахматы» (ок. 1300 г.) доминиканца Иакова де Сесоли (Cessolis)¹⁶. Исследователи долгое время видели в поэме Окклива их компиляцию¹⁷.

Действительно, поэма полна парафраз и цитат, но, срав-

¹⁰ Еще Таут обратил внимание, что Окклив дает сведения о повседневной жизни низшей администрации. См.: Tout T. F. *The English Civil Service in the Fourteenth Century*//*Bulletin of the John Rylands Library*. Manchester, 1916. V. 3. N 2, 3. P. 211—214.

¹¹ Hoccleve Thomas. *The Regement of Princes*. A. D. 1411—1412 and fourteen of Hoccleve minor poems/Ed. F. J. Furnivall. L. 1897. EETS ES N 72 (далее — RP).

¹² Hoccleve Thomas. *The Minor Poems*... N 5, 6, 15.

¹³ См. подробнее: Born L. K. *The Perfect Prince: a study in thirteenth and fourteenth — century ideals*//*Speculum*. Vol. III. N 4. 1928.

¹⁴ Mitchell J. Thomas Hoccleve. Ch. II. § 2.

¹⁵ RP. P. 74—77, 1. 2038—58.

¹⁶ См. подробнее: Born L. K. *Op. cit.*; Gilbert A. H. *Notes on the influence of the Secreta Secretorum*//*Speculum*. 1928. V. III. N 1.

¹⁷ Mitchell J. Thomas Hoccleve... Ch. 2. § 2.

нивая ее с названными сочинениями (для чего мы использовали трактат Эгидия Колонны и переводы на английский язык «Тайная тайных», сделанные на рубеже XIV—XV вв.)¹⁸, можно убедиться, что Окклив не просто заимствовал, но осмысливал заимствованное, исходя из английской действительности, связывая абстрактные вневременные добродетели государя с фигурой принца Генриха.

Окклив постоянно обращался и к другим авторитетам. Среди них отцы церкви, книги Библии, на которую он часто ссылается, Сенека, Квинтилиан, Бозций, Саллюстий, Чосер¹⁹. Поэма расцвечена назидательными и занимательными историями, почерпнутыми у тех же авторов. Принц Генрих был книголюбом, и эрудиция Окклива, несомненно, не могла оставить его равнодушным. А помимо высокой цели у поэта-бедняка была еще надежда получить денежную субсидию, просьбы о которой влетают в текст.

Тон основной части поэмы дидактичен и серьезен, хотя в Прологе к ней и в небольшой поэме «Дурное поведение», может быть самым непосредственным и оригинальным сочинении²⁰, Окклив не чужд юмора и иронии. «О правлении государей» пользовалось значительной популярностью в XV в., сохранилось 44 списка, что включает Окклива в круг самых читаемых светских авторов эпохи наряду с Чосером, Лентлендом, Гауэром.

Интерес к образу государя у Окклива представляется далеко не случайным. Со второй половины XIV в. вопрос о королевской власти, ее прерогативах, моральных достоинствах правителя был насущным и ставился часто. Внимание к нему усилилось после низложения Ричарда II в 1399 году. Дж. Гауэр пишет «Трехчастную хронику» — памфлет, направленный против низложенного короля, появляется анонимный трактат «Ричард, не слушающий советов», растет число политических песен²¹. О расширении круга лиц, которых вол-

¹⁸ Three Prose Versions of the Secreta Secretorum/Ed with introduction and notes by Robert Steele. L., 1898. EETS ES N 74; Colonia Egidio (Aegidius Romanus). *De regimine principum*. Libri III. Nachdruck — Frankfurt, 1968.

¹⁹ См. подробный перечень во вступительной статье Ф. Дж. Фэрри-валя: RP. Forewords. P. XV—XVI.

²⁰ La male regle/Hoccleve Thomas. *Minor Poems*... P. 25—39.

²¹ Political Poems and Songs Relating to English History from the Accession of Edward III to that of Richard III/Ed by Th. Wright. In 2 vol. L., 1859—1861. Vol. I. P. 417 et seq.

новали данные проблемы, свидетельствует и пародийно-сатирическое изображение правителей в сценах театральных мистерий, бывших излюбленным зрелищем английского общества того времени²², и переводы ряда трактатов о правителях на английский язык.

Окклив во многом суммирует представления современников. В кратком вступлении поэмы принцу напоминает о значимости королевского достоинства и ответственности носящего корону. Автор призывает прислушаться к советам «старых философов», приведенных в его сочинении²³. Затем Окклив переходит к конкретному рассмотрению добродетелей, которым правитель должен следовать, чтобы его царствование было благополучным²⁴. Окклив, подобно предшественникам, не ставит вопроса о необходимости воспитания государя. Эта идея появится только в ренессансных трактатах, начиная с Петрарки. Средневековые авторы делают акцент на должностовании, не размышляя о возможности развития личности. Тем не менее политическая мысль XIII—XIV вв. сосредоточена на фигуре образцового правителя, а власть воспринимается персонифицированно²⁵.

В центре внимания Окклива, таким образом, не столько личность, сколько персона государя, носителя определенных качеств. К королю предъявляются очень высокие моральные требования, он должен быть лучше других людей. К этому его обязывает не только высокое положение, но и происхождение. «Ведь ты, принц, — наследник добродетельного отца», — подчеркивает поэт. Великодушие, как и другие рыцарские добродетели, должно быть ему присуще «по роду и крови»²⁶. Один из немногих избранных, представитель бога на земле²⁷, которому в случае его дурных деяний грозит лишь божья кара, король противостоит своим подданным. Но именно его избранность, инаковость и налагает на правителя тяжкое бремя долга, сущность которого раскрывается по этому постепенно.

²² См. подробнее: Богодарова Н. А. Городские мотивы в английской политической поэзии XIV—начала XV в. // СВ. 1982. Вып. 45. С. 95 сл.; ее же. Театр мистерии и город в Англии в XIV — первой половине XV в. // СВ. 1976. Вып. 39. С. 190—194.

²³ RP. P. 79, l. 2164—91.

²⁴ Ф. Дж. Фернивал, издавая поэму, разделил ее на 15 параграфов, предпослав каждому заглавие по названию той или иной добродетели, но Окклив говорит о большем их числе.

²⁵ См.: Vogt L. K. Op. cit. P. 470.

²⁶ RP. P. 131, l. 3641. P. 121, l. 3361—67. P. 141, l. 3900—6.

²⁷ Ibid. P. 87, l. 2409.

Окклив не рассматривает специально традиционный вопрос о различных формах правления. Однако весь контекст поэмы, безоговорочный пиетет, с которым говорится о сани короля, предках принца Генриха (Эдуарде III и Джоне Гонтте), царствующем Генрихе IV, не оставляет, на наш взгляд, сомнений в том, что наследственная монархия принимается поэтом как наилучшая форма²⁸.

В круг нравственных добродетелей, которыми правитель должен обладать в большей мере, чем любой его подданный, Окклив включает верность слову, жалость, милосердие, терпение, великодушие, целомудрие, смирение, щедрость (но не расточительность!), благоразумие. Убеждая принца следовать этим нормам для пользы своей и государства (в трактовке поэта они сливаются), Окклив неистощим на назидательные примеры, иногда превращающиеся во вставные новеллы²⁹. Пороки воспринимаются им как качества, противоположные добродетелям, как следствие их отсутствия, и рассматриваются параллельно. Только для алчности поэт делает исключение, посвящая ей пространный пассаж. На первый взгляд, поименованные добродетели и пороки не выйдут за рамки христианской традиции, имеют достаточно абстрактный характер. Однако в контексте английской действительности начала XV в. с ее многочисленными катаклизмами³⁰ рассуждения, казалось бы, о чисто моральных максимах приобретают определенное социальное звучание.

Одной из важнейших добродетелей короля Окклив, подобно своим предшественникам и современникам, считает справедливость. Рассказывая о справедливых правителях древности, он приходит к выводу о том, что в королевстве, управляемом справедливо, подданные счастливы. Справедливость служит основой других добродетелей, а государя, ее нарушившего, ожидает божье возмездие. Справедливость должна быть оказана любому, «будь он велик или мал»³¹. Помимо этих сентенций, у Окклива есть и попытка наполнить понятие справедливости реальным содержанием. Прежде

²⁸ Ibid. P. 93, l. 2556—62. P. 121, l. 3347—60.

²⁹ В этом отношении очень показателен рассказ о Джоне Канаке, иллюстрирующий оппозицию «щедрость — расточительность». См. P. 151—157.

³⁰ См. подробнее: Гутнова Е. В. Английское феодальное государство в XIV—XV вв. // СВ. 1987. Вып. 50.

³¹ RP. P. 93, l. 2563—69. P. 91, l. 2500—06. P. 89, l. 2465—71. P. 99, l. 2724—30.

всего, государь должен находить и устранять зло в королевстве, следовать за действиями слуг (*mynistres*), ибо их несправедливые поступки делают короля несправедливым в глазах подданных³². Этот же мотив постоянно звучит и в политических песнях эпохи. Поэт так суммирует свои представления о справедливости: «Справедливость имеет божественную природу. Бог установил ее как для всего королевства, так и каждого создания. Справедливость сдерживает кровопролитие, карает преступления, защищает имущество и охраняет подданных (*perle*) от притеснений»³³. «Но кто в наши дни справедлив в этой стране?»³⁴ — риторически спрашивает он.

Справедливость не может осуществляться без закона, и поэт обращается к царственному адресату: «Чти и блюди свои славные законы. Не нарушай их ни в коем случае. Клятва хранить их связывает власть короля. Она же укрепляет его величие. Закон — ключ и замок стабильности. Если закон в стране соблюдается, положение государя устойчиво»³⁵. Таким образом, правитель должен подчиняться закону. Но, как и у его авторитетов, представления Окклива о «законе» абстрактны. Содержания реальных английских законов он не касается.

Зато о беззакониях сказано много и с возмущением. Главные нарушители закона — несправедливые судьи (а должно вершить правосудие, не подчиняясь ни гневу, ни ненависти, ни подкупу, ни любви)³⁶ и «высшие люди» королевства (*cobbes*). Последние собирают вооруженных людей и подчиняют закон себе, безнаказанно совершая преступления. Страдают же бедные и слабые³⁷. Поэт просит принца покарать нарушителей, иначе страна погибнет. Современное состояние закона, по мнению Окклива, настолько плачевно, что поэт высказывает мрачное опасение, что его нет вовсе³⁸. Без сомнения, в этих инвективах отразились характерные для Англии того времени усиление усобиц, прямого разбоя, бесчинств вооруженных свит (ливрей) разоряющихся магнатов. Парламентские документы эпохи Генриха IV отразили то же

³² Ibid. P. 91, l. 2514—20. P. 92, l. 2549—55. P. 92, l. 2528—41.

³³ Ibid. P. 91, l. 2507—13.

³⁴ Ibid. P. 100, l. 2771—72.

³⁵ Ibid. P. 100, l. 2773—79.

³⁶ Ibid. P. 97, l. 2689—93.

³⁷ Ibid. P. 101—103.

³⁸ Ibid. P. 102, l. 2808—09. P. 101, l. 2787 et seq.

негативное отношение к ливреям, тщетные попытки борьбы с ними³⁹.

Много внимания в поэме уделяется таким качествам правителя, как жалость и милосердие⁴⁰, в трактовке Окклива они практически тождественны. Эти качества, не выходя из круга традиционно христианских, приобретают, на наш взгляд, наибольшее социальное звучание. Поэт, как всегда, не скупится на примеры, которые доказывают обязательность этих добродетелей для государя, бесполезность прочих при их отсутствии. Но они отнюдь не должны быть проявлением слабости. Возвращаясь к вопросу о царящих беззакониях, Окклив настаивает на необходимости сурово карать убийц и нарушителей закона: милосердие, оказанное им, повлечет новые преступления и страдания невинных⁴¹. В то же время, ссылаясь на авторитеты, поэт предупреждает принца, что «власть без милосердия превращает короля в тирана», что «только тиран не имеет жалости»⁴². Жалость и милосердие становятся неперемненными атрибутами справедливости.

Интересны разделы поэмы, посвященные щедрости и противостоящим ей порокам — расточительности и алчности⁴³. Окклив рассматривает их в постоянном сопоставлении. Щедрость — необходимое качество государя, к ней его обязывает высокое положение. Но быть щедрым следует лишь по отношению к достойным этого⁴⁴. Рассуждения о щедрости окрашены явной личной заинтересованностью. Поэт не хочет скрывать надежд на помощь принца, не раз упоминает о своей бедности, задержке выплаты жалования и пенсии. Но просьбы явно тяготят его. Он недвусмысленно замечает, что дар ценен добровольный, а не выпрошенный⁴⁵. Решительно одобряя щедрость, Окклив безоговорочно осуждает расточительство и алчность, если они присущи правителю. Он много говорит о бесполезных тратах, постоянных поборах и субсидиях, разоряющих народ⁴⁶. Он не приводит конкретных данных, но его стихи так же, как и политические песни эпохи,

³⁹ См., напр.: *Rotuli Parliamentorum*. L., 1832. V. 3. P. 600. N 137.

⁴⁰ RP. § 5, 6.

⁴¹ Ibid. P. 120, l. 3326. P. 112, l. 3102. P. 113—115.

⁴² Ibid. P. 123, l. 3410—11. P. 109, l. 3004.

⁴³ Ibid. P. 11, 12.

⁴⁴ Ibid. P. 167, l. 4649—55. P. 171, l. 4740.

⁴⁵ Ibid. P. 157, l. 4360—69; 4376, 4383. P. 169, l. 4705—06.

⁴⁶ Ibid. P. 159, l. 4404—11. P. 160, 165.

отражают реальную ситуацию: рост различных налогов и займов⁴⁷.

Вопрос об отношениях правителя и его подданных интересует Окклива чрезвычайно. Не выделяя его специально, поэт возвращается к нему при обсуждении почти каждой добродетели. Наличие или отсутствие той или иной добродетели может стать причиной любви, страха или ненависти подданных; любви следует помогать, страха и ненависти избегать⁴⁸. Вереница назидательных примеров из жизни дурных и хороших правителей должна убедить в этом будущего короля. Рассуждая о великодушии и мужестве правителей, Окклив говорит, что «подданные должны быть настолько дороги королю, чтобы он был готов защищать их пользу своей силой и властью, а ради своего королевства — испытывать опасности битвы»⁴⁹. Неоднократно по разным поводам говорится о необходимости охраны имущества подданных: король не должен позволять их грабить⁵⁰. Окклив пытается доказать принцу, что благополучие короля и подданных взаимосвязаны. Однажды он даже употребляет формулу «общая польза»⁵¹, которая в последующей политической литературе получит широкое распространение.

Можно ли выявить представления Окклива о социальной структуре окружающего его общества? Ленгленд, Гауэр, Чо-сер создали галерею социальных типов, в образах которых выразили свое отношение к тому или иному сословию. Представления Окклива проявляются гораздо менее четко. В его творчестве только два социальных типа выписаны подробно: клерк королевской канцелярии, пишущий стихи на досуге, и совершенный государь. Старый нищий из Пролога, хотя и весьма живописен, лишен социальной характеристики, это скорее второе «я» поэта, а возможно, призрак его будущего.

Социальная терминология поэмы «О правлении государей» расплывчата. Чаще всего речь идет о подданных или народе⁵², по контексту это некое суммарное целое, о котором

⁴⁷ См. подробнее: Гутнова Е. В. Указ. соч. С. 72—74; Given Wilson Ch. The Royal Household and the King's affinity: service, politics and finance in England 1360—1413. New-Haven; L., 1986, Ch. II.

⁴⁸ См., напр.: RP. P. 173, l. 4810—23.

⁴⁹ Ibid. P. 141, l. 3941—20.

⁵⁰ Ibid. P. 146, l. 4061—62. P. 147, l. 4082. P. 159, l. 4418—24.

⁵¹ Ibid. P. 148, l. 4108.

⁵² Peple folk. Ibid. P. 104, l. 2885—86. P. 145, l. 4014. P. 160 l. 4434; P. 173, l. 4817. P. 174, l. 4825. P. 180, l. 4998.

правитель должен заботиться. Достаточно часто говорится о «бедных и богатых, низших и высших», причем первые страдают от произвола последних. Однако социальный статус обеих групп никак не уточняется. Однажды сказано о «common people», по контексту речь идет именно о простом народе, но не «общинах» как средних слоях, ассоциировавшихся часто с общинами парламента. В одном месте речь идет даже о земледельцах и рабочих (тех, у кого есть только руки), которые страдают от жадности, алчности, расточительства и поборов правителей⁵³.

В широком смысле употребляется термин «рыцарь»: это и воин, и подданный, и человек, воплощающий высокие моральные качества⁵⁴. При этом Окклив, как свойственно эпохе, не смущается анахронизмом, он пользуется этим термином при рассказе о библейских и античных героях. Несколько раз Окклив говорит о лордах и, как правило, в отрицательном контексте, ставя им в вину, что они не заботятся о тех, кто им подвластен⁵⁵.

В отличие от Эгидия Колонны, обратившего внимание на роль городов⁵⁶, Окклив не интересуется этим вопросом. Многолетний житель Лондона, живо изобразивший некоторые черты его быта, он практически не говорит о городах и горожанах. Одно из немногих исключений — замечание о «спокойствии города, если король верен слову». В этом же разделе упоминаются купцы, которым следует честно возвращать взятое в долг⁵⁷. Окклив ни разу не говорит о парламенте и общинах, чем безусловно отличается от современных ему авторов.

Отношение поэта к церкви крайне благонамеренно. Ярый антилоллардист, он вменяет правителю в обязанность охранять веру и права церкви⁵⁸.

Хотя из рассуждений Окклива в полном соответствии с его авторитетами вытекает, что добро и зло поступков всецело зависят от самого короля, тем не менее в настойчивом требовании следовать хорошим советам, окружить себя добрыми советниками очевидна, возможно, неосознанная, попытка указать конкретные условия для торжества добра. Окклив ре-

⁵³ Ibid. P. 148, l. 4113. P. 159, l. 4418—24.

⁵⁴ Ibid. P. 87, 89, 107, 118.

⁵⁵ Ibid. P. 87, 111, 170, 172.

⁵⁶ Colonna Egidio. Op. cit. III, 1, 1; III, 2, 31.

⁵⁷ RP. P. 80, l. 2211. P. 86, l. 2374.

⁵⁸ Ibid. P. 105, l. 2899 et seq.

комендует королю пользоваться советами «мудрых, добрых и опытных», а также и людей простого звания, бедных и молодых. Однако далее он все же отдает предпочтение людям старым как наиболее мудрым. Поэт в очередной раз призывает короля опасаться льстецов, заботящихся о своей выгоде, и настаивает на испытании бескорыстия советников⁵⁹. Окклив безусловно придает большое значение окружению короля (особенно если вспомнить вошедшее в традицию беспутство принца Генриха). «Совет, — по его мнению, — подобен уздечке, удерживающей коня от падения». Король должен следовать добрым советам, даже вопреки своим намерениям»⁶⁰.

Трактаты аристотелевской традиции, посвященные искусству управления, обращали внимание на необходимость интереса короля к образованию. У Окклива этот мотив прямо не выражен. Однако из контекста поэмы вытекает, что следует ценить знания. Так, в Прологе Старый нищий радуется учености Окклива, ибо ученые люди более осмотрительны, скорее постигают мудрость и обращаются к разуму⁶¹. В другом месте поэмы Окклив сетует, что пребанды достаются льстецам, а не достойным клирикам из Оксфорда и Кембриджа⁶².

В последней части поэмы Окклив обсуждает традиционную обязанность правителя — охранять мир⁶³. В панегирике мирной жизни и миролюбивого государя звучит явственный голос современника усобиц и мятежей. Перечисляя бедствия, которые испытывает Англия, поэт надеется, что принц Генрих установит в стране благодетельный мир. В отношении к Франции Окклив — также сторонник «партии мира»⁶⁴. Он призывает принца (будущего победителя при Азенкуре) заключить мир, вступив в брак с французской принцессой. В его позиции, видимо, находит отражение растущая у части населения непопулярность Столетней войны.

Итак, поэма-трактат Томаса Окклива продолжает традицию разработки образа государя в английской литературе, являющегося одним из важнейших в кругу социально-куль-

⁵⁹ Ibid. P. 175—177.

⁶⁰ Ibid. P. 177, l. 4929—30. P. 176, l. 4894—95.

⁶¹ Ibid. P. 6—7, l. 148—157.

⁶² Ibid. P. 190, l. 5272—78.

⁶³ Ibid. P. 181—196.

⁶⁴ См. подробнее: Басовская Н. И. Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война//Идейно-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984.

турных представлений эпохи. В отличие от своих предшественников, поэт создает первое специальное сочинение, посвященное искусству управления, первый законченный, целостный образ совершенного правителя. Окклив широко опирается на авторитеты и многое заимствует у них, но он далек от простого подражания. Рассмотренные им добродетели государя стереотипны, но их трактовка во многом самостоятельна. Поэт соединяет традиционные моральные наставления с попыткой конкретных рекомендаций политического характера. Отличительными чертами поэмы являются личностный тон и постоянное обращение к реалиям современной Англии. Социальные симпатии Окклива не выявляются четко, однако созданный им образ государя, заботящегося о подданных, сочетающего твердую власть со справедливостью и нравственными добродетелями, объективно близок политическим настроениям «commons» этого времени.

И. А. Краснова

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В ПОПОЛАНСКОЙ СРЕДЕ ФЛОРЕНЦИИ XV ВЕКА

Педагогические идеи итальянских гуманистов начинают все больше привлекать интерес советских историков-ренессансистов; за последние годы в этом направлении многое сделано Н. В. Ревякиной¹. Думается, что характер гуманистической педагогики и ее социальная подоснова значительно прояснятся, если обратиться к анализу тех зачатков педагогических идей, которые содержатся в писаниях богатых флорентийских пополанов XIV—XV вв., сохранившихся в семейных архивах. Педагогические рекомендации нередки в письмах, а в семейных хрониках, обращенных к потомкам, можно встретить настоящие трактаты о воспитании.

Необходимость целенаправленного рационального воздействия на личность с самого раннего возраста сознавал флорентийский купец средней руки Джованни Морелли. Сокру-

¹ См.: Ревякина Н. В. Франческо Петрарка и гуманистическая педагогика//Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985; ее же. Физическое воспитание в итальянской гуманистической педагогике Возрождения//Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8.

шаясь о своем сиротском детстве, он писал: «Имея детей, я хочу воспитать их хорошими людьми; направляя [их развитие] в силу разума, я хочу научить их отделять доброе от дурного, чтобы не получать от них горечи и обид, но испытывать радость оттого, что они на верном пути»².

В среде флорентийских купцов и сукноделов находили отклик педагогические идеи гуманистов: большим влиянием пользовалось сочинение Леона Баттиста Альберти «О семье»³, образованные горожане стремились отдать детей в школы к знаменитым педагогам-гуманистам — Гуарино из Вероны, Витторино да Фельтре, Бардицци и Филельфо⁴.

Вместе с тем, это рационалистическое и гуманистическое направление встречало противодействие со стороны идеологов католицизма. Яркий образец «христианской педагогики» того времени (определение А. Тененти)⁵ — довольно популярное в начале XV в. «Наставление в семейных делах» Джованни Доминичи, доминиканского монаха, затем епископа и, наконец, кардинала католической церкви. У некоторых западных историков трактат вызывает восхищение как «алмаз для юншества», сочетающий, по их словам, религиозное благочестие почти с гуманистическими идеалами⁶. Однако другие придерживаются противоположного мнения⁷.

Попытаемся вчитаться в сочинения «купцов-писателей» и сопоставить их с педагогической проповедью доминиканца. Записки купцов не были праздными рассуждениями: богатых пополапов заботило будущее их детей и их «дела» — торгового дома, мастерских-боттег, банковских контор. Отцы старались оставить детям написанные ими руководства. Именно такой характер носят «Воспоминания» Морелли; Джино ди Нери Каппони, внезапно почувствовав приближение смерти, торопится сделать последнее самое важное в его глазах дело: продиктовать сыновьям напутствие, представляющее сгу-

² Morelli G. Ricordi/A cura di V. Branca. Firenze, 1956. P. 219—220.

³ Alberti L. B. I libri della famiglia. Torino, 1972.

⁴ Bec Ch. Les marchands écrivains. Affaires et humanisme a Florence (1375—1434). P., 1967. P. 362.

⁵ Tenenti A. Credenze, ideologie, libertinismi tra Medioevo ed Eta Moderna. Bologna, 1978. P. 124.

⁶ Perzella S. La vita religiosa nel Quattrocento. Firenze, 1976. P. 193; Prati P. Dominici e l'Umanesimo. P. 100.

⁷ Tenenti A. Florence a l'époque des Médicis. P., 1978. P. 59—60.

сток жизненного опыта этого видного политического деятеля и купца Флоренции⁸.

Первой заботой отцов было воспитать в детях самостоятельность и стойкость в жизненной борьбе. Купцы, банкиры, предприниматели, как правило, рано становились самостоятельными, отправляясь в возрасте от 14 до 21 года из родительского дома в торговые города средневековой Европы приобретать опыт и капитал⁹. В такой ситуации оказались и три сына вдовы флорентийского банкира монны Алессандры Строщи. Мать настойчиво стремилась внушить детям, что во всех делах и поступках нужны самостоятельность и независимость. Она боялась, как бы ее сыновья не оказались во власти чужого мнения. Когда старший из них — Филиппо подружился в Неаполе с флорентийским послом Джаночцо Пандольфини, которого Алессандра знала и уважала, она все-таки убеждала сына не полагаться слепо на чужой авторитет. «Когда человек отдает себя в руки других и начинает действовать по совету даже таких больших мастеров, опытных людей, как Джаночцо, то ему приходится полагаться на их желания, несмотря на то, будут ли они по душе ему самому» (из письма Филиппо от 6 декабря 1450 г.). То же самое внушает она сыну Лоренцо: «Каждый должен заботиться о себе сам... должен сам себе быть хозяином и головой, действовать по собственному усмотрению» (из письма к Лоренцо в Брюгге 25 августа 1461 г.). Сыновья прислушивались к этим советам. Лоренцо заявлял: «Я намерен устраивать свои дела без чужих советов и чужих сведений, которые только вредят и противодействуют» (из письма к матери от 31 августа 1461 г.)¹⁰.

Джованни Морелли восхищался отцом, который, оставшись без надзора старших братьев, «действовал самостоятельно, согласно собственному разумению». Да и сам он советуется слушать старших, но поступать в соответствии прежде всего с тем, «что ты сам найдешь разумным, следуя только полезным и добрым примерам»¹¹.

⁸ Morelli G. Op. cit.; Capponi G. Ricordi/Miscellanea di studi offerta a Antonio Balduino e Bianca Bianchi. Padova: Presso il seminario di filologia moderna dell'universita. 1962. P. 61—62.

⁹ Herlihy D., Klapisch-Luber C. Les toscans et leurs familles. P., 1978. P. 576; Bec Ch. Op. cit. P. 63.

¹⁰ Strozzi-Macinghi A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figlioli esuli/A cura di Guasti. Firenze, 1877. P. 101, 246, 241.

¹¹ Morelli G. Op. cit. 41b. P. 149; 46a. P. 177.

На независимости в решениях и поступках основывались индивидуалистические принципы накопления. «Постарайся достичь определенного положения, чувствовать себя свободным, опираясь на свой природный ум, учишься контролировать, направлять и поддерживать самого себя». Для воспитания свободы и самостоятельности мышления Морелли указывает как раз те источники, какие будущий кардинал Доминичи предаст анафеме: произведения древних авторов, «от которых можно получить много удовольствия, добрых советов и полезных результатов». Купец с отвращением вспоминает страх и покорность, какие внушал ему суровый учитель, лишивший его «легкой свободы детства»¹².

Все авторы купеческих записок выступают против телесных наказаний, насилия и страха как мер воздействия на детей. Ручеллаи убежден в том, что, хотя наказания подчас и необходимы, это не главный метод воспитания. «Отец или учитель не должны действовать одними тумаками, поскольку это вещь не просто несогласная с природой, но, скорее, противная ей, поскольку способна породить и воспитать в человеке раба. А затем, вырастая, он сам склоняется к несправедливости и злу, потому что не знал в детстве проявлений естественной любви. Для мальчика с хорошими задатками достаточно словесных внушений»¹³. И дальше Ручеллаи указывает наиболее приемлемые формы убеждения: доводы, примеры поведения других, похвалы и награды, порицания.

Наставления по воспитанию содержатся и в письмах монны Алессандры Строцци. Так, отправив младшего сына на выучку в банк к зятю, она пишет ему: «Маттео мне представляется по натуре мягким и добрым, с большими способностями и более склонным к тому, чтобы впитывать добро, а не зло» (из письма от 11 июля 1449 г.). Как и у Ручеллаи, здесь сквозит убежденность в доброкачественности человеческой природы. Исходя из представлений о природной склонности человека к добру, монна Алессандра определяет и метод воспитания: «Не надо силой вбивать в него то, чему ты хочешь его научить, потому что никакая вещь не может быть усвоена лучше, чем по доброй воле». Она полагает, что необходимо приучать ребенка не только к малым делам, но и к сложным, требующим напряжения, — но делать это нужно по-

¹² Ibid. 58b. P. 248—249; 64a. P. 279—280; 95a. P. 496—497.

¹³ Rucellai G. Il Zibaldone quaresimale/A cura di A. Perosa L., 1960. P. 14.

степенно, терпеливо, несколько раз объясняя одно и то же. Дело должно достигаться через увлеченность и любовь к нему, а не из страха перед насилием и унижением. «Не будет никакого толку, если ты начнешь раздражаться и угрожать побоями, это может вызвать отвращение к делу, он будет плохо понимать наставления. Мягкостью же можно добиться понимания всего»¹⁴.

Как рассказывает Джованни Морелли, его отца Паголо надолго «забыли» в деревне у кормилицы, поэтому он пошел в школу позже других, отчего дичился, был застенчив, хотя отличался «благородным и добрым умом». После первой же порки в школе он сбежал оттуда и ему пришлось взять домашнего учителя, с которым заключили контракт, исключая побои как метод наказания. Морелли уверен, что именно это и послужило причиной больших успехов отца, который «в короткое время выучился чтению, письму и счету, проявляя хорошую память»¹⁵.

Купцам необходимо было воспитывать в сыновьях умение действовать в нестандартной обстановке и принимать самостоятельные решения, поэтому им были ближе принципы воспитательного трактата Альберти, гуманистов-педагогов Маттео Пальмиери и Маффео Веджо, которые отвергали физические наказания¹⁶. Воспитание, основанное на вере в доброту изначальной природы человека, более подходило для среды, в которой теряли свое значение такие ценности прошлого, как покорность и слепое повиновение церковным проповедникам и цеховым уставам. Новыми ценностями становились активность и энергия в делах, позволяющие эффективно осуществлять накопление, а также разумность и предусмотрительность при сохранении богатств.

В этом обществе праздность и потребительство находили всеобщее осуждение, как и другие «добродетели» феодального класса. Не без влияния гуманистов купцам XV в. удавалось иногда подняться над узко утилитарными представлениями о профессиональном труде купца и предпринимателя, возвышая его до уровня нравственно-интеллектуальной работы, требующей самосовершенствования: «Если ты от природы имеешь дурные наклонности, изгоняй их силой, делай противоположное тому, что подсказывает тебе твоя вя-

¹⁴ Strozzi-Macinghi A. Op. cit. P. 50—52.

¹⁵ Morelli G. Op. cit. 41a. P. 146—147.

¹⁶ Rossi S. Dalle botteghe alle accademie. Milano, 1980. P. 64.

лая и унылая душа. Принуждай себя, и этим себя победишь»¹⁷.

Идеальный купец должен быть приспособлен к напряженному и всепоглощающему труду. Джованни Ручеллаи полагал, что для этого следует как можно раньше выводить ребенка из «сонного детства», чтобы не потерять напрасно времени для деловой карьеры, поэтому уже в раннем возрасте дети не должны быть заласканы, слишком любимы и избалованы. Как только они в 2—3 года расстанутся с кормилицами, их надо начинать учить грамоте и счету на фруктах, сладостях, игрушках¹⁸.

Воспитанию человека действия во многом способствовала боттега или фондако: лавка, отделение банка, текстильное мануфактурное производство, где юноша с 12—13 лет (а то и раньше) проходил основы коммерции, циклы текстильных работ, бухгалтерию, учился вести приходно-расходные книги, усваивал системы мер и монет, начала навигации и географии — по логиям и картам¹⁹. Исходя из этого перечня трудно предположить, что в боттегах обучали главным образом физической работе и ручному ремеслу, как полагает Д. Херлихи, который (в более ранних работах) вообще склонен был недооценивать обучение в боттеге²⁰.

Купец Донато Веллутти рассказывает о своем сыне: «С 9 лет я поместил его в боттегу по производству шерсти, а затем в кассу. Когда сыну исполнилось 12 лет, я дал ему в руки приходно-расходную книгу всего нашего имущества, и он вел ее, руководил и управлял всем, словно имел за плечами 40 лет»²¹. Ясно, что в боттеге получали не навыки труда красильщика или ткача, а умение управлять делами в совокупности, централизовать производственные процессы и торговлю; это было необходимо для любого «добротного купца», самой уважаемой и ценимой профессии во Флоренции.

Джованни Морелли требует упорно воспитывать трудолюбие с самого малого возраста. «Пусть дети будут усердны в боттеге и в школе, где должны учиться наилучшим образом, делая это по доброй воле»²². Праздность и мотовст-

¹⁷ Morelli G. Op. cit. P. 259.

¹⁸ Rucellai G. Op. cit. P. 13—14.

¹⁹ Melis F. Firenze//Città mercanti dottrine nell' economie a Europa dal IV al XVIII secolo. Milano, 1964. P. 109.

²⁰ Herlihy D., Klapisch-Luber C. Op. cit. P. 572, 573; Herlihy D. Family Solidarity in Medieval Commune//Economy, Society and Government in Medieval Italy. Kent, 1969.

²¹ Velluti D. La cronica domestica/A cura di J. Del Lungo e G. Volpi. Firenze, 1914. P. 311.

²² Morelli G. Op. cit. 48b. P. 193—194.

во изгоняются. Заботы о том, как приобщить младшего сына к делам, не оставляли монну Алессандру. Из письма в Неаполь ясно, что она считает важным умение писать деловые письма, набивать руку в фойдако, а не умение танцевать или владеть кургуазными манерами. Беспокоят ее дела и старших сыновей. Узнав о недостойном поведении в Брюгге Лоренцо, которого она не видела семь лет, монна Алессандра сурово отказывает, ему даже в невинном удовольствии, могущем отвлечь от дела: «Я ничего не сделала для того, чтобы послать тебе птицеловную сеть... это обойдется в 6 флоринов. Я полагаю, что не стоит тратить время и расходовать деньги на такие вещи, когда есть нужда в более существенных»²³.

Джованни Ручеллаи в своих записках требует запрещать детям изысканные блюда, богатую одежду и вообще вещи, доставляющие удовольствие. «Надо добиваться того, чтобы они могли долго искать и упорно исправлять допущенные ошибки». С этим связано требование воспитания уравновешенности, благоразумия, умения взвешивать поступки, преодолевать желания и аффекты. Ручеллаи писал: «Мне не нравится, когда какое-либо дело совершается в гневе, следует все делать обдуманно, с трезвой предусмотрительностью, так, чтобы трат было как можно меньше, а выгоды как можно больше». Данный принцип у Ручеллаи универсален, он применим даже к здоровью: купец рекомендует такие физические упражнения, которые придают хладнокровие, устраняют дурные страсти и излишества: игру в мяч, бег, прыжки²⁴.

Таковы были важнейшие установки богатой пополанской среды по вопросам воспитания. К этому же социальному кругу были адресованы «Наставления» Джованни Доминичи. Но свою задачу доминиканец видел прежде всего в том, чтобы дать практические рекомендации по религиозному воспитанию. Это был острый вопрос для духовенства Флоренции XV в., где религиозное воспитание и образование играло, по свидетельству самого Доминичи, весьма скромную роль²⁵. Хотя в программах коммунальных школ религии отводилось известное место, автора трактата это решительно не удовлетворяло. Он призывает игнорировать то образование, которое считала необходимым дать молодому поколе-

²³ Strozzi-Macinghi A. Op. cit. P. 126—127.

²⁴ Rucellai G. Op. cit. P. 14—15, 18.

²⁵ Dominici G. Regole del governo di cura familiare. Firenze, 1860. (далее отсылки на этот трактат будут даваться в тексте).

нию коммуна. «Если пошлешь в коммунальную школу, помни, что там много разнужданности и буйства, много детей, склонных к дурному и противящихся доброму, и есть великая опасность потерять усилия шести-семи лет в один день» (р. 133). Доминиканец ратует за домашнее воспитание. Общая установка здесь остается сугубо аскетической. Доминичи осуждают как суетные самые естественные проявления материнской любви к ребенку: «Как дурно скажутся все эти деревянные лошадки, искусственные птички и тысячи разных игрушек, когда ты целыми днями носишь его на руках, целуешь, поешь песенки, рассказываешь смешные истории, припугиваешь страшными, играешь с ним в прятки, стремишься сделать его красивым, упитанным, счастливым, довольным в отношении чувственных наклонностей, — разве они являются добрым делом» (р. 169).

И доминиканец делает вывод: «Не земными благами надо вооружать детей, а учить их становиться жителями вечного царства, не этого мира, где они слепы и приговорены к вечному огню. Сколько времени ты потеряешь зря, то и дело причесывая детей и завивая им кудри» (р. 150).

Религиозное воспитание Доминичи требует начинать как можно раньше, с двух-трех лет. Средством постижения истинной веры в столь раннем возрасте должны стать художественные изображения: иконы и картины с религиозными сюжетами. Второй этап начинается с 8—10-летнего возраста: здесь чтение молитв и текстов священного Писания, сочинений святого Иеронима, блаженного Августина, Бозция (р. 137). Следующий этап — устройство домашнего алтаря перед распятием, уход за ним, зажигание свеч, курение благовоний и даже сооружение домашней колокольни. Дети должны учиться ведению служб. «Они должны надевать рубашку как у послушников, петь церковные гимны, произносить мессу» (р. 146—147).

Примечательно, что Доминичи не требовали частого посещения церкви детьми, но только в том случае, когда нет возможности устроить домашний алтарь, и приходится туда, когда там не слишкомлюдно и шумно, чтобы разум детей не слишком отвлекался волнующимися людьми, чтобы они не учились там болтать попусту и мешать святому делу (р. 132—133).

Такое же недоверие выражает автор «Наставлений» монастырским школам: «Ты поступишь неосторожно, если пошлешь детей к клирикам, потому что они таковы, что многому не научат. В старину они воспитывали хороших детей,

формируя из них добрых людей, но сейчас они думают только о земном, о кормах для скотины, об очаге» (р. 133). Доминичи перемещают центр религиозного воспитания в семью. Очевидно, ему хорошо известно, как мало в пополанской среде почтение к церкви и ее служителям, а к монахам — особенно. Знает он и то, как мало горячего благочестия у горожан, зачастую приходивших в церковь из любопытства и вполне мирских интересов, как вольноприхожане вели себя во время службы, особенно же — мальчишки и молодые люди.

Доминичи — явный сторонник патриархальной семьи, в которой после бога дети должны почитать отца. «Кто боится бога, тот боится родителей своих, как сеньярам служит им и в делах, и в речах, и в любых поступках» (р. 155). Подчинение детей родителям должно быть полным, покорность — абсолютной. «Родители должны быть для детей сеньярами больше, чем для слуг-рабов, ведь дети обязаны им за то, что произведены на свет, гораздо больше, чем раб за то, что имеет кусок хлеба» (р. 158). По мнению доминиканца, отец вправе отдать свое дитя как часть имущества по любой причине, пришедшей ему в голову (р. 161).

Вместе с тем воспитание беспрекословного послушания доминиканец рассматривает как необходимое основание религиозно-социальных устоев общества. «Чтобы был хороший ученик у мастера и добрый прихожанин у прелата, надо, чтобы у отца рос покорный сын» (р. 157—158). В пополанской среде XV в. уже пустили глубокие корни свобода и вольномыслие, и Доминичи желал привить пастве покорность богу и церкви. «Дети должны почитать не только отца и мать, они должны быть покорны аббатам и приорам, правителям и учителям, чтобы всегда были готовы сознательно подчиняться по команде свыше» (р. 156).

Доминичи до деталей разработали систему воспитания безропотного послушания; на первое место в ней он ставил методы телесного воздействия. «Нежестокая порка делает детей добрыми, и следует к ней прибегать, чтобы вырастить хороших людей», причем «наказывать надо даже тогда, когда они этого не заслуживают» (р. 157), дабы приучить к смирению и покорности.

Данные качества прививаются и в повседневном общении детей с родителями. Дети не могут говорить в присутствии взрослых без их разрешения, они должны лишь слушать и отвечать с покорностью и извинениями. Обращаться к родителям ребенок должен скорее почтительно, чем родственно, выказывая страх и покорность, а не любовь, называя отца

«мессер падре», а мать «мадонна madre», а не «папа» и «мама» (р. 157—158). Бесчисленным запретам и ограничениям было подчинено все поведение детей: они не могли садиться в присутствии родителей, на каждый приказ должны были покорно склонять голову (р. 164). Начиная с трех и кончая двадцатью пятью годами они должны были постоянно ощущать виновность и каяться (р. 164). Вот как в трактате говорится об этом: «И хотя они еще дети, научи их тому, чтобы, солгав, они признавали свою вину, били себя в грудь, цели покаянные псалмы. Ни в коем случае они не должны скрывать своих грехов, пусть привыкают каяться перед домашними часто и без принуждения. За покаяние давай им орешки, фиги или фрукты».

По мнению Доминичи, родители должны держать детей под своей властью и тогда, когда они уже ступили на самостоятельную стезю. «Если сыновья занимают общественные должности, духовные или светские, они не должны что-либо предпринимать без ведома родителей, но по справедливому решению в зависимости от того, что те им посоветуют» (р. 160). Монах не признавал имущественной самостоятельности детей, нигде не упомянул о возможности их отделиния. «Я утверждаю, что ни отец, ни мать не должны позволять детям наживаться для себя, но все, что сын приобретает, должно поступать в распоряжение родителей, включая пищу и одежду. Сын не может иметь собственной выгоды» (р. 161).

Подчинение авторитету бога, прелата, отца — в трактате высший принцип воспитания. Ведь эта авторитарность уже сильно ослабела во Флоренции, известной критическим отношением к церкви и девальвацией ценностей веры и Писания. Но упустить богатое попопство из-под своего влияния церковь не хотела и была вынуждена приспособливаться. Еще Фома Аквинский писал: «Если купец занимается коммерцией ради общественной пользы, если он видит, что в его стране недостает вещей, необходимых для существования, то его богатство не будет порочным, если не явится самоцелью, но станет лишь вознаграждением за труд»²⁶. Доминичи тоже должен был учитывать новые обстоятельства: настаивая на религиозно-авторитарных принципах воспитания, он одновременно пытается несколько смягчить непримиримость своих аскетических требований, как-то отреагировать

²⁶ Le Goff J. *Marchands et banquiers du Moyen Age*. P., 1966. P. 80.

на реальные запросы тех, к кому обращается. Так, описывая образ жизни, приличествующий «доброму купцу» и праведнику, монах рассуждает в соответствии с установками купеческой среды. «Лучше и разумнее воспитывать детей так, чтобы сделать их образованными и искусными» (р. 151). Доминичи убеждает, что высокие профессиональные качества и трудолюбие угодны богу. «Господь да сделает вас искусными и умелыми для себя и людей» (р. 165). Он подчеркивает, что трудолюбие и усердие следует воспитывать с ранних лет. «Забьешься о том, чтобы дети были старательны, не давай им много спать, чтобы они постоянно упражнялись в добродетели; поручи им какую-нибудь обязанность. Старайся скорее вывести их из детства, раньше начинай готовить их к будущей жизни» (р. 179).

Каждый человек предопределен богом к выполнению определенной работы, — поучал Доминичи. Путь к благосостоянию общества — соответствие каждого его члена профессиональному призванию. В этом — и залог морально-нравственных устоев. Доминичи не мог не отозваться определенным образом на насущную потребность накопителей в воспитании активной деятельности и профессионального совершенства.

Как воспринимала рекомендации Доминичи та среда, к которой был обращен его трактат? Во всей пространной книге Морелли, написанной с явно дидактическими целями, религиозному воспитанию уделено мало внимания. Для купца главной представляется совсем другая цель, сугубо земная и практическая. «Если ты занимаешься коммерцией, а дети твои еще не выросли настолько, чтобы ее понимать, оставь им написанное тобой пособие»²⁷. В перечне разнообразных умений, необходимых юноше, претендующему на то, чтобы стать образцовым купцом и руководителем дел, наличествуют: знание грамматики и счета, вежливость и воспитанность, скромность и достоинство в одежде, умеренность в числе слуг, лошадей, в еде, умение бегать, прыгать, метать копьё, владеть оружием, играть на музыкальных инструментах, петь, танцевать, фехтовать, красноречиво говорить²⁸. О специальном приобщении к делам веры здесь речи нет, хотя обычное религиозное воспитание имело место и в семье Морелли. Практически не упоминает о делах веры в своих записках и Джо-

²⁷ Morelli G. *Op. cit.* 55b. P. 231.

²⁸ *Ibid.* 56a. P. 233.

ванни Ручеллаи, хотя много пишет о воспитании и образовании детей.

Для тех, кто непосредственно занимался торговлей, практикой и делами во Флоренции, религиозное воспитание не являлось целью, и они мало им интересовались. Дух строгой авторитарности и подчинения, которым наполнен трактат монаха, был им скорее чужд. Руководящие и организующие функции, выполняемые ими в обществе, требовали обратного: способности действовать в разных ситуациях, взвешивать обстоятельства и делать свободный выбор. Установки Доминичи по этим вопросам теряли ценность и уходили в прошлое, тогда как его наставления по воспитанию деловитости, умеренности в потреблении, сдержанности и расчетливости принимались средой богатых флорентийцев и могли быть в ней популярны, поскольку, лишённые религиозно-аскетического смысла, они оказывались отражением их собственных потребностей.

С. М. Стам

«МАДОННА ФОЛИНЬО» РАФАЭЛЯ

Поворот темы

В первых римских мадоннах Рафаэля можно подметить некоторые новые черты, но в основном и наиболее существенном они предстают как прямое продолжение и развитие флорентийских завоеваний художника в этой области. «Мадонна Фолиньо», по-видимому, знаменует начало чего-то принципиально нового.

В самом деле, все ренессанское искусство, начиная с Джотто, стремилось к максимальному очеловечению образа богоматери, этого «самого человеческого образа христианской легенды»¹. И никто не сделал для этого больше и плодотворнее, чем Рафаэль. Он освободил этот образ от всего иератического, надмирного. Решительно сведя мадонну с небес на землю, он поселил ее среди лугов и рощ цветущей земли, органически сроднил ее с природой. Он наполнил образ всей красотой и благородством человеческого материнства. Чтобы раскрыть его трепетную радость и высокое достоинство, он не побоялся «низвести» мадонну до простых жанровых сцен,

¹ Гращенко В. Н. Рафаэль. М., 1971. С. 17.

где самая обыденность раскрывается во всей своей трогательной поэтичности. (Но именно поэтому Джон Рёскин, отражая негодование поборников благочестия, метал громы и молнии против Рафаэля, который «своими мадоннами отравил неверием сердца миллионов христиан»).

Рафаэлевские мадонны — не только матери. Художник придал этому образу невиданное духовное богатство, сделав его воплощением высокого гуманистического идеала человека. Неотразимая привлекательность этого образа определяется именно его идеальной *человечностью*: сердечной нежностью и горячностью, нравственной чистотой, самоотверженностью в защите добра.

И вот в 1512 г. появляется «Мадонна Фолиньо», и словно все в корне меняется. Мария с младенцем изображена в верхней части картины; она восседает на облаках, на фоне огромного оранжевого диска. Внизу, на земле, коленапреклоненный донатор и святые о чем-то смиренно молят мадонну. Что же это: мадонна вернулась на небо? снова перед нами царица небесная? Западная критика почти единодушна в своих выводах: картина иератична; Рафаэль вернулся к собственно религиозному искусству; он подпал под влияние «католической реформы» (предшественницы Контр-реформации) и прокладывает дорогу зарождающемуся искусству барокко². При этом некоторые авторы распространяют эти оценки и на «Сикстинскую мадонну» как на картину, построенную на тех же или близких художественных принципах. Тем большего внимания заслуживает «Мадонна Фолиньо».

Как возникла картина

Прежде всего необходимо учесть обстоятельства ее возникновения. Картина была заказана Рафаэлю личным камергером и близким другом Юлия II, папским секретарем и историком Сиджисмондо Конти, при этом заказана по обету как запрестольный образ для церкви. Обет был связан с событием, которое произошло на родине Конти, в городке Фолиньо, где во время сильной грозы необычная молния ударила

² Это «первый шаг к полному высвобождению иератической группы из полунатуралистических уз» (Orre A. P. Raphael. L., 1970. P. 103). Это «возврат к иконографической традиции «Мадонны во славе со святыми» (De Vecchi P. L. Raffaello: la pittura. Firenze, 1981. P. 94).

в принадлежавший ему дом, но не причинила никакого вреда. Понимая это как чудо и приписывая его покровительству богоматери, Конти обещал подарить ей большой алтарный образ, каковой где-то в конце 1511 г. и заказал, видимо, не без участия самого папы, первому живописцу тогдашней Италии. Нужно ли удивляться, что такой запрестольный образ в сознании заказчика — крупного церковника — должен был рисоваться в иератических и грандиозных формах. И более того, в той мистически окрашенной манере «нового пиетизма», которая все больше входила в моду в годы начинавшейся «католической реформы».

Но пока картина готовилась и писалась, старый Конти умер. Это произошло в феврале 1512 года. Следовательно, Рафаэль работал над картиной в 1511 г., но, видимо, до смерти Конти она еще не была закончена, разве что — вскоре после нее. Об этом свидетельствуют превосходно написанное художником мертвое лицо коленапреклоненного Конти и свежевыкопанная могила на первом плане картины. Готовая картина сначала была помещена в алтаре одной из наиболее почетных римских церквей на Капитолийском холме, затем надолго отправлена в церковь городка Фолиньо, чье имя за нею закрепилось, и наконец водворена в пинакотеку Ватикана.

Следовательно, перед нами запрестольный образ для церкви, да еще — votivный, принесенный в дар по обету мадонне, и при этом — по обету одного из влиятельнейших лиц папской курии. Надо представить себе, что при этих условиях художник имел меньше всего возможностей для реализации своей творческой воли. Если не все, то самое главное, очевидно, было заранее предписано: мадонна непременно на небесах, коленапреклоненный донатор, те, а не иные, предстоящие святые, а весьма возможно, и какие-то другие иконографические моменты. И если художник хотел сказать что-то свое, сверх благодарности донатора за чудо, совершенное для него богоматерью, и сверх смиренной молитвы о загробном спасении (чего, очевидно, требовал сначала сам Конти, а после его смерти — присные, а может быть, и сам папа), он должен был суметь найти средства и способы, чтобы выразить свои мысли в пределах заранее заданного состава персонажей и основных ориентиров чужого сценария.

Таким образом, сюжет картины был предопределен. Но могла ли творческая мысль Рафаэля удовлетвориться воспроизведением такого худосочного сюжета? Ответ может дать только анализ источника — самого произведения.

Перед нами большой алтарный образ. Попытаемся же, раскрывая оболочку внешнего содержания, добраться до ядра идейного замысла художника.

Общее построение

Вертикальное поле картины сверху замыкается полуциркульным сводом. Под ним, не повторяя его очертаний, но гармонически согласуясь с ними, изображен большой оранжевый диск. Он может восприниматься и как солнце, и как луна, а может быть, и не требует таких жестких естественных соответствий. На фоне этого очень привлекательного светового пятна, на облаках, расположена группа сидящей мадонны с младенцем на коленях. Она не восседает как царица; на ней, как и на младенце, нет ни короны, ни нимба. Поза ее свободна, на зрителей она не смотрит, только на младенца, который изображен в каком-то импульсивном движении. Оно, очевидно, и беспокоит мадонну, и между нею и ее маленьким сыном происходит живое, почти бурное, действие. Вокруг этой группы, сверху и с боков яркого диска, из голубого тумана небес проступают многочисленные фигурки путти («ангельских душ»), тоже исполненные бурного, даже тревожного движения.

В нижнем, земном ярусе, на переднем плане расположено пять фигур. Слева во весь рост стоит Иоанн Креститель — взрослый, мускулистый, загорелый, обросший волосами, одетый в овечью шкуру. Он единственный на картине, кто смотрит на зрителей. В левой руке он держит высокий камышевый крест, а энергичным жестом согнутой в локте правой руки, подняв указательный палец, показывает на младенца Иисуса: се агнец божий. Рядом с Иоанном, но ближе к зрителю, в профиль, на коленях стоит св. Франциск в монашеской рясе. Наклонившись вперед и подняв голову, он благоговейно и очень просительно смотрит на мадонну. В его приподнятой левой руке — распятие, правая, чуть согнутая, указывает вниз, на свежевырытую могилу.

Правый нижний угол картины занимает тоже профильная (обращенная влево) и тоже коленапреклоненная фигура Сиджисмондо Конти — в пурпурной кардинальской мантии, с приподнятым к мадонне мертвенным лицом, с молитвенно сложенными руками. За и над ним стоит длиннородый Иероним, излюбленный святой папского секретаря и историка. Голову и взгляд он тоже просительно поднял к мадонне, а левую руку положил на голову дарителя, очевидно, моля

Рафаэль. Мадонна Фолиньо

богоматерь о заступничестве за своего подопечного. Гораздо менее ясен жест правой руки Иеронима: она отведена вправо и вниз, ладонь раскрыта, что обычно выражает признание своего бессилия.

Между этими двумя группами нижнего яруса, в середине переднего плана, почти у самого края могилы, стоит маленький пугго с крылышками, совершенно нагой. Приподняв голову, он тоже настойчиво смотрит на мадонну с младенцем. В руках у него большая планкетка для надписей, на которой, однако, ничего не начертано.

На дальнем плане, в середине картины, виден притулившийся к горам маленький городок под бурной весенней грозой, изливающей потоки дождя. Видны фигуры прохожих. Прочертив в воздухе яркую дугу, какое-то огненное тело нависло над крышей высокого дома. Но одновременно светлое полукружие радуги встало над умытым городком.

Это, конечно же, живописная история того «чуда» с шаровой молнией, которое побудило Конти заказать благодарственный алтарный образ мадонны. И это — один из самых очаровательных пейзажей, какие дало итальянское Возрождение.

Двойственность

Каково же общее впечатление, производимое картиной? Нужно признать, что оно несколько двойственно. Грандиозность, красота целого привлекают. И, вместе с тем, тому, кто привык к простоте и лиричности рафаэлевских мадонн (особенно — флорентийских), к их интимному очарованию, «Мадонна Фолиньо» может показаться излишне величественной, холодной, а может быть, даже иератичной и лишенной глубокого содержания. Такие упреки можно встретить со стороны критиков, высоко ценящих именно гуманистическую направленность искусства Рафаэля, глубокую человечность созданных им образов³.

Напротив, идеалистическая критика, подчеркивая эти моменты и даже приписывая картине качества, каких в ней нет, пытается представить ее как воплощение отрешенного величия божества, полное мистического смысла. Так, Оскар Фишель уверяет, что на этой картине Рафаэля мадонна является «в поистине потустороннем облике»⁴. Но где на кар-

³ См., например: Элиасберг Н. Рафаэль. М., 1961. С. 48.

⁴ Fischel O. Raphael. L., 1948. Vol. 1. P. 133.

тине эта потусторонность, мистичность? Фигуры Марии и младенца-Иисуса отличаются скульптурностью лепки и земной полнокровностью форм. В этом они даже превосходят фигуры предстоящих на земле (разве что — за исключением Иоанна Крестителя). Нельзя не согласиться с Кароём Ликой, когда он, решительно отводя домыслы о «подверженности Рафаэля мистицизму», пишет именно о римских мадоннах художника: «Небесные мадонны Рафаэля состоят из плоти и крови, тела их великолепны и пластичны, они представляют собой редкие шедевры природы-созидательницы, прекрасные и полные жизни»⁵.

Это полностью относится и к мадонне Фолиньо. На ее голове не корона — простой платок. Она не освящает, не требует поклонения. Поза ее свободна. Лицо — широковатое, простое, с выпуклым лбом — дышит умом, достоинством и теплотой сдержанного материнского чувства. Это прекрасная, благородная, но вполне земная женщина. Упитанный младенец на ее колене полон живости и энергического движения. И все-таки нужно признаться, что в этой вознесенности над землей, над природой, над просительно и даже униженно смотрящими снизу людьми, есть что-то холодное, почти религиозное.

Однако присмотримся внимательнее, есть ли в верхней группе оверхнатуральная отрешенность или, в чем нередко упрекают это творение Рафаэля, неконтактность группы мадонны с земным миром? Действительно, на землю, на заискивающих перед нею святых мадонна не смотрит. Они ее совершенно не интересуют. Она неотрывно, очень настойчиво смотрит на младенца. А младенец, оказывается, вовсе не сидит державно на ее коленях, не благословляет, не назидает, как ему полагалось бы по канонам религиозного искусства, да еще на вотивном запрестольном образе такого сюжета. Напротив, энергично согнув правую ножку, он поднялся с колена матери, а левую решительно опустил вниз, ища опоры на облачке. Он явно хочет спуститься на землю. В бурном движении и его корпус, и руки, и голова. Вся фигура младенца построена на смелых контрапостах: он рвется из рук матери. Но Мария крепко удерживает сына руками, поясом, краем своего покрывала. Теперь становится ясно, что она не только упорно смотрит на него, — она его мудро увещевает.

⁵ Лика К. Рафаэль/Пер. с венг. Будалешт, 1962. С. 8.

В этой напряженной сцене нетрудно увидеть парафраз ситуации знаменитой скульптурной группы Микеланджело — так называемой «Брюггской мадонны». Но это не повторение. Хотя бы уже потому, что там мадонна не хотела отпустить младенца, но он уже сошел с ее колен и спускается вниз, и в ее лице мы не найдем ни борьбы, ни увещевания. Оно окаменело в предощущении непоправимого. Напротив, мадонна Рафаэля решительно не намерена отпускать сына, она продолжает бороться.

Давно замечено, что позу этой мадонны Рафаэль заимствовал у Леонардо, с его неоконченной картины «Поклонение волхвов», и это постоянно повторяют на все лады. Г. Вельфлин даже усматривал здесь «дословное повторение»⁶. Но при этом он не замечает, что на картине Рафаэля — не «зизящный поворот малютки-Христа», а бурная попытка вырваться из объятий матери, и что сам образ мадонны дан здесь в иной тональности: он несравненно активнее, полон воли и действия — это мадонна, борющаяся за свое дитя.

Долгое время критика вообще словно не замечала бурного действия, совершающегося в верхней группе, и старалась уверить, что художник просто изобразил царицу небесную, восседающую на небесах вместе с сыном⁷.

Теперь и идеалистическая критика уже не может вовсе игнорировать движения младенца, его порыв спуститься на землю, но по-прежнему упорно игнорирует важнейший момент — сопротивление матери этому порыву сына. Т. Хетцеру казалось, что младенец слезает с колен матери, «чтобы быть ближе к заказчику»; то же повторяет и М. Пучер⁸. Но зачем же тогда Мария не пускает его для этого благого дела? В другом месте та же исследовательница, стремясь дать порыву младенца чисто теологическое истолкование, вслед за В. Валентином, утверждает, что художник тем самым буквально передал религиозную идею нисхождения Христа на жертвенный алтарь⁹. Но тогда тем более: почему

⁶ Вельфлин Г. Классическое искусство. СПб., 1812. С. 22, 97. Аналогичного мнения придерживается и М. Пучер, хотя она же, вслед за О. Фишелем, полагает, что «влияние Леонардо тяготило Рафаэля», и, будто бы, уехав в Рим, он от него избавился (Putschers M. Raphaels Sixtinische Madonna. Tübingen, 1955. S. 216).

⁷ «Младенец стоит рядом с мадонной», — утверждал Э. Мюнц, слово не глядя на картину (Müntz E. Raphaël. P., 1900. P. 223).

⁸ Hétzer Th. Die Sixtinische Madonna. Frankfurt a. M., 1947. S. 45; Putschers M. Op. cit. S. 249.

⁹ См.: Putschers M. Op. cit. S. 82.

мадонна его не пускает? Ведь это значит, что она не хочет допустить этого нисхождения, что она противится божьей воле! Об этом критик молчит. Он обошел главное — смысловое содержание изображенной драматической сцены. Обошел смелый замысел художника, не согласуемый с религиозной догматикой; вопреки фактам искусства, все подогнано под религиозный стереотип.

Смутно ощущая разлад между двумя «этажами» картины, Адольфо Вентури думал, что, соскальзывая с колен матери, младенец своим движением соединяет небесную и земную ее части¹⁰. Так ли? Поскольку мадонна, воплощающая мудрость и человечность, решительно удерживает младенца, эта сцена в действительности не соединяет, а, напротив, обостряет заложенный художником противопоставление верхнего и нижнего регистров картины.

Не следует ли отсюда, что в «Мадонне Фолиньо» Рафаэль противопоставил возвышенно небесное ничтожно земному и что, следовательно, перед нами иератическое произведение, отразившее веяния начинавшейся «католической реформы» — предшественницы Контр-реформации? Нет, не следует. Посмотрите, как красив пейзаж с проходящей грозой на дальнем плане, в середине картины. Горы, маленький уютный городок, поля — все в легкой серебристой дымке. Еще не кончил сеяться дождик, звонкие, светлые потоки воды стекают с крыш, бегут по дороге. Воздух влажен и свеж. Шаровая молния, прочертившая тлеющий полукруг и нависшая над одним из домов, не вызывает ужаса. Надо всем видом упругой и легкой аркой встала мягкая, сдержанных тонов радуга. Такого легко написанного, живого, поистине трепещущего пейзажа еще не знала ренессансная живопись Средней Италии¹¹. Он словно впитал в себя все очарование при-

¹⁰ См.: Venturi A. Raffaello. Milano, 1952. P. 93—96.

¹¹ Это дало критикам повод предположить участие в создании картины кого-то из северо-итальянских художников, например, Доссо Досси. Современная критика все более настойчиво отводит такое недоверие к гению Рафаэля. Так, В. Суида убежден, что этот пейзаж «полностью происходит из стиля Рафаэля», и считает участие постороннего художника в его работе, скорее всего, домыслом. Аналогичную точку зрения высказывают и М. Пучер, и С. Дж. Фридберг, а Дж. Бекк к тому же справедливо напоминает о необходимости учитывать «необычайную широту художественного диапазона Рафаэля и редкую его способность к восприятию и усвоению» (см.: Suida W. Raphael. L., 1948. P. 13; Putschner M. Op. cit. S. 266—267; Freedberg S. J. Painting of High Renaissance. Cambridge (Mass.), 1961; Beck J. Raphael. N.-Y., 1976. P. 134).

роды. Художник, презирающий землю, не мог создать такого пейзажа. Не громкими декларациями, а языком лирического общения с природой, Рафаэль ясно свидетельствует, где полагал он свой идеал.

Но тогда почему же художник явно противопоставил мадонну, ее волю и действие тому, что происходит на земле? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно внимательнее рассмотреть нижнюю сцену.

«Странное поклонение»

«Земля» на переднем плане картины представлена предстоящими (заказчиком с тремя святыми) и путто-ангелочком. Эти пять фигур поставлены так, что линия, соединяющая их головы, образует провисающее вниз полукружие, которое точно соответствует линии полуциркульного свода картины и снизу как бы замыкает тот круг, чье верхнее полукружие образует гирлянда «ангельских душ», окружающих группу мадонны. Оранжевый диск, на фоне которого изображена группа, — не в центре этого большого круга, а в верхней его части (именно это создает ощущение вознесенности, парения верхней группы); но оба круга так удачно соотношены, что возникает ощущение цельности, гармонии.

Однако что же выражают лица предстоящих, их фигуры, их жесты? Смысловое движение, несомненно, начинается слева, от мощной фигуры Иоанна Крестителя. Приподнятой в локте правой рукой он указывает на младенца Иисуса: се агнец божий, то есть жертва, угодная богу. Круто повернув лицо в фас, Предтеча обращается к зрителям, явно призывая их молиться младенцу. Этот призыв органически связан с его жестом указания на «агнца божьего», но с молением Конти это связано весьма отдаленно.

Рядом с Иоанном и ближе к зрителю — св. Франциск. В ситуации картины этого святого вообще довольно трудно связать с благодарственным и молитвенным сюжетом заказчика. Франциск, в серой монашеской рясе, упал на колени, корпус его просительно наклонен вперед, лицо благоговейно и молитвенно запрокинуто вверх. О чем же он молит мадонну? Правая рука святого указывает на приготовленную могилу. Возможно, он просит богородицу благословить последнее земное пристанище донатора. Хотя, наверное, логичнее было бы указать на самого Конти, присутствующего тут же. Тем более, что, согласно религии, спасти нужно вечную душу, кото-

рой нет в могиле, а не брэнное тело. Нет, жест правой руки Франциска не может быть отнесен к «теме» Конти.

Несколько странно и другое: в левой руке Франциск приподнял фигурку распятия, словно старается обратить на нее внимание мадонны и младенца. Поскольку на лице святого — искреннее благоговение и мольба, очевидно, что он этим не хочет ни запугать, ни предостеречь — он просит, просит мадонну отпустить ее сына на землю — для крестной муки. Тогда и ярко высвеченный жест правой руки Франциска — не приобретает ли иного значения? Свой умиленный взгляд святой устремил на младенца-Иисуса. Лицо Франциска освещено, почти прямая световая полоса ведет от его глаза, через шею, плечо, через высвеченный рукав рясы — к ярко освещенной кисти руки с выставленным указательным пальцем, обращенным в могилу. Поза, жест, мольба святого прямо соединяют фигуру младенца на небе с могилой на земле. Не для него ли и заготовлена могила, на которую святой так настойчиво указывает? И — не только рукой. Любопытный штрих: и конец веревки, которой подпоясан монах, тоже протянулся к самой могиле и словно указывает на нее.

Да и самая могила необычна. Кому она предназначена? Конти? Но он умер, не дождавшись окончания картины (о чем говорит и его лицо — лицо покойника). Однако художник не изобразил могильного холма. Правда, из могилы выглядывают какие-то листочки, но холма нет, а есть свежеврытая яма. Нет, это не могила папского камергера, недаром и его имени нет на могильной табличке. Достаточно прозрачные намеки. Нет, не о Конти молит Франциск мадонну.

В середине этого ряда стоящих на земле персонажей, в нижней точке образуемого ими провисающего полукружия лиц — ангелочек с большой планкеткой в руках. Поставлен он почти точно под фигурой младенца и на него смотрит, подняв лицо. Некоторые критики считают, что именно заинтересованный этим крылатым мальчиком (как возможным сотоварищем в детских забавах?) маленький Иисус пытается вырваться из рук матери и спуститься на землю. Может быть. Но почему поле таблички пусто? Если это могила Сиджисмондо Конти, то его имя и должно было быть начертано на памятной доске, ведь о его упокоении и о спасении его души молят богородицу предстоящие. А имени, странным образом, нет! Не без основания некоторые критики уверенно заключают, что эта планкетка не для Конти, — для Христа. Она пока пуста для того, чтобы потом на ней могли начертать INRI (Иисус Назарейский царь Иудейский).

Но тогда выходит, что не сам по себе путто как возможный сотоварищ по играм привлекает младенца, а именно пустая планкетка в его руках, обещающая страшную, но лестную, судьбу жертвы, угодной богу. Ведь и мальчик Иоанн Креститель на целом ряде рафаэлевских мадонн — флорентийских, но и римских («Мадонна Альдобрандини», «Мадонна Альба»), и на рисунках к ним — искушает младенца-Иисуса не только цветами, плодами, птичкой, но и камышевым крестиком и лентой с легендой: «Се агнец божий». И тем более очевидно, что в композиции «Мадонны Фолиньо» распятие, которое св. Франциск настойчиво старается показать мадонне и младенцу, служит той же цели: прельстить младенца-Иисуса судьбой божьего жертвенного агнца и убедить его спуститься на землю для крестной муки. Тогда ясно, что и ангелочек не поиграть зовет младенца, а пытается соблазнить его планкеткой, заготовленной для многозначительной надписи.

В правой группе коленопреклоненный Конти, надо полагать, просит мадонну о собственном потустороннем спасении, но, вместе с тем, он соучаствует в общем хоре, и его молитва оказывается частью общего для всей нижней группы моления о совершении крестной муки Иисуса. Думается, что это подтверждает и фигура св. Иеронима. Положив левую руку на голову Конти, он выступает как проситель за него перед мадонной. Но что означает эта широко отведенная правая рука с раскрытой ладонью? Этот жест собственного бессилия к Конти отношения иметь не может. Видимо, он связан с тем, что выражает фигура и жесты св. Франциска, просящего мадонну отпустить ее сына на землю, принести его в жертву богу. Жест Иеронима, чье лицо со смиренной просьбой обращено к мадонне, словно говорит: «Что делать, у нас нет другого пути к спасению, как через жертвенную муку твоего сына». Такое прочтение тем более обосновано, что рука святого зрительно прямо протянута в сторону ангелочка с пустой погребальной табличкой, которая, как признают многие авторы, предназначена не для Конти, а для Иисуса.

Стоит еще раз присмотреться к этому ангелочку. Его лицо (нижняя часть) образует нижнюю точку того обращенного вниз полукружия (образуемого головами предстоящих), которое, смыкаясь с верхним полукружием картины, образует как бы замкнутое, цельное, гармоническое кольцо вокруг мадонны и младенца. Именно в нижней точке провисания этого полукольца стоит ангелочек. С его лица взгляд зрителя

естественно соскальзывает на зловещую планкетку, а с нее — на его корпус, на выдвинутую вперед и высвеченную художником правую ножку, которая поставлена у самого края могилы и словно указывает на нее. Таким образом, ангелочек с пустой табличкой и замыкает круг снизу, и он же словно прорывает этот круг, короткой вертикалью своей фигурки выводя к зеву могилы. Гармония переходит в трагедию.

О чем говорит композиция

Этот смысл художник выразил не только через крылатого мальчика. На этом противоречии, осмелимся утверждать, построена вся композиция. Присмотримся, ее главной опорной конструкцией служит все тот же треугольник, только очень высокий и потому очень остроугольный. Его вершина — голова мадонны; левая сторона проходит по левому контуру головы и корпуса Марии, затем — переходит на линию поднятой кисти указующей руки Крестителя, по нисходящей линии плеча св. Франциска, спины, упирающейся в левый угол картины. Правая сторона, соответственно, начинается с правого края головы, точнее — наклоненного лба Марии, далее — по четкой прямой линии выброшенной вниз левой ножки младенца и затем переходит на линию построения коленопреклоненной фигуры Конти, четко прочерченной (у прореза рукава и ниже) линией складок его пурпурной мантии, упирающейся в правый угол картины. Главный цементирующий элемент этого высокого треугольника — в его вершине: это группа мадонны. С этим треугольником органически сопряжены и оранжевый диск за спиной мадонны и тот большой круг, окаймляющий верхнюю группу, о котором шла речь выше.

Но это не все. В картине достаточно определенно намечены и линии, если угодно, обратного треугольника. Левая наклонная четко обозначена высокой палкой камышевого креста в левой руке Иоанна. Ее нижний конец направлен (можно сказать, указывает) на могилу; кончик монашеского вервья св. Франциска, изогнувшись в том же направлении, подкрепляет направление нижнего конца камышевого креста Предтечи. Справа аналогичная наклонная намечена осями приподнятых голов Иеронима и Конти и четко выявлена косяк линией левого края пурпурной мантии кардинала. Если эта, правая, наклонная линия может быть понята как выражение уже свершившейся судьбы папского секретаря, то левая к ней не имеет отношения. Она органически связана с

указующим жестом правой руки Крестителя: се агнец божий, — и, собственно, показывает, что из этого должно последовать. Тем более, что линии вертикали креста параллельна линия высвеченной правой руки Франциска и его кисти, указывающей на могилу.

Так или иначе, обе косые линии, проступающие слева и справа в нижней группе, сходятся в могиле. Они должны пересечься, но только в ее глубине. Они образуют нижний треугольник, противоположный главному композиционному треугольнику картины, а в сочетании с ним — как бы ромб, поставленный на свою нижнюю вершину, хотя она и не завершена. Так нижний треугольник противолежит верхнему и спорит с ним. Противу прекрасной верхней группы мадонны и младенца внизу свой зев разверзла могила. Страшное противопоставление. Но ничего другого земля не общает.

Отвержение жертвенности

Как же к этой ситуации, ко всей нижней группе относится мадонна? На предстоящих она не бросает ни взгляда. Но едва ли мадонна просто «неконтактна» и их не замечает. Обратим внимание, как опущена правая нога Марии, как неуважительно выставлена из-под туники ее босая правая стопа — против зловеще указующего жеста Иоанна и прямо против просительно приподнятого лица св. Франциска. Мало того, против них же выдвинуто энергически согнутое левое колено мадонны, высвеченное художником. И указующий перст Крестителя, и умильный взгляд Франциска словно упираются в эту преграду.

Но главное — что происходит в верхней группе. Как было отмечено выше, сравнительно недавно критики стали замечать, что младенец, видимо, хочет спуститься на землю (ведь это еще согласуется с религиозной ортодоксией). Но о том, что мадонна не желает пустить сына на этот гибельный путь, что, энергично согнув левое колено и обхватив малыша поясом, она без аффектации, но крепко удерживает его и не внимает униженному и настойчивому просительству предстоящих святых — обо всем этом критика молчит. И — неосудительно: такая позиция богоматери идет вразрез с вероучением, в центре которого поставлена искупительная жертва Христа как высшее выражение божественной милости и единственное средство спасения человеческого рода.

Но такова позиция создателя картины. В вершине главного композиционного треугольника картины он поместил ма-

Мадонна Фолиньо. Деталь

донну. Это эстетический центр картины и, вместе с тем, — средоточие возвышенно человеческого нравственного начала. И эта мадонна отвергает соблазны богоугодной жертвенности. Совершенно игнорируя рабепные мольбы святых и их искушения, с лицом, полным печали, она мягко, но решительно удерживает младенца от рокового шага на землю. Она знает, что там творится и что там его ждет, — и не пускает.

Рафаэль не оставил сомнения, кого он считает правым в этом споре: малое дитя, легко поддающееся искусу (ведь это же молчаливо признают и те критики, которые объясняют порыв младенца интересом к такому же мальчику на земле), или же мудрую мать. И уже менее всего — тех благоговейных смиренников, которые ради спасения

своих душ требуют от матери невыносимой жертвы.

Внутреннюю борьбу, наполняющую верхнюю группу, художник подкрепил сильным аккордом. Дугу райских ангелочков, окружающую верхнюю группу, обычно лишь бегло отмечают как декоративный или даже сакральный элемент, подчеркивающий божественность мадонны. Новейшему критику Дж. Бекку они представляются «восхитительными» — и только¹². Но присмотримся. Здесь мы не встретим ни одного ликующего, радостного лица; очень мало — любопытных. Зато многие, особенно слева и справа от мадонны, пол-

¹² Beck J. Op. cit. P. 154.

ны тревоги, волнения, страха. В глазах у многих — испуг, недоуменный вопрос: что он (младенец) делает? Неужели мадонна позволит ему спуститься на землю? Не делай этого! — У некоторых это очень ярко выражено и в жестах: кто тревожно прижимается к приятелю, кто, молитвенно сложив руки, просит мадонну, кто отпрянул, а кто, в ужасе, бросился в сторону, чтобы не видеть того, что может произойти. Так художник со всею силой выразил остроту драматического конфликта, пронизывающего картину. И — свою позицию в этом конфликте.

Но тогда естественно возникает вопрос: значит, идеал художника — в небесах, а земля этого идеала недостойна и даже для него губительна? В таком случае он спиритуалист, и картина его поистине религиозна? Не станем торопиться с выводами. Прежде всего припомним, что земля на этой картине Рафаэля представлена необычайно красивой, радостной — даже в грозу. Далее — и это особенно важно — еще раз обратим внимание, что группа мадонны и младенца, хоть и помещена на небесах, чужда какой бы то ни было сверхчувственности или отрешенности. Она прекрасна полнотой земных жизненных сил и человеческой красоты форм. Более того, именно в этой группе, и в первую очередь в мадонне, мы ощущаем богатство высоко человеческих чувств и помышлений — благородную теплоту материнской любви; мудрость матери, сдерживающей и направляющей свое дитя; редкую в женщине, но глубоко гармонирующую со всем ее обликом, твердость воли. В сущности — она гораздо более человек, нежели представленные на земле донатор и святые. Как правильно, подметил С. Дж. Фридберг, эти последние изображены несколько астеничными, робкими, их образы отличаются сухостью рисунка и традиционностью трактовки¹³. В самом деле, они выглядят бледно, в них (разве что — кроме Иоанна Крестителя) есть нечто жалкое, униженно-просительное, действительно религиозное, — особенно сильно это выражено в св. Франциске.

Напротив, образы мадонны и младенца отличаются полнокровием форм, земной красотой, физическим и духовным богатством. Мадонна — самый мудрый и человечный персонаж, из всех, изображенных на картине. И если вдуматься, — в чем главное проявление ее высокой человечности? Несомненно, в ее горячей материнской любви, в ее борьбе за свое

¹³ См.: Freedberg S. J. Op. cit. P. 132.

дита, в ее решительном отвержении мистической жертвенности.

Кто же противостоит мадонне на земле? Униженные просители милости, в своей духовной коленопреклоненности утратившие высокое достоинство человека. Пожалуй, только уверенная, мощная фигура Иоанна Крестителя выпадает из этого жалкого ряда. Но ведь именно он указывает на маленького сына Марии и обрекает его на роль жертвенного животного. С него все начинается. Недаром художник поместил голову св. Франциска вплотную под локтем руки Иоанна, указующей на маленького Иисуса, и вся линия от темени монаха, вдоль его руки, указывающей на могилу, оказывается как бы продолжением воздетого вверх предплечья Крестителя. Вверху — перст, указующий на младенца, внизу — указующий на могилу. Вот чего все они хотят. Им нужна жертва. Свое спасение они видят в мучительной гибели ее сына. И на это не жалеют поклонов, молеб и обетов. Они уже заготовили могилу, и пустую табличку для почетной и иронической надписи. Эти-то люди и представляют землю на картине Рафаэля. Именно эту, бесчеловечную, «землю» и не приемлет мадонна. Она не смотрит на этих людей, но она их видит насквозь. За их смиренными молениями и коленопреклоненной покорностью скрываются злая воля и бесчеловечная жестокость. Их манящие символы и громкие титулы таят в себе муку и гибель для ее ребенка. На та кой, на их земле самому благородному порыву, самой высокой справедливости заранее уготована могила, пусть с самой громкой надписью.

Да, такую землю отвергает мадонна Фолиньо. Но не потому, что она «божественно надмирна» и чужда всего человеческого. Наоборот, именно потому, что в ней художник воплотил конденсат истинно человеческого начала.

Значит, не зное, не мир, не человек отвергаются этой мадонной — этой картиной Рафаэля. Отвергается та мутная волна «нового пиетизма» — нового аскетизма и фанатизма, которая именно в эту пору начала подниматься в Италии, в связи с началом «католической реформы».

В сущности — это неприятие наличной социальной реальности. «Новое», экзальтированное благочестие, связанное с начавшейся «католической реформой», ярко представлено на картине. Но оно не привлекает, а отталкивает. Его демонстративно не приемлет мадонна. А этот образ, полный очарования, вызывающий живое сочувствие зрителя, — есть подлинный фокус симпатий и помыслов художника.

В этой картине отразилось чуткое осознание Рафаэлем

приближения кризиса высоких гуманистических идеалов, — темные силы переходившего в наступление католицизма уже готовили могилу прекрасным упованиям жизнеутверждающего гуманизма. И художник высказал то, что он думал об этих силах.

Перед нами очень непростое, исполненное глубокой мысли произведение. И — очень привлекательное. И все-таки... С первого же взгляда картина не может не поразить неожиданностью своего двухъярусного построения, той вознесенностью мадонны с младенцем, которая так непривычна для всякого, кто сколько-то знаком с многочисленными «мадоннами» Рафаэля — прекрасными своей тесной связью, порою — прямо-таки органической слитностью с землей, с природой. А тут мадонна — на небесах!.. Тому, кто впервые увидел эту картину, не диво даже и усомниться: да подлинно ли это работа Санцио? И — вот уж, видимо, поистине иератическое произведение. Что это внутреннее несоответствие, дающее возможность ложного истолкования картины, сознавал и сам мастер, что он пытался сколь возможно этот момент нейтрализовать, должно быть ясно из того, что сказано выше. И все же, видимо, неудовлетворенность у него осталась. Не потому ли в следующей своей картине, в знаменитой «Сикстине» (это тоже был запрестольный образ), Рафаэль, снова представив мадонну на небесах, земли уже не стал изображать, а заменил ее условной узкой горизонтальной планкой у нижнего края картины?

Два Иоанна Крестителя

Но в «Мадонне Фолиньо» есть еще один момент, который не может не поцарапать глаза поклоннику искусства Санцио. Это Иоанн Креститель. Высокий (выше всех, изображенных на земле), статный, можно сказать — атлетически сложенный, с красивой, хотя и кудлатой, головой, — он выпадает из ряда его сотоварищей на картине. В отличие от них он не склоняется молитвенно, не просит униженно. Он представлен как пустынный, обросший волосами, загорелый, даже красивый, но не изможденный. В нем чувствуется какая-то сила, тогда как в других предстоящих — слабость.

И главное — жест. В энергичном, истовом движении подним согнутую в локте мускулистую правую руку, воздетым указательным пальцем Иоанн показывает на младенца: се младенец божий. Лицо его круто развернуто в фас — он показывает верующим, кому следует молиться.

Такой Иоанн Креститель необычен в творчестве Рафаэля. В скольких своих трехфигурных композициях «мадонн» (в композициях и флорентийских и римских), идя вслед за Леонардо и Микеланджело, Рафаэль изображал Крестителя мальчиком, искусителем, старающимся то цветами, то плодами, то птичкой или жертвенным барашком, то своим камышевым крестиком или лентой с жутко-влекущей легендой: «се агнец божий» увлечь доверчивого младенца Иисуса в свои игры, к пустынножительскому подвигу, на Голгофу. Правда, смысловая функция Иоанна Крестителя и на этой картине та же: в сущности с его указующего жеста начинается все действие, развертывающееся на картине и в конце концов ведущее к страшному зеву разверстой могилы.

Но и самая фигура Крестителя, и истовость его жеста явно выпадают из художественной логики длинного ряда великолепных трехфигурных мадонн Рафаэля. Пожалуй, только в одной его «мадонне» можно встретить подобного (хотя не идентичного) Иоанна — в «Мадонне Ансиден». Но ведь эта картина была создана в самые первые годы XVI в. едва двадцатилетним художником и, главное, — по заказу не просвещенных флорентийцев, а провинциальных урбинских патрициев, склонных к старине и нерушимой набожности. Впрочем, и «Мадонна Фолиньо» писалась почти по папскому заказу и даже не просто как запрестольный, а еще и вотивный образ и иератичность была заложена в самом заказе; не исключено, что и жест Иоанна Крестителя был предуказан...

Так или иначе, и почти ортодоксальный образ и, особенно, истовый жест Иоанна Крестителя не вписываются в общую художественную логику картины. Чем больше всматриваешься в этот жест, тем острее ощущается его сходство с чем-то очень похожим. Так ведь это жест леонардовского «Иоанна Крестителя!» Заимствование? Но знаменитая картина Леонардо, по всему судя, появилась на несколько лет позже «Мадонны Фолиньо» Рафаэля. Когда именно — никто не знает. Обычно пишут предположительно: между 1509 и 1515 годами. Считают, что картина была заказана Винчианцу французским королем, вероятнее всего в 1511—1512 годах. Леонардо ничего не любил делать поспешно, каждый художественный замысел он вынашивал годами. Не исключено, что он успел выполнить заказ Людовика XII только после его смерти, происшедшей в 1515 году.

А в 1513 г. Леонардо, как хорошо известно, был в Риме, где, почти лишенный в эту пору сколько-то надежных средств к жизни, предлагал свои услуги художника папе Льву X, по-

как вскоре выяснилось, оказался неугоден властительному Джованни Медичи. Однако несколько месяцев он провел в Риме и, естественно, не мог не видеть новейшей работы Рафаэля, установленной в церкви Санта Мариа ин Арачели, на Капитолийском холме. Надо думать, он понял замысел создателя этой картины. Косвенные данные (время общего пребывания двух художников во Флоренции в середине первого десятилетия XVI в.) убеждают, что Леонардо уважал молодого урбинца и ценил его творчество, а Рафаэль получил от маститого волшебника живописи немало бесценных уроков мысли и искусства. Поэтому трудно представить, чтобы Леонардо не покорило двухъярусное построение картины, с мадонной, вознесенной на небеса, и, тем более, чтобы у него не вызвало чувства протеста истовое изображение Иоанна Крестителя, этого главного апостола повозветного аскетизма. Не из этого ли неприятия родилось художественное решение образа Иоанна на заказанной Винчианцу картине? Причем и жест и поворот головы почти точно повторяют того Иоанна, каким мы его видим на картине Рафаэля, но выражение лица совершенно иное и, можно сказать, прямо противоположно смысловое содержание образа. Почти истовое благочестие превратилось в беспримерное обличение, обнажающее внутреннюю фальшь религии и церкви. Эти два образа кажутся близнецами. Только у Рафаэля — почти апофеоз, а у Леонардо — глубокая, непримиримая сатира.

Все сказанное — только гипотеза. Но она напрашивается сама собой при сопоставлении двух произведений. Не следует упускать из виду, что в то время художники в своем творчестве были взаимно связаны несравненно теснее, чем это представляется обычно.

В противоборстве с католической реакцией

Нужно ли, после сказанного, вступать в долгую полемику с теми, кто (особенно в наше время) пытается утверждать, что Рафаэль своим творчеством этого периода будто бы прокладывал дорогу Контр-реформации в итальянском искусстве, что он был чуть ли не приспешником католической реакции? Поверхностный подход не просто лишен глубины, — он ставит все с ног на голову.

Вяние начинавшейся католической реакции проявилось усилением иератических тенденций в искусстве. Гуманистическая линия максимального очеловечения божества, напол-

нения «священных» сюжетов и персонажей земным, человеческим содержанием начинает вытесняться противоположной тенденцией: небесное все резче отделяется и отдалается от земного, изображать его стремятся как особое, сверхнатуральное, чуждое человеческих страстей и помыслов и исполненное неземного блаженства.

Это ли видим мы на картине Рафаэля? Внешне — как будто нечто подобное, а по существу? Главных божественных персонажей художник лишил важнейших черт сакральности: в них нет ни царственности, ни назидательности, у них нет даже нимбов. Более того, они привлекают не какой-то потусторонностью (ее нет и в помине), а, напротив, полнотой телесных форм, жизненных сил и естественных чувств. Именно образы мадонны и младенца художник насытил высшей человечностью — она-то в них больше всего и привлекает. Привлекает сосредоточенность ее материнской любви, глубина ее материнской же мудрости, человеческой тревоги.

Земля не обесцвечена, не унижена. Такого живого, маящего, полного трепещущего света пейзажа Рафаэль, пожалуй, никогда ранее еще не создавал. Радуга, поднимающаяся над этим маленьким клочком земли, своей гордой и светлой аркой вторит циркульному своду картины, очертаниям яркого диска за спиной мадонны. Тут не противопоставление, а согласованность.

Иное дело люди, изображенные на переднем плане. Это заказчик и святые, предуказанные его покровители. Их благочестие, молитвенность также предопределены их функцией на вотивном алтарном образе. Но художник изобразил их таким образом, что именно это благочестие и молитвенность накладывают на всех их (разве что — кроме Иоанна Крестителя) печать приниженности, жалкости. С мадонной они совершенно не сопоставимы. Более того, действия всех их без исключения, их благочестие и смиренное просительство в конце концов завершаются страшной могилой, уготованной сыну мадонны, которой они молятся. Испытанием богоугодной жертвенности они вызвали в малом ребенке желание спуститься на гибельную для него землю. Это в их действиях — причина всех терзаний мадонны. Таких людей она не приемлет, на такую землю она своего младенца не пустит.

Нет, не о мнимом тяготении Рафаэля к Контр-реформации свидетельствует «Мадонна Фолиньо», а, напротив, о решительном неприятии художником поднимавшейся церковной реакции.

Чтобы яснее понять смысл того контраста, которым про-

низана картина, сопоставим ее с другим двухъярусным алтарным образом, который был создан еще юным Рафаэлем (около 1503 г.), видимо, при участии Перуджино, — «Коронавание Марии» (Ватикан, Пинакотека). Верхний ярус, где Христос коронует Марию, а ангелы музицируют, занимает $\frac{1}{3}$ высоты картины, его фигуры писаны реалистически, естественно, хотя и без большой выразительности. Гораздо ярче фигуры нижнего регистра — апостолы, собравшиеся вокруг опустевшего саркофага мадонны. Какая мощь и красота фигур (они почти вдвое крупнее небесных), какое благородное достоинство, какая возвышенная человечность! В картине торжествует гуманистическое начало, но полнее, прекраснее всего оно выражено не на небе, а на земле, в людях.

За 9—10 лет — как все переменялось! Нет, гуманистический идеал прекрасного, доброго, мудрого, человека не погас в сознании художника. Только теперь мы его находим в пленительном образе мадонны, помещенном на небе. Люди, на земле, на первом плане, чуть выше нее ростом, но — никакой возвышенности в чувствах и помыслах. Они ничтожны в своем благоговении, коварны в своих молениях. Они способны уничтожить все самое возвышенное, чему, казалось бы, сами молятся. Эти люди не заслуживают той невероятной жертвы, какой они требуют. Земля по-прежнему прекрасна. Но люди, порядки...

Несомненно, «Мадонна Фолиньо» свидетельствует, что Рафаэль уже остро почувствовал, как стала меняться историческая обстановка, как начинает угасать прекрасный гуманистический идеал. И он ясно связывал это угасание с активацией темных сил католической реакции. Это они готовят могилу лучшим человеческим чаяниям, взлелеянным гуманизмом. На земле фактически не остается места для высоких человеческих помыслов. И художник, оставшийся верен гуманистическим идеалам, поднял их высоко над землей — в образе мадонны. В результате, хотя внешне в этой двухъярусной картине небесное вознесено над земным, по самой сути ее содержания возвышенно человеческое торжествует над церковным — жертвенным, аскетическим, молитвенным.

Гуманистический образ мадонны доминирует в картине не только потому, что она — наверху. Художник соединил верхнюю группу с нижней не одними композиционными связями, о которых говорилось выше, но и колористически. Красная туника Марии, в вершине композиционной пирамиды, находит отклик в красной мантии Контри в правом нижнем углу; ее синий плащ — в серо-синеватой рясе св. Франциска в ле-

вом нижнем углу. Светлому оранжевому диску за спиной мадонны сдержанно отвечает желтый песок той небольшой площадки внизу, в середине переднего плана, на которой стоит нагой, песочно-золотистого оттенка крылатый мальчик с планкеткой. А уютный, ласковый пейзаж у дальних гор, весь затянутый влажно-серебристой дымкой дождя, почти сливается с такой же тональностью облаков, переходящей, чем выше, в более глубоко синий тон неба. И тогда становится ясным то, что очень наблюдательно отметила Мари Питталуга: не только на пейзаже, на всех фигурах стоящих на земле людей лежит легкий отсвет этой серо-серебристой синевы, придающий картине какое-то особое очарование. Значит, создав картину в двух регистрах, художник, вместе с тем, стремился придать ей определенную цельность. Его замысел был гораздо сложнее, чем противопоставление неба — земле.

Несомненно, «Мадонна Фолиньо» — акт сопротивления Рафаэля поднимающейся католической реакции. И в то же время — отражение противоречивости всей духовной атмосферы эпохи.

Т. В. Мосолкина

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАННИХ ФОРМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В СУКНОДЕЛИИ БРИСТОЛЯ В XIV—XV ВЕКАХ

На печати и гербе Бристоля изображен океанский корабль. И это не случайно, ибо Бристоль более всех английских городов обязан своим возвышением и богатством морской торговле, которая к XV в. выдвинула его на второе место после Лондона.

Первые свидетельства о том, что Бристоль превращается в центр ремесла и торговли, восходят к X веку. Монеты, изготовленные в городе, дают основание предполагать наличие в нем королевского монетного двора¹. В XI в. бристольские купцы получали значительные доходы от продажи рабов в Ирландии, а после завоевания ее в XII в. еще более упрочили свое положение в этой стране. С XII в. устанавливаются

¹ Bristol and its adjoining countries. Bristol, 1955. P. 180.

ся постоянные торговые связи с Гасконью (причем, для перевозки товаров используются английские корабли), а к 1350 г. Бристоль становится главным портом Англии в торговле с ней. Кроме того, очень рано возникают выгодные отношения с Кастилией и Португалией.

Географическое положение Бристоля направило предприимчивость его моряков в Атлантический океан, и это имело большое значение для упрочения благосостояния бристольских предпринимателей. Торговля города почти не страдала из-за войн и политического соперничества с сопутствующими эмбарго, как это случалось в связях с традиционными английскими партнерами — Балтикой, Фландрией и странами Средиземноморья. Кроме того, рыночные связи Англии с этими районами долгое время находились в руках иностранцев, тогда как бристольская торговля осуществлялась отечественными купцами.

В связи с тем, что с начала XIV в. для Бристоля более важным экспортным товаром было сукно, а не сырая шерсть, увеличение налогообложения на вывоз шерсти не влияло на успехи его торговцев². Их сукно успешно конкурировало с иностранным на рынках Европы, что привело к быстрому росту богатства бристольского купечества.

Но процветание города опиралось не только на торговлю: он быстро становится и крупным центром ремесленного производства, подчинившим себе значительный район — от крайнего запада Англии до бухты реки Северн и от Уилтшира до Южного Уэльса. После того как в конце XII в. были изобретены сукновальные машины, приводившиеся в действие водой, весь этот край занялся производством сукна, которое Бристоль экспортировал на континент.

Известно, что Англия издавна являлась поставщиком шерсти для суконной промышленности Нидерландов, но с середины XIV в. она начинает экспортировать сукно, а к началу 30-х гг. XV в. его вывоз уже преобладает над вывозом шерсти³. Производство сукна росло настолько стремительно, что едва ли было возможно при старой цеховой организации.

² В правление Эдуарда III происходили неоднократные повышения пошлины на шерсть, а в 1341 г. экспорт шерсти был даже запрещен, чтобы король смог собрать субсидию, которую предоставил ему парламент. См.: Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979. С. 125—130.

³ Bridbury A. R. Economic Growth England in the Later Middle Ages. L., 1975. P. 33.

Очевидно, именно в это время зарождались раздача сырья и скупка готовых изделий, простая кооперация и в ряде случаев мануфактура.

Среди крупных английских городов, экспортировавших сукно, Бристоль к середине XIV в. выходит на первое место. В 1355—1360 гг. его доля в ежегодном экспорте английского сукна составляла 30% (в среднем — 2550 кусков), а в 1365—1370 гг. выросла до 40% (в среднем — 5151 кусок в год)⁴. Еще до всеобщего подъема сукноделия в Англии во второй половине XIV в. ткачи Бристоля изготавливали сукно на экспорт, а значит, производили его больше, чем мог поглотить местный рынок. Таможенные отчеты за 1303—1310 гг. показывают, что из города вывозилось некрашенное сукно в основном в Бретань и Гасконь⁵.

Таким образом, при рассмотрении развития сукноделия в Англии в XIV—XV вв. Бристоль заслуживает пристального внимания. Однако нельзя сказать, чтобы исследователи, как зарубежные, так и советские, проявили значительный интерес к этому вопросу. Английские историки сосредоточились почти исключительно на конституционных и правовых аспектах городского развития, что привело В. Хоскинза к неутешительному выводу: «Результат тот, что мы знаем неожиданно мало об экономике, социальной структуре и физическом росте английских городов раньше конца XVIII в.»⁶. Это в полной мере относится и к Бристолю. Правда, поскольку он являлся крупнейшим портом Англии, то его внешняя торговля все же стала объектом внимания. В самом начале XX в. Джон Латимер занимался историей бристольской Компании купцов-авантюристов⁷. В 30-е гг. начали появляться статьи Элеоноры Кэрус-Уилсон о внешней торговле города⁸. Что же касается его промышленного развития — об этом нет ни одной работы. То же можно сказать и о советской историографии, хотя фактический материал настоль-

⁴ Carus-Wilson E. M. The overseas trade of Bristol in the Later Middle Ages. Bristol, 1937. P. 293—294.

⁵ The Staple Court Books of Bristol/Ed. by E. E. Rich. Bristol, 1934. Introduction. P. 69.

⁶ Hoskins W. G. Provincial England. L., 1963. P. 68.

⁷ Latimer J. The History of the Society of Merchant Venturers of the City of Bristol. Bristol, 1903.

⁸ Carus-Wilson E. M. The Merchant Adventurers of Bristol in the Fifteenth Century//Transactions of the Royal Historical Society, 4th Series. L., 1928. V. 9; Idem. The Overseas Trade of Bristol//Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N.-Y., 1933.

ко богат, что исследователи так или иначе обращаются к нему⁹.

Какими же источниками, позволяющими обрисовать развитие экономики Бристоля, мы располагаем? Традиционным является обращение к протоколам заседаний городского Совета, но в Британе они отсутствуют. Имеются записи его решений и распоряжений по различным вопросам, собранные в двух Красных книгах: Малой (с 1344 до 1574 гг.) и Большой, начатой в 1449 г. и ставшей продолжением первой. Материалы, которые позволяют проследить изменения в ремесле города, в том числе и в суконной промышленности, в основном собраны в Малой Красной Книге¹⁰, анализу которой и будет уделено основное внимание.

В данной статье предпринимается попытка проследить, как было организовано производство сукна в городе, менялось ли что-то в социальном и экономическом облике тех гильдий, которые были связаны с этим ремеслом.

Сукноделие очень рано становится важной отраслью хозяйства Бристоля. Уже в 1217 г. Генрих III передал бристольским купцам в счет долга 100 мешков ирландской шерсти (на 2 тыс. марок)¹¹. В начале XIV в. сотканное в Британе, но некрашенное сукно являлось более важной статьей экспорта, чем овчины или шерсть. За 6 лет с 1303 по 1309 гг. из города было вывезено иностранцами 242,5 куска сукна, а шерсти только 9,5 мешков¹². Для сравнения можно сказать, что Ньюкасл до 1357 г. вообще не экспортировал сукно, Ярмут даже в 1353/54 годах — лишь 19 кусков, Гуль — 163,

⁹ См.: Кириллова А. А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в.//Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV—XVII вв. М., 1969; ее же. Организация внецехового ремесла в английских городах XVI в.//Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975; Рейна Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979; Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI века). Саратов, 1983.

¹⁰ The Little Red Book of Bristol/Ed. by F. B. Bickley: In 2 v. Bristol, 1900. Далее отсылки на это издание будут идти вслед за цитируемым текстом; римская цифра — номер тома, арабская — страницы.

¹¹ Осипова Т. С. Ирландский город и экспансия Англии XII—XV вв. М., 1973. С. 141.

¹² The Staple Court Books of Bristol. P. 69, 73. Таможенные отчеты за 1303—1309 гг. показывали доходы от Новой пошлины, которую Эдуард III установил для иностранных торговцев.

Бостон — 273, Лондон — 454, Саутгемптон — 785. Бристоль в этом году отправил за границу уже 1511 кусков¹³.

В первой половине XIV в. в Бристоле можно проследить возникновение новых форм организации суконного производства. Как известно, первой зачаточной формой капиталистического производства была раздача сырья и скупка готовых изделий (в сукноделии — полуфабрикатов). Скупщик способствовал разорению не только зависимых от него ремесленников, но и мелких самостоятельных производителей, которые не могли конкурировать с ним на рынке. Поэтому борьба между ними нашла отражение в различных цеховых ограничениях и запретах, при помощи которых бристольские гильдии ткачей, сукновалов, красильщиков и других пытались бороться с наступлением скупщиков. Это можно проследить на протяжении многих десятилетий. В 1355 г. гильдия ткачей запрещает «получать шерстяную пряжу от кого-либо, кроме своих мужей и жен» (II, 5), показывая тем самым, что ремесленники до этого постановления получали от посторонних лиц (а не покупали!) сырье для работы. После 1360 г. это решение конкретизируется: два человека, избравшиеся гильдией, должны были «следить за изготовлением законного (доброкачественного — *T. M.*) сукна без получения от кого-либо или передачи пряжи или шерсти кому-нибудь кроме бюргеров (*burgeis*) или их жен» (II, 41). Таким образом, вопреки запрету кто-то по-прежнему продолжает раздавать пряжу для работы. Кроме того, можно сделать вывод, что недоброкачественное сукно (из обрывков и очесов) изготавливалось не членами гильдии ткачей, так как речь идет о запрещении отдавать кому-либо или получать от кого-либо шерсть, кроме полноправных горожан. В этом же постановлении отразилась и непоследовательность политики гильдии — предполагается, что бюргерам и их женам разрешено получать или передавать пряжу. Прошло более ста лет, и ткачи Бристоля по-прежнему жалуются, что некие люди, пришедшие в город, «получают шерсть или шерстяную пряжу тайком (*stolen*) от ткачей и других изготовителей сукна названного города» (II, 123). Из этого можно понять, что скупка и раздача в XIV в. не были случайными явлениями, а все более прочно укоренились в сукноделии Бристоля.

¹³ Gray H. L. The Production and Exportation of English Woolens in the Fourteenth Century//English Historical Review, 1924. Vol. 39. N 153. P. 34.

Наиболее выгодно было организовывать раздачу в сельской местности, где отсутствовал контроль со стороны гильдии. Поэтому ткачи, сукновалы, красильщики стремятся запретить предпринимателям использовать сельских ремесленников. В упоминавшемся выше постановлении 1360 г. гильдия ткачей запрещает использовать ремесленников, если они не являются бюргерами. Можно предположить, что наряду с прочими имелись в виду и сельские ремесленники. Более того, еще раньше в 1346 г. другая гильдия — сукновалов постановила: «никакой сукновал названного города не будет принимать сукно, которое было свалено в округе для отпаривания (*rekker*), ворсования (*pleter*) или устранения дефектов (*namender*)» (II, 14). Речь идет именно об улучшении, так сказать «исправлении», а не об отделке сукна, ибо в другом постановлении по этому же поводу сукновалы подробно обосновывают свое требование тем, что сваленные в округе сукна «без значительных исправлений не могут быть выставлены для продажи из-за недостатков, которые они имеют» (II, 79). Что означает запрет устранять дефекты тканей, сваленных вне города? Если деревенский ремесленник был самостоятельным в процессе производства, то он вряд ли мог послать сукно на исправление в город. Логичнее предположить, что деревенский ткач или сукновал получил сырье от городского предпринимателя, который потом имел возможность отдать ткань на «исправление» городскому ремесленнику. Видимо, и городские ремесленники, которые брались «улучшать» ткани, произведенные в деревне, зависели от того же раздачика. Иначе трудно объяснить, зачем самостоятельный ремесленник будет переделывать чужую работу. Кроме того, постановление запрещает посылать сукно в деревню для валяния. Этот запрет станет более понятным, если учесть, что там валяли сукно не вручную, а на мельницах, с которыми отдельный ремесленник конкурировать не мог. Поэтому городской Совет в 1346 г. постановил, что нельзя посылать сукно на мельницу, а потом получать его обратно для отделки (II, 13). В 1381 г. появляется новое предписание, по которому «ни один человек не заставит брать вне этого города какой-либо сорт сукна, чтобы валять» (II, 7). Как видим, и через 40 лет предприниматели предпочитают иметь дело с деревенскими ремесленниками. Причем такими, которых они уже могут заставить взять сукно в работу, то есть зависимыми от них. В том же году подобное постановление принимают красильщики (II, 7).

О существовании раздачи сырья говорит тот факт, что

плату ремесленник получает за работу, а не за продукт. В 1406 г. сукновалы постановили, что допустившие брак в работе должны заплатить за это столько, сколько они получили «за свою работу.., и, кроме того, возместить ущерб и дать компенсацию собственнику названных сукон» (II, 77). Итак, речь прямо идет о заработной плате как о чем-то уже привычном.

Остановить наступление суконщиков на мелкое самостоятельное производство было очень трудно. Гильдиям не всегда удавалось отстоять свои интересы. В 1355 г. городской Совет постановил, что «никакая шерстяная пряжа не будет посылаться из города ткачам без того, чтобы сначала олдермен не осмотрел основу, каковая должна быть такой ширины, как вышесказано» (II, 5). Таким образом, в том же самом году, когда гильдия ткачей запрещает заниматься в городе ткачеством тем людям, которые не являются бюргерами, предприниматели получили возможность использовать сельских ремесленников. Совершенно ясно, что запрет носит полужурманальный характер: свидетельство олдермена развязывает руки суконщикам. Можно предположить, что среди членов Совета были кушцы и предприниматели, которые сами выступали в роли скупщиков и раздатчиков. Поэтому они смогли добиться подобного решения. В 1381 г. скупщики (скорее всего они же и раздатчики) добились постановления, запрещающего торговлю шерстью вразнос. Собственники пряжи могли продавать ее только в пятницу и ни в какой другой день (II, 9). Видимо, мелкие торговцы пытались продавать сырье мелким самостоятельным ремесленникам, но Совет принял решение в пользу раздатчиков. «Отрезав мелкого промышленника от рынка готовых изделий, скупщик отрезывает его теперь от рынка сырья и тем окончательно подчиняет себе»¹⁴.

Кто в Бристоле выступал в роли скупщика и раздатчика? Постановления, относящиеся к XIV в., не позволяют точно определить их статус, поскольку чаще употребляется глухой термин «кто-то» [раздает] или от «кого-то» [получают]. Под этими определениями могли подразумеваться различные категории городского населения. В документах XV в. называются кушцы и, что особенно важно, разбогатевшие ремесленники. В 1406 г. сукновалы города отмечали, что «некоторые купцы (merchants) Бристоля прежде привыкли валять

¹⁴ Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч. Т. 3. С. 367.

часть их сукон в различных местах сельской округи...» (II, 78—79). Замечания о «привычке» купцов раздавать сукно для валяния свидетельствует о том, что явление это существовало достаточно давно и зародилось, видимо, еще в XIV веке. Ордонанс гильдии ткачей в 1490 г. говорит, что различные лица получают шерсть и шерстяную пряжу для работы от ткачей и «других изготовителей сукна» (II, 123).

Ранней формой капиталистического производства была простая кооперация. Перед мастерской ремесленника она имела то преимущество, что соединение большого числа работников в одном месте во много раз увеличивало производительность труда. «По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней, — писал К. Маркс, — комбинированный рабочий день производит большие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения определенного полезного эффекта»¹⁵. Кроме того, простая капиталистическая кооперация еще в большей степени, чем раздача сырья, была связана с возникновением слоя свободных наемных рабочих без своих орудий труда, так как «...капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу»¹⁶.

Представляется, что о существовании простой кооперации в Бристоле можно говорить применительно уже к первой половине XIV века. В 1339 г. крупному предпринимателю Томасу Бланкету пришлось защищаться от нападок членов гильдии ткачей, когда он организовал крупномасштабное по тем временам производство сукна, сосредоточив в своих руках несколько мастерских, в которых разместил станки, и для работы на них нанимал ткачей¹⁷. Томас Бланкет был не единственным бристольтцем, поставившим производство сукна на новую основу. В королевском указе от 1339 г. мэру и бейлифам Бристоля запрещается притеснять не только Бланкета, но и других предприимчивых горожан¹⁸. Во второй половине XV в. сведения о существовании простой кооперации в сукноделии города встречаются постоянно. В 1461 г. ткачи жалуются, что «различные люди гильдии ткачей... снаб-

¹⁵ Маркс К. Капитал. Т. I//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 340.

¹⁶ Там же. С. 346.

¹⁷ The Staple Court Books of Bristol. Introduction. P. 73.

¹⁸ Calendar of the close rolls of the reign of Edward III. L., 1896—1913. 1339—1341. P. 311.

жают, привлекают к работе и нанимают (*puttyн, оссиріен and hireн*) их жен, дочерей и девушек, некоторых, чтобы ткать на их собственных станках, а некоторых, чтобы работать с другими лицами данной гильдии» (II, 127). Данные о том, что названные люди не просто получают сырье для работы, а нанимаются за плату, «чтобы работать с другими людьми», позволяют предположить, что речь идет не о системе раздачи сырья, а о новой форме организации производства. Предпринимателям было выгодно нанимать женщин, поскольку их труд ценился дешевле. В 1346 г. плата женщине-ткачу была установлена в 1 п., тогда как мужчина получал за работу 4—6 пенсов в день (II, 12—13). В ответ на жалобу ткачей Совет принял постановление: «...ни один человек названной гильдии ткачей... не должен сажать (за работу), снабжать или нанимать (*sett, putt or hire*) названных жен, дочерей или девушек для такого занятия ткачеством на станке вместе с собой или с каким-либо другим лицом (*with any othour person*)...» (II, 127). Тот факт, что члены семей самостоятельных мастеров вынуждены наниматься на работу, свидетельствует о неблагоприятном положении рядовых членов гильдии. Кроме того, это явно указывает на нехватку рабочих рук. О том же говорит использование предпринимателями иностранных рабочих. В 1462 г. ткачи протестуют против того, что «различные и многие люди из гильдии ткачей» нанимают на работу иноземцев. Поэтому в постановлении Совета запрещается «сажать (за работу) или нанимать какого-либо чужеземца или иностранца» (II, 128). Чаще всего речь шла об ирландцах. О том, насколько это стало распространенным явлением, свидетельствует следующее. Гильдия ткачей жалует в Совет, что для пользы предпринимателей различные торговцы и другие лица «доставляют в Бристоль людей из разных стран, которые продаются, как водится у язычников» (II, 128). Очевидно, в рассматриваемое время вопрос о рынке наемной рабочей силы стоял уже достаточно остро. Через 30 лет повторятся та же жалобы. «Разные лица» в гильдии ткачей ежедневно используют подмастерьев, детей и молодых людей, родившихся в чужих местах, «которые служат у этих мастеров год, два или три и используются мастерами названной гильдии ткачей, как если бы они были их подмастерьями, связанными договором по обычаям этого названного достойного города» (II, 123—124). Уже в XV в. ткачи понимали, что данные работники не являются подмастерьями.

Почему же самостоятельных ремесленников так беспоко-

ило использование предпринимателями подобных работников? Прежде всего нужно отметить, что суконщики чаще применяли труд неквалифицированных рабочих, которым они платили меньше, чем получал обученный подмастерье. Мастера городских гильдий платили своим подмастерьям 4—6 пенсов в день (II, 12, 78), предприниматели платили неквалифицированным рабочим в два раза меньше¹⁹. Это способствовало разорению самостоятельных мелких ремесленников. В своих жалобах они на первый план выдвигают заботу о качестве производимой продукции. Но главная причина была в другом. Сукновалы Бристоля отмечают, что «несведущие в ремесле» люди допускают брак в работе, из-за чего «многие другие беднеют из-за этих сукон» (II, 76). Ткачи выражаются еще более откровенно: из-за того, что предприниматели используют людей, плохо владеющих ремеслом, многие самостоятельные ремесленники гильдии ткачей «бродяжничают (*gothe vagaraunt*) и не нанимаются, и не могут найти работу, чтобы жить» (II, 127). Через год (в 1462 г.) они вновь пишут: опытные ткачи по указанной причине «становятся бродягами и безработными (*bene vagarauntz and unoccupied*), и не могут найти работу, чтобы обеспечить свое существование» (II, 128). То есть использование суконщиками труда многих неквалифицированных работников приводило к вытеснению из производства самостоятельных ремесленников. И на примере Бристоля мы можем проследить процесс пауперизации и фактической экспроприации непосредственных производителей в английском городе.

Гильдии пытались бороться за свои права разными способами. Уже упоминались попытки запретить использование труда женщин, иноземцев и неквалифицированных работников. Правда, эти попытки чаще всего были безуспешными. Но если нельзя было совсем запретить применение труда наемных рабочих, гильдии старались взять под контроль их наем. В 1490 г. гильдия ткачей постановила, что обучать детей (*childe*) или слуг (*servaunt*) секретам ремесла можно лишь после заключения договора, зарегистрированного городским клерком (II, 125). Чтобы не допустить использования неквалифицированных работников, гильдия запрещает нанимать на работу тех, кто не проэкзаменован мастерами гильдии (II, 125). Появление подобных постановлений показывает, что предприниматели пытались маскировать новые формы организации производства, они существовали еще полу-

¹⁹ Кириллова А. А. Организация внецехового ремесла... С. 88.

легально, и поэтому трудно проследить процесс их складывания.

Пытаясь бороться с переманиванием суконщиками работников у мелких самостоятельных мастеров, гильдия сукновалов уже в 1346 г. устанавливает максимум заработной платы: «...ни один человек, который является мастером названной гильдии, не будет платить какому-либо человеку, работающему по найму (*ouegaunt en le stok*) больше 3 п.²⁰ в день как летом, так и зимой» (II, 12). Это постановление вызывает особый интерес. Ведь Черная смерть обрушится на Англию лишь в 1349 г., и тогда унесет многие десятки тысяч рабочих рук. До этого времени о других резких сокращениях их числа нам неизвестно. Остается предположить, что возросла потребность в свободных рабочих, а рынок рабочей силы был еще чрезвычайно узок.

Предприниматели исходили из реальной обстановки и потому вряд ли были склонны считаться с подобными ограничениями, да и рабочие не желали мириться с таким положением. О том, что они требовали улучшения своего положения, свидетельствует постановление гильдии сукновалов от 1406 г. В нем учитывается возможность того, что «названные рабочие» (*labougers*) будут упорными или настойчивыми, и по злобе своей не захотят работать» (II, 78).

Итак, материалы источников позволяют утверждать, что в сукноделии Бристоля уже в первой половине XIV в. существовала раздача сырья обедневшим ремесленникам как в самом городе, так и в деревне. Видимо, в Бристолье XIV в. возникает и простая кооперация. Более того, есть основания говорить о том, что в нем зарождается и еще одна новая форма организации производства — мануфактура. Правда, прямых данных об этом в источниках нет, но их трудно и ожидать, так как предприниматели на первых порах не старались афишировать расширение производства. Однако неоднократные упоминания об использовании предпринимателями труда неквалифицированных работников позволяют предположить наличие разделения труда, которое было возможно в рамках кооперации. Не исключено, что несколько мастерских, которыми владел Томас Бланкет, и для которых он нанимал рабочих, представляли собой мануфактуру, а не кооперацию, так как между этими несколькими мастерскими легко было распределить отдельные операции по производству сукна.

²⁰ Позднее изменено на 4 п.

Важно заметить, что новые формы организации производства зарождались не только в деревне. Из многих постановлений ткачей, сукновалов, красильщиков ясно, что в качестве предпринимателей выступали мастера названных гильдий. На примере развития сукноделия Бристоля можно проследить возникновение проблемы наемной рабочей силы и пути ее решения. Многочисленные ордонансы наглядно показывают размах стихийного вытеснения предпринимателями мелкого производителя в ремесле, то есть фактической экспроприации ремесленника. Процессы, происходившие в сукноделии Бристоля, позволяют утверждать, что массовому сгону крестьян с земли предшествовало возникновение капиталистического производства в английском городе, и что вытеснение мелкого производства крупным было достаточно длительным, а не сводилось только к какому-то одновременному акту.

М. М. Яброва

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ СЕМЕЙНЫХ КОМПАНИЙ КОНЦА XV ВЕКА

До настоящего времени структура торговых объединений как малых, так и крупных изучена недостаточно. Известны общие принципы организации внешнеторговых корпораций, их формы: компании регулируемые и паевые, комменды (особенно на итальянском материале) и др.

Различные формы малых объединений явились основой для возникновения более поздних организационных структур. С их появлением часть первых отмерла, но некоторые остались и продолжали функционировать, правда, в большинстве уже не самостоятельно, а в пределах крупных компаний. Особенно жизнестойкими оказались семейные компании. Небольшие по количеству участников (2—4 человека), они смогли привлечь значительные средства, использовать новейшие рычаги кредитования, что позволило им выжить. Более того, в них уже на достаточно раннем этапе развития просматриваются специфические признаки, которые свойственны более поздним объединениям, а именно черты регулируемой компании и паевой, связь с субкомпаниями и т. д.¹

¹ Проблема субкомпаний еще ждет своего исследователя. В самом общем плане о субкомпаниях см.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. Саратов, 1983. С. 196—197.

В данной статье на конкретном материале попытаемся выяснить некоторые особенности структуры малых семейных компаний. Источником явилась деловая переписка семьи Сели, входившей в состав Компании Складчиков Кале². Хронологические рамки — последняя четверть XV века.

Организация торговли чутко реагировала на малейшее изменение конъюнктуры рынка. Само возникновение в пределах большой торговой корпорации, какой были Складчики Кале, малых — показатель того. Но семейные компании отнюдь не замкнутые организмы. Не владея достаточным количеством средств, они стремились привлечь деньги целого ряда лиц, обрастали своеобразными субкомпаньонами, которые по тем или иным причинам не могли (или не желали) принять самостоятельного участия в торговле. Источник, которым мы располагаем, дает возможность в какой-то мере выявить и проанализировать эти связи.

Поражает количество имен, которые встречаются в письмах. Мы относительно легко можем выделить поставщиков шерсти — это Мидуинтер и Буш. Все остальные — покупатели, главным образом, родственники, поставщики лошадей и соколов (братья Сели увлекались охотой, верховой ездой; кроме того, лошади нужны были и для перевозок) и, наконец, просители. Назовем их так условно. Дело в том, что значительный круг лиц, фигурирующий в письмах, обращается к братьям Сели, в первую очередь к Джорджу, который представлял от семейного объединения в Кале, с различными просьбами: от мелочей — что-либо купить на ярмарке или в городе, до довольно значительных — продать шерсть, овчины, уплатить фрахт (с обещанием через какой-то срок отдать деньги) и т. д.

Каждый, кто занимается историей торговли, хорошо представляет, что все просьбы, включая и мелкие заказы, выполнялись не безвозмездно. Время, которое затрачивалось на это, ценилось, и его надо было оплатить. А когда Сели выкладывали деньги, даже на короткий период, то само собой разумелось, что их изъятие из активного оборота должно было компенсироваться. В связи с этим возникает ряд воп-

² Подробнее об этом источнике и о семье Сели см.: Яброва М. М. Переписка лондонских купцов конца XV века как исторический источник // Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего феодализма. Иваново, 1986. С. 3—9; ее же. Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века (семья Сели) // Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8, С. 105—116.

росов. Прежде всего, какое количество людей обращалось к Сели? Кто они, в каких взаимоотношениях с Сели находились (родственники, друзья, деловые партнеры)? Каков характер просьб и можно ли их классифицировать? Насколько весомо было их участие в основном предмете торговли, а именно — шерстью и овчинами?

Письма позволяют подсчитать, что к Сели обращались около тридцати человек, немало. Некоторые — однажды, иные — два-три раза. Мы не сбрасываем их со счетов. Прежде всего, о мелких, чаще всего единичных просьбах. Некий Колдуэйл, который называет себя кузеном Джорджа, в сентябре 1479 г. просит последнего купить диванную подушку, 5 ярдов ткани для покрывала, мех для себя и жены, еще какие-то вещи³. Он обещает «удовлетворить» (то есть оплатить) Сели. Срок оплаты в письме не назван. В ноябре 1480 г. Ричард (семейное объединение состояло из отца и двух братьев — Джорджа и Ричарда, последний представлял компанию в Лондоне) просит Джорджа прислать ему счет Колдуэйла (р. 100). Трудно сказать, за названные покупки или за еще какой-то заказ, но несомненно, что на некоторый период деньги были изъяты из обращения и, следовательно, Сели хотели получить компенсацию (впрочем, как и за хлопоты).

В сентябре 1480 г. с просьбой купить камлот (назван его цвет), две дюжины перчаток для жены, задвижки для арбалета (достаточно дорогие — 14 фунтов), рукоятку для него же за 6 или 7 ф. и переправить все в Линн или Бостон обращается Эдмунд Бедингфельд (р. 90). Заметим, как формулируется просьба: «Я прошу затратить на меня труд на ярмарке». Ясно, что этот труд оплачивался. Николас Книфтон, видимо, родственник (он называет Джорджа братом) в мае 1482 г. просит купить кровать, покрывало и другие вещи (р. 145). Гарри Бриан, находясь в Кале, пишет Джорджу в Брюгге, что хотел бы получить 12 дюжин перчаток разных фасонов (р. 142). С многочисленными и весьма разнообразными поручениями обращается к Джорджу сэр Уэстон⁴, человек, насколько можно судить по письмам, близкий к семье

³ The Cely Letters, 1472—1488/Ed. by Alison Hanham. Oxford, 1975. P. 56. Далее страницы этого издания будут указываться вслед за цитируемым текстом.

⁴ Сэр Уэстон в 1477—1478 гг. возглавлял английское ответвление Ордена Св. Иоанна в Иерусалиме. Приор и Орден имели земли в Эссексе, неподалеку от места, где было расположено владение Сели.

Сели (р. 44, 51, 74, 84 и др.). Этот список можно продолжить. Суммы, на которые делались заказы, не так уж малы, и все же связи подобного характера имели второстепенное значение, они не касались основной деятельности Сели.

Обращаются к Сели и с чисто финансовыми вопросами — оплатить какие-то денежные обязательства в Кале с обещанием возратить деньги в Англии (р. 40, 59, 86 и др.).

Наибольший интерес представляют лица, которые часто, а некоторые — регулярно обращались к Сели, и при знакомстве с письмами может возникнуть мысль, что они каким-то образом входили в данное семейное объединение. Однако это не так. Последующая судьба семейной компании, когда наследники братьев не могли разделить спаянный капитал, подтверждает, что она состояла из самых близких родственников. Но примерно 5—6 человек были связаны с ней и достаточно тесно. Перечислим их поименно. Чаще других в источнике упоминается Уильям Марион (примерно в 37 письмах); кроме того, он сам отправил 13 писем, преимущественно Джорджу Сели. За ним следует Джон Дальтон, его имя встречается более чем в 20 письмах, и он сам написал 11; Уильям Дальтон — 23 раза, от него 3 письма. Нужно назвать Томаса Кестена, Джона Сели, Роберта Айрика, Томаса Бетсона.

В большинстве эти люди не были посторонними для семьи Сели. Уильям Марион был крестным Ричарда (р. XV); Джон и Уильям Дальтоны — кузены Джорджа и Ричарда Сели (р. XV); Томас Кестен, судя по первому письму, был в начале 70-х гг. агентом объединения (р. 2), а затем поддерживал с ним деловые отношения, довольно активные. Роберт Айрик — племянник Уильяма Мариона и крестник Джорджа Сели (р. XI). Джон Сели был братом Ричарда-старшего, то есть приходился дядей Ричарду-младшему и Джорджу (р. XI). Не удалось выяснить, были ли родственные связи с Сели у Томаса Бетсона. Разумеется, принципиального значения это не имело, деловые связи основывались не на родственных отношениях. И все же пренебрегать ими не следует. Роль своеобразного посредника, которую, видимо, выполняли Сели по отношению к названным лицам, едва ли приветствовало руководство главной Компании. Различные ограничения средневекового плана существовали и в более поздние времена. Возможно, они сохранялись формально, но было безопасней иметь дело с родственниками или лицами хорошо знакомыми.

Однако обратимся непосредственно к тексту источников.

Из письма от 22 июля 1479 г. можно понять, что Уильям Марион некоторое время замещал в Лондоне Ричарда Сели⁵. Это большое доверие, которое надо было завоевать делом, о чем и говорит ряд фактов. Особенно информативна памятная записка, которую 2 июня 1480 г. Джордж Сели составил для Томаса Грэйнджера (р. 81—82). В это время Джордж уезжал в Антверпен и должен был оставить в Кале, где продолжалась торговля, заместителя. Томас Грэйнджер — член Компании Складчиков и, судя по письмам и его дальнейшей деятельности (он был доверенным лицом при разделе имущества после смерти Джорджа), лицо, близкое к Сели. В записке, кроме указаний относительно продажи шерсти и овчин, принадлежавших Джорджу и Ричарду-младшему, то же самое говорится об овчинах Уильяма Мариона. Важно, что памятная записка позволяет не только определить количество овчин, принадлежавших Уильяму Мариону, но и сравнить данные. Джордж Сели распоряжается продать 456 овчин и еще 349 овчин отца (то есть 805). Кроме того, названо еще 2075 овчин, но не указано, чьи они, вернее всего, братьев Сели. Итак, в данный момент семья Сели располагала 2880 овчинами. Уильям Марион, судя по записке, имел 689, меньше, чем у Сели, но не так уж мало.

Это не единственный случай. В записке сказано: «Сэр, если придут в Кале шерсть или овчины, принадлежащие моему отцу или брату, или Уильяму Мариону...», и дальше Джордж просит снять мансарду и поместить новые грузы туда. Никакого различия между своим товаром и Уильяма Мариона у Джорджа нет. Несомненно, все делалось не из доброго расположения, родственных или дружеских отношений: какой-то процент от продажи шерсти и овчин шел Сели. К сожалению, материал, которым мы располагаем, не дает возможности для его определения.

В письме отца в Кале к Джорджу, помеченном 1-м сентября 1480 г., нет точных данных о величине грузов, как в памятной записке, но автор совершенно недвусмысленно сообщает, что Марион и он погрузят на корабли овчины (р. 87). В письме от 25 сентября 1480 г. речь тоже идет об отправке овчин своих и Уильяма Мариона (р. 92). В новой памятной

⁵ Обязанности между членами семейного объединения Сели четко распределялись. Джордж находился в Кале и выезжал на ярмарки, Ричард ездил в Котсволд — основное место, где Сели покупали шерсть, и переправлял ее в Лондон, отец руководил делами в Лондоне, налаживал контакты с поставщиками и некоторыми покупателями.

записке тому же Грэйнджеру, датированной 25 сентября 1480 г., Джордж опять пишет об овчинах Уильяма Мариона (375 штук, общая стоимость 26 ноблей)⁶, указывает, где они лежат, чтобы их продать (р. 103). Видимо, это не все, так как Джордж просит Грэйнджера взять у некоего Джона Айльдирбека ключи от складского помещения, «где должна быть размещена большая часть овчин Уильяма Мариона, когда они придут» (р. 103). Особенно интересна приписка, сделанная рукой Джорджа. В ней определена величина таможенных пошлин и субсидий: отец должен уплатить 73 ф. 3 ш. 6 п., Ричард-младший — 15 ф. 6 ш. 6 п., Уильям Марион — 22 ф. Размеры таможенных пошлин и платежей дают представление о величине грузов. Разумеется, Уильям Марион значительно уступает Ричарду-старшему, хозяину, главе объединения, но обгоняет Ричарда-младшего. Едва ли так бывало всегда, но его активное и весомое участие в торговой деятельности семейного объединения Сели не вызывает сомнений.

Выше шла речь о том, что среди всех, скажем так, субпартнеров Уильям Марион играл главную роль, но есть смысл познакомиться с участием в семейной компании Сели и некоторых других лиц. На втором месте стоит Джон Дальтон. Он был связан не только родственными, но и деловыми отношениями со своим братом Уильямом Дальтоном, о чем свидетельствует ряд замечаний в письмах (р. 26), и оба они — с Сели. В письме от 24 июля 1478 г. Джон Дальтон пишет Джорджу в Кале (сам он в это время находится в Лейчестере) о том, чтобы тот уплатил фрахт за перевозку 18 сэрплей шерсти и овчин, «получил и разместил» (определил на склад. — М. Я.) эти грузы (р. 26). В январе 1482 г. Джон Дальтон находился в Кале, Джордж в это время был в Лондоне⁷. Теперь Дальтон выполнял дела Сели, осуществлял связи с купцами, но и покупал овчины для себя (р. 129). В августе 1482 г. Уильям Сели, агент семейного объединения, однофамилец, сообщает, что Джон Дальтон хочет иметь две секции в их складском помещении и уплатит за это (р. 167). Замечание очень интересное. Речь здесь может идти о самостоятельной торговле, которую вел Джон Дальтон, именно поэтому ему нужны собственные складские помещения; в данный момент от Сели ему не требуется ничего, кроме обыч-

⁶ Нобль в рассматриваемый период был равен 8 ш. 4 п.

⁷ Его отлучка, видимо, была связана с болезнью отца.

ной услуги. Дело в том, что Джон Дальтон и его брат Уильям тоже были членами Компании Складчиков Кале и, скорее всего, сочетали самостоятельную деятельность с торговлей, порученной Сели и осуществляемой через них.

В памятной записке, которую в сентябре 1480 г. Джордж оставил Грэйнджеру, содержится просьба продать 1275 овчин, принадлежащих Кестену (р. 93). Это немало. Участие Томаса Кестена в торговле не столь регулярно, как, например, Уильяма Мариона, но его имя в той или иной связи упоминается неоднократно (р. 5—9, 30, 45, 131, 132 и др.).

Такого же рода отношения были с родственником семьи Джоном Сели (р. 77, 78, 81, 82). В записке Грэйнджеру от 2 июня 1480 г. содержится указание о необходимости продать 843 овчины, принадлежащие Джону Сели (р. 81). Правда, есть основания полагать, что к концу 70-х гг. эти отношения прекратились, во всяком случае, позже его имя в письмах не встречается.

Несколько раз в источниках упомянуто имя некоего Роберта Айрика, есть письмо и от него (р. 139—142, 145—146, 161). Возможно, Роберт Айрик был связан с Уильямом Марионом, а через него — опосредствованно — с Сели.

Остается выяснить причины этих связей. Сели относились к крупнейшим купцам, входившим в состав Компании Складчиков Кале. Размеры их торгового оборота были весьма значительны, но, судя по письмам, дефицит денег, особенно наличных, был велик на всех этапах торговли (р. 122—124, 185—188). Как отмечалось, поручения, которые Сели выполняли для Уильяма Мариона, братьев Дальтон, Айрика и других лиц, оплачивались. Это давало дополнительные ресурсы, и Сели, особенно в период упадка Компании Складчиков, не были склонны пренебрегать ими. К сожалению, размеры оплаты не поддаются вычислению, они глубоко запрятаны. Но если Сели платят фрахт за кого-нибудь, то на какой-то период изымают собственные деньги из обращения, а это непременно должно было возмещаться. Мелкие поручения, которые выполнял Джордж, тоже отнимали время (что весьма существенно), а иногда на какой-то период и деньги: судя по письмам, те, кто обращался с заказами, расплачивались позже. Оплата услуг и процент за своеобразную ссуду тоже были неизменными, как это предполагалось в повседневных купеческих делах.

Таким образом, Сели были заинтересованы в расширении деловых связей (разумеется, до определенных границ). Это давало дополнительные денежные суммы, необходимые для

успешного хода торговли, а, кроме того, — некоторые новые контакты. Дело в том, что оплата за услуги шла не только деньгами. Скажем, Уильям Марион на какой-то период заменил Джорджа в Кале, Джон Дальтон тоже. 22 сентября 1481 г. он пишет из Кале Джорджу и сообщает о продаже овчин и шерсти, и не только Сели, но и Уильяму Мариону (р. 113). О пребывании Джона Дальтона в Кале и делах там мы можем судить по другим письмам (р. 127—129).

Но зачем нужны были Мариону, Кестену, Дальтону и другим лицам эти своеобразные посредники? В данном случае не может быть однозначного ответа. Купцы, по отношению к которым Сели выступали как агенты, весьма различны по своему имущественному статусу, торговой ориентации и ряду других моментов. Восстановить их биографии и круг деятельности не представляется возможным, но кое-что учесть необходимо. Среди них были купцы из Компании Складчиков, но если речь идет о таких, как Айрик, Томас Кестен, то они туда не входили и, согласно уставам Складчиков, не могли ввозить шерсть в Кале, продавать ее помимо Компании и т. д. Вступление в Компанию Складчиков ограничивалось рядом постановлений, в данном случае самым существенным фактором был большой денежный взнос. Айлин Пауэр выявила, что к началу XVI в. он составлял 100 марок³ (66 ф. 13 ш. 4 п.). Сумма весьма и весьма значительная, и едва ли она была ниже в конце XV века. Не каждый купец, даже если у него не было других «противопоказаний» к вступлению в Компанию, мог выложить такие деньги. И тогда посредничество было совершенно необходимо. Не следует думать, что все это были мелкие купцы, 66 ф. были существенны и для крупного дельца. Кроме того, торговля шерстью для лиц, заинтересованных в посредниках, могла быть нерегулярной, их интересы могли направляться в другую область.

Сложнее обстоит дело с теми лицами, которые прибегали к помощи Сели, будучи сами членами Компании. Что их заставляло это делать? Думается, несколько обстоятельств. Не исключено, что у некоторых из них помимо складочной торговли были иные дела. Так, имена братьев Дальтон неоднократно упоминаются в источниках, относящихся к городу Лейчестеру. Их деятельность как членов Компании Складчиков в Кале могла быть не столь значительной, удобней было

за определенное вознаграждение поручать торговлю кому-то другому. А чаще всего самостоятельная торговля, видимо, сочеталась с использованием посредничества Сели. И когда в торговлю включались члены Компании Купцов — Складчиков в Кале, шло расширение деятельности семейного объединения, привлекались дополнительные капиталы, налаживались новые связи.

Едва ли можно говорить для данного времени о создании своеобразных субкомпаний, как это происходило в более поздний период, но первые шаги в этом отношении, несомненно, делались, так же как и появлялись зародыши нового организационного типа компаний. Впрочем, само существование таких семейных компаний, как Сели, в пределах Компании Складчиков — уже свидетельство этому.

В конце XV в. внутренние структурные изменения диктовались преимущественно одним — нехваткой денег. Была острая необходимость вовлечь все имеющиеся и доступные ресурсы в оборот. Спустя некоторое время, когда торговые связи выйдут за пределы привычных рынков Западной Европы, понадобятся новые, более четкие организационные формы, которые в какой-то мере должны были снизить риск путешествий.

Во второй половине XV в. только зарождаются новые формы организации компаний. Не исключено, что на первых порах они были недолговечны, но само зарождение их весьма симптоматично.

³ Power E. The wool Trade in the Fifteen Century. N.-Y., 1933. P. 365.

СООБЩЕНИЯ

Т. С. Никулина

БЮРГЕРСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА (на материалах Любека)

В данной статье речь пойдет не просто о немецком, а о балтийском ганзейском городе. Выделение этого типа принадлежит западногерманским историкам¹, и с ними можно согласиться, не абсолютизируя, однако, особенности развития немецких балтийских городов как некоего феномена, не имеющего аналогов ни в Германии, ни в других странах.

Любек известен в литературе как глава Ганзейского союза, во многом определявший его политику на Балтике. Но значительно меньше знают о жесточайшей классовой борьбе внутри города в XIV—XV вв., о мощных выступлениях ремесленников и непатрицианского купечества в 1380—1384 и 1408—1416 годах. Для понимания причин подобных конфликтов нужно иметь представление о специфике формирования социальной структуры населения города, об имущественном и правовом положении разных слоев бюргерства, о сходстве и различии в их состоянии.

При исследовании данных проблем традиционно обращаются к памятникам городской юрисдикции, хроникам, цеховым уставам, таможенным и торговым книгам, к протоколам

¹ Brandt A. v. Die Stadt des späten Mittelalters im hansischen Raum//Hansische Geschichtsblätter, 1978. N 96. S. 1—15; Friedland K. Lübeck, Typ Ostseestadt//Politik. Wirtschaft und Kunst des Stauffischen Lübeck. Lübeck, 1976. S. 41.

ганзейских съездов и грамотам. И редко — к такому специфическому, но богатому и поддающемуся статистической обработке документальному источнику, как завещания. Их ценность на английском материале показала А. А. Кириллова, извлекая оттуда сведения о социально-экономическом развитии общества, культурно-бытовой обстановке, об отношениях между бюргерами, между разными прослойками городского населения².

Самое большое число завещаний, которое известно в Центральной Европе, сохранилось в Любеке: их более 10 000, только от XVI в. — 6400. (Для сравнения: в Кельне, крупнейшем немецком городе, — их 1500, Брауншвейге — 800, Штральзунде — 480, Гамбурге — 129)³. До последней трети XIX в. любекские завещания хранились в регистратуре сената города в виде перевязанных свитков, а в 1910 г. был впервые составлен их полный хронологический и алфавитный указатель и одновременно — систематизированные описи-регесты, в которых кратко излагалось содержание каждого документа. Не так давно Агасфер фон Брандт опубликовал более 1000 таких завещаний-регест в основном от XIV столетия (от конца XIII — только 12 единиц)⁴. Значение подобной специальной публикации средневековых бюргерских завещаний трудно переоценить.

Появление завещаний в конце XIII—XIV вв. не было случайностью. Этот период знаменовался в Западной Европе заметными успехами товарного производства, развитием товарно-денежных отношений, а следовательно, оформлением социальной структуры города, имущественной дифференциацией внутри бюргерства, что в совокупности и потребовало письменного оформления правовых норм. Не последнюю роль в появлении завещаний сыграла и эпидемия чумы 1348—1349 годов.

Регесты любекских завещаний однотипны по форме: они начинаются с имени завещателя (иногда вслед указывается

² Кириллова А. А. Завещания как источник по истории средневекового английского города XIV—XV вв.//Из истории западноевропейского средневековья. М., 1982. С. 21.

³ Brandt A. v. Mittelalterliche Bürgertestamente. Heidelberg, 1973, S. 9.

⁴ Regesten der Lübecker Bürgertestamente des Mittelalters/Hrsg. A. v. Brandt. Lübeck, 1964. Bd. I (1278—1350); Regesten der Bürgertestamente des Mittelalters/Hrsg. A. v. Brandt. Lübeck, 1973. Bd. II (1351—1363).

физическое состояние: болен), даты составления документа, перечисления имен свидетелей и душеприказчиков, за которыми излагаются основные пункты распоряжения. Текст — на немецком языке, с использованием средневековых латинских терминов, обозначающих правовые, экономические, бытовые явления, а также родственные связи завещателя с получателями наследства. Завещание составлялось в присутствии свидетелей, как правило, двух ратманов (членов совета), а за их отсутствием — двух уважаемых зажиточных бюргеров (если стоимость передаваемого имущества не превышала 10 марок серебром). Исполнителями выступали душеприказчики, названные в завещании. Им передавался один из трех экземпляров документа, который и служил основанием для выполнения распоряжений (после смерти завещателя), два других получали свидетели и отдавали на хранение в ратушу⁵.

Нередко встречаются завещания, где вместо двух свидетелей названо четверо, отсутствуют имена душеприказчиков, или, напротив, их перечислено много — до 10 человек⁶. Интересна фигура исполнителя завещания (чаще всего он называется провизор). Порою можно выяснить не только имена провизоров, но и родственные связи с завещателем: сын, зять, брат, дядя, племянник (I, №№ 225, 248, 249, 256, 257, 266, 267 и т. д.) и, что еще важнее, — их занятия: торговцы сукном, ростовщики, садовники, аптекари, священники (I, №№ 266, 267; 214, 242, 288, 193, 243, 246). Очень часто услуги этих исполнителей последней воли как бы оплачиваются завещателем: например, Герман ван Дульмен завещал в 1347 г. пяти душеприказчикам по золотому кольцу, а шестой — Виллекенг ван Дульмен — серебряную чашу (I, № 401); Воббе ван Нигенхаген в 1349 г. отписала трем дочерям душеприказчика по 1 марке (I, № 282), а ратман Ведыкин Варендорэ в 1350 г. распорядился выдать каждому из пяти провизоров (в тексте — тестаментариев) по 10 марок (I, № 406).

Право распорядиться имуществом формально имели все слои населения: полноправные бюргеры, члены городской общины, и небюргеры — те, кто обозначается термином «жители» (inwonner), женщины, духовенство, гости города (чужие купцы и паломники), подмастерья, выходцы из низших

⁵ Die Regesten. Bd. I. Einleitung. S. 8.

⁶ Ibid. Bd. I. N 209 (далее отсылки на это издание будут даваться в тексте, римская цифра обозначает том, арабская — номер документа).

слоев, даже прокаженные, даже приговоренные к смерти разбойники (I, № 199). А. фон Брандт считает, что это означает «принципиальное частно-правовое равенство всех городских жителей»⁷, но оно, конечно, не подкреплялось экономически возможными: городскому плебсу чаще всего нечего было передавать по завещанию.

Наибольший интерес представляют сведения, которые можно извлечь из завещаний относительно социального и имущественного положения любекского бюргерства. Прежде всего — о самих владельцах завещаемого имущества. Почти все они либо из высшего — патрицианского, либо из среднего — купеческого и ремесленного слоя. Любекские завещания середины XIV в. позволяют четко выделить патрициат как социальную группу, составить представление о структуре его имущества. Ясно, что именно он владел дорогими домами в центральной части города (Менштрассе, Флейшхауэрштрассе и др.), большими суммами наличных денег, земель, солеварнями, драгоценностями, дорогой посудой, одеждой и обувью (I, № 230; II, № 482).

Распоряжения представителей патрицианских фамилий пестрят большими суммами денег. Так, Альгейда Лурлей, тетка бургомистра Иоганна Виттенборха, завещала 600 марок, не считая остальной движимости и недвижимости (I, № 231); Грета Плескова, вдова ратмана и мать известного бургомистра Якоба Плескова, передала 500 марок ему и 100 — дочери (I, № 249). Вернер Вулленпунд, тесть ратмана Бруно Варендорпа, велит распорядиться суммой примерно в 4500 марок: дочери — 1600, жене — 1300 или 1900, родственникам, слугам — 211 и пр. (I, № 342). Можно привести еще десятки свидетельств подобного рода. Вероятно, в состав завещаемых сумм входили не только наличные деньги: вряд ли бюргеры, ведущие крупную торговлю, держали их мертвым грузом в сундуках, — скорее всего они были вложены в какое-нибудь дело.

Главная черта, которая отделяет завещания патрициата от просто бюргерских — свидетельства о земле — и рентовладении. Готшалк ван Атендерне-старший, у которого ратманом был отец, а затем ратманом стал сын, передает земельный участок в Любеке, деревню Вросторф близ Висмара, землю в Хайльшоке, Кроденсторпе, Фолькздорфе, а также в Лангенхаген, Шаренбеке, Глит, в местечке Дассове под Любеком (I, № 269).

⁷ Brandt A. v. Mittelalterliche Bürgertestamente. S. 10.

Очень часто в середине XIV в. патриции вкладывали капиталы, полученные от торговли, в рентовладение — замаскированную ростовщическую кредитную сделку. Займодавец давал нуждающемуся в деньгах известную сумму под залог недвижимости (дома, земли), получая ежегодно ренту определенного размера. Все любекские патриции, проходящие в завещаниях этого времени, имеют по несколько рент: уже упоминаемый Вернер Вуллелунд — 6 рент, каждая от 2 до 6 марок при общей стоимости в 500 марок (I, № 328), сын бургомистра Герман Шонек — 4 ренты от 2,5 до 9 марок (II, № 482), ратман Ведекин Варендорп — 2 ренты (I, № 406) и т. д. Всего в Любеке с 1320 по 1350 г. было заключено около 1800 рентных сделок⁸.

Можно установить соотношение суммы, за которую продается рента, и самой ренты, то есть величины процента с вложенного капитала. Так, в завещании вдовы бургомистра Эверхарда ван Алена провизорам для ежегодного поминовения ее отца, мужа и ее самой предписывается купить за 120 марок ренту в 6 марок (I, № 286). А Петер Витте-старший в 1347 г. указывает, что 1 марка ренты должна считаться за 16 марок капитала (о чем в городской книге сделана запись) (I, № 255). Отсюда можно подсчитать, что для Любека середины XIV в. прибыль с капитала, помещенного в ренты, в среднем составляла 5—7%.

Итак, завещания позволяют выявить многие стороны экономического и социального состояния патрицианских семей. Гораздо сложнее обстоит дело с непатрицианским купечеством и ремесленниками: купцы фигурируют только в четырех документах (№№ 353, 455, 701, 746), ремесленники — в 40—50. Каков социально-профессиональный статус основной массы завещателей — неизвестно. К сожалению, не помогает что-либо определить и завещаемое ими имущество, так как указываются конкретные денежные суммы и предметы лишь для передачи дальним родственникам, церкви, беднякам, а основная часть наследства обозначается формулой «остальное движимое и недвижимое имущество», предназначаясь для жены и детей.

Типично в этом смысле завещание Иоганна Панерностермакера: в нем указываются суммы, которые определены дочери, пяти сыновьям и жене (II, № 883) и нет никаких на-

⁸ Brandt A. v. Die Gesellschaftliche Struktur des spätmittelalterlichen Lübecks//Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur. Konstanz, Stuttgart, 1966. S. 234.

меков на род деятельности, экономическое положение. А ведь перед нами богатейший любекский купец XIV в.: в записях долговой книги города за 1345—1358 г. он фигурирует 59 раз как участник кредитно-ростовщических операций — то в роли кредитора, то в роли берущего кредит⁹. Он вел активную торговлю, имел обширные деловые связи, покупал воск, меха и другие ливонские товары и переправлял их в Южную и Юго-Западную Германию.

Молчание документов о купцах и ремесленниках компенсируется другими ценными и редко встречающимися в источниках сведениями — о городском плебсе. О нем упоминается почти в каждом документе как об объекте бюргерской предсмертной благотворительности. Редко, кто не жертвует чего-либо «бедным». Члены патрицианских семей, богатые горожане выделяют беднякам большие суммы денег. Иоганн Ланге-старший, отец ратмана, оставляет 50 марок на милостыню беднякам (I, № 230). Столько же — Готшалк ван Атендерне (I, № 269). Вдова бургомистра Эверхарна ван Алена указывает, что ее платья и обувь должны быть проданы за 180 марок, которые пойдут на милостыню (I, № 286). Маркварт Лангезиде в 1358 г. определил 300 марок на обувь и одежду беднякам (II, № 659).

Средние слои завещателей чаще всего оставляют бедным какие-то вещи или деньги на покупку платья и обуви. Выражение «Für Kleidung und Schuhe an Arme» — постоянная формула в документах (I, № 220 и многие др.). Встречается и такая формулировка: «всем бедным в Любеке» и затем называется сумма (I, № 198). Изредка указываются имена: бедному слепому Рикварду 2 марки (I, № 214), Альхейду бедному в доме Бютцова, 1 марку (I, № 219), братьям, которые в полдень нищенствуют на улицах, 8 шиллингов (I, № 224).

Менее состоятельные завещатели жертвовали небольшие суммы денег на покупку хлеба, одежды или какие-то вещи. Альхейда, жена Зифрида ван Стадена, распоряжается: «для бедных должны быть куплены 12 пар обуви и 12 рубашек»; кроме того, должна быть продана ее повседневная одежда и выручка употреблена на бани бедным (I, № 204). Иногда говорится о раздаче ржи, хлеба, пива (I, №№ 204, 206).

⁹ Peters E. Das Grosse Sterben des Jahres 1350 in Lübeck und seine Auswirkungen auf die wirtschaftliche und soziale Struktur der Stadt//Zeitschrift des Vereins der Lübeckischen Geschichte und Altertumskunde, 1939. Bd. 30. S. 135—138.

Особой категорией любекского плебса, часто упоминаемой, были больные, прокаженные — те, кто находился в домах призрения (госпиталях). Таких домов, размещавшихся в маленьких городках или местечках близ Любека, было несколько — они перечисляются во многих завещаниях. Например, вдова Иогана Реймберта и ее сын жертвуют «госпиталям в Дассове, Гренау, Швартау, св. Духа в Травемюнде, в Мельне и в Рансбурге по 1 марке» (I, № 392). По данным А. фон Брандта, там находилось около 150 человек¹⁰.

В самом Любеке больные проказой (около 40 мужчин и женщин) содержались в госпитале св. Юргена на краю города. Им тоже завещались и деньги, и вещи, и угощение (I, №№ 224, 247, 240). Каждое третье завещание напоминает об этой страшной болезни средневековья. Только за десять лет (1351—1360) любекцы отписали прокаженным 770 марок — очень большую по тем временам сумму¹¹. Вероятно, не все деньги доходили по назначению: в завещаниях часто оговаривается, чтобы они давались каждому больному в руки.

В бюргерских завещаниях середины XIV в. фигурирует еще одна группа низшего слоя населения — домашние слуги. Они выступают и как получатели завещанного и как завещатели. Хинрик Скефлот отказывает служанке Элизабет и ее сыну 12 марок, 2 кружки, подушку, 2 меры (I, № 206). Другие хозяева тоже завещают деньги (иногда — до 30 марок), одежду, кровати с перинами, посуду, столовое серебро (I, №№ 201, 242, 328, 224, 209, 268, 231).

Лишь в 9—10 случаях представители этой социальной группы выступают как завещатели, в основном — слуги ратманов. Они просят передать деньги церкви, больным, но большую часть — хозяину или его детям. Кстати, в качестве одного из душеприказчиков, как правило, выступает сам хозяин. Слуга ратмана Тидемана ван Ульзена 20 марок из 50 оставляет господину (I, № 321); Грета, служанка Эверхарда Шоневедера, завещает детям хозяина и его дяде 19 марок из 30, а также одежду, шубу, застёжки, перины, подушки (II, № 436). А слуга ратмана Сегебоде Криспина оставляет ему охотничьи принадлежности, а его сыну — 10 марок на покупку лошади (II, № 610).

¹⁰ Brandt A. v. Lübeck und die Lübecker vor 600 Jahren//Zeitschrift des Vereins... 1978. Bd. 58. S. 15.

¹¹ Brandt A. v. Mittelalterliche Bürgertestamente. S. 20.

Любекские завещания содержат сведения и о такой мало изученной социальной прослойке, как служащие городских учреждений (суда, совета) и учителя. Они могли быть людьми состоятельными. Тиндерик ван Зольтведеле, очевидно, заведующий школой писарей, распоряжается отдать церквям 3 марки, сестре и нескольким племянницам — по 7, дяде — 10, другим родственникам и лицам — еще 23, а своему компаньону Альберту — пергамент с принадлежностями для письма (I, № 193). Писарь Герд ван Ольденбург оставил подробную роспись относительно распределения 160 марок и разных вещей, большая часть из последних — предметы его профессии: 100 пергаментов лучшей телячьей кожи (I, № 278).

В завещаниях встречаются данные и о лицах других городских профессий: аптекарях, музыкантах. Первые упоминаются весьма часто — и как завещатели, и как душеприказчики (II, № 673; I, № 242). Аптекарь Хинрик по воле Годкина ван Ревеле получает как провизор серебряные пояса, оружие, домашнюю утварь (I, № 242). Более того, его дети получают 20 марок, служанка — 5. Такую щедрость можно объяснить либо особым расположением завещателя к душеприказчику, либо профессиональной деятельностью аптекаря.

А. фон Брандт делит завещания на три группы: к первой относит те, что были продиктованы благочестивыми намерениями, ко второй — передачи имущества в пользу близких, к третьей — в пользу друзей, душеприказчиков, деловых партнеров, слуг, а также гильдии и цеха¹². Думается, что точнее говорить о трех частях завещания, так как почти в каждом названы три группы получателей: церковь и бедняки, родственники, остальные лица или учреждения. Документов, где называлась бы только одна группа получателей, совсем немного.

Остановимся на той части завещаний, которая делалась с душеприказательными целями в пользу церкви. Размеры дарений колеблются от нескольких пфеннигов до нескольких сотен марок — в зависимости от экономического и социального статуса, глубины благочестия. Лодевик Тусшенбеке в 1344 г. завещал любекскому собору, церквам св. Петра, св. Якова и св. Эгидия по 8 шиллингов, на строительство церкви св. Марии — 1 марку, братьям-проповедникам столько же (I, № 227). Марквард Лангезиде в 1358 г. определил церков-

¹² Ibid. S. 17.

ным учреждениям Любека, Риги, Дорпаха и других городов около 500 марок (II, № 659).

Больше всего передач в пользу местных приходских церквей, собора с его строительными кассами, расходами на алтари, частными капеллами, вечными мессами, духовниками; затем идут капеллы св. Клеменса, св. Иоганна, св. Гертруды, монастыри: два мужских — св. Катарини и св. Марии Магдалины и два женских — св. Иоанна и св. Анны.

Пожертвования от не очень состоятельных лиц шли в «натуральной форме»: «Мариенкирхе — лучшее голубое верхнее платье, церкви св. Петра — лучшее голубое нижнее платье» (I, № 224); «миноритам два дремта овсяного солода, на строительство церкви один дремт овса, конвенту братьев-проповедников десять шеффелей ячменного солода» (I, № 221).

Если завещатель хотел быть похороненным на территории той или другой церкви, то он отписывал за это немалые деньги: например, 10 марок миноритам (I, № 231) или эту же сумму церкви св. Эгидия (I, № 254). Не меньшего стоили службы во спасение души: ежегодное поминание в день смерти завещателя обходилось в 1—3 марки, ежедневное упоминание в мессе в течение года — в 10 марок, вечная месса — в 50—300 марок (I, №№ 257, 380, 384; II, 659).

Богоугодным делом считалось паломничество к далеким святым местам, причем нередко его совершал не сам завещатель, а нанятый паломник. Например, Лодевик Тусшенбеке, будучи больным, распорядился, чтобы один пилигрим был послан поклониться мощам св. Якова в Кампостелла, другой — в Рим, третий — в случае смерти заболевшего — в Аахен (I, № 227). Такие случаи не единичны (см.: I, № 247, 244, 221, 282).

Все это показывает, что завещания горожан служили для церкви значительным источником доходов.

Сведениями о социальной структуре города, имущественном положении его жителей не исчерпывается значимость завещаний как источников. Они содержат много данных, позволяющих судить о материальном окружении, образе жизни, быте любекцев XIV в. Мы узнаем, как они были одеты, какие цвета любили, какая мебель стояла в их домах, какой они пользовались посудой, какие украшения носили женщины, что давали девушкам в качестве приданого и т. д.

Наиболее часто завещаемыми, а значит, имеющими ценность вещами являлись постель (перина, одеяла, подушки), сундуки «со всем содержимым», посуда (ложки, чашки, блюда, котлы), одежда, мебель, украшения. Больше всего све-

дений о женском «гардеробе», основу которого составляли разнообразные юбки; распространенные цвета одежды — коричневый, красный, голубой, зеленый. Украшалась одежда женщин большим числом пряжек, застежек.

Интересно завещание любекского писаря Герда ван Ольденбурга от 1349 г., большую часть которого занимает описание приданого его дочери: «сундук со всем содержимым, именно 14 новыми подушками, из них 8 украшены вышивкой из льна, 2 — из шерсти, 2 — из шелка, 2 — с изображением животных; дальше — 2 почти новых покрывала на постель, 2 новых пары льняных полотенец, новое мохнатое полотенце, пара маленьких льняных полотенец, белая столовая скатерть, полотенце для рук, украшенное изображением животных; большая кровать без подставки, лучшая головная перина, новый ларь, новая дубовая кровать, 11 эллен зеленого сукна, хранящегося в сундуке, на верхнее и нижнее платья; 20 пар маленьких застежек, используемых пока самим Гердом, 2 куса распоротого меха, какие жена сберегла от моли, а также 20 пар маленьких застежек, какие носит сама дочь, вместе с застежками на ее верхнем платье и одна большая пряжка». Все перечисленное по подсчетам родителя стоит 25 марок, к которым он добавляет 45 деньгами (I, № 278).

Из завещания священника Германа Хозе от 8 сентября 1350 г. можно составить представление о библиотеке духовных лиц: братьям-проповедникам оставляется Библия в двух томах, школьный учебник истории, трехтомная глоссированная Псалтырь, глосса Николая де Лира с текстом Евангелий, сборник проповедей, книга «Песни песней», «Размышления» Берихарда, некий трактат «О добродетели», сочинение Августина «О духе и душе» и пр. Хозяин трогательно заботится о будущей сохранности книг: переплетенные книги должны быть отданы не прежде, чем с ними свяжут непере-плетенные, в случае продажи какой-либо из книг, провизоры должны объявить о нарушении воли завещателя, отобрать библиотеку, передать ее городскому совету, который «по собственному усмотрению пусть употребит ее на пользу городу» (I, № 395). Названа стоимость некоторых книг: «Страсти Христовы» — 10 марок, молитвенник — 15. Ясно, что книги были большой ценностью — и духовной, и материальной.

Итак, бюргерские завещания являются важными источниками для выявления тенденций социально-экономического и культурного развития города. Уже первичное их рассмотрение позволяет сказать, что в Любеке к середине XIV в. сформир-

ровался облик каждого из слоев его населения: патрицианское купечество, средние и мелкие купцы, ремесленники, плебс, служащие; определились отношения между ними, приведшие к острейшим внутригородским конфликтам конца XIV — начала XV века.

Л. И. Ивонина

ОСАДА ЛАРОШЕЛИ И АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЙ КОНФЛИКТ 1627—1628 ГОДОВ

Борьба вокруг Ларошели была важным моментом второго периода Тридцатилетней войны: именно здесь сосредоточили основные силы Англия и Франция. Однако англо-французский конфликт 1627—1628 гг. до сих пор не стал объектом детального изучения. В англо-американской историографии Ришелье, как правило, предстает католическим деятелем, нетерпимым к протестантизму. Исключение, пожалуй, составляют работы В. Черча и Ю. Майер¹. Французские исследователи, напротив, подчеркивают веротерпимость первого министра Людовика XIII и стараются, особенно в последнее время, несколько преувеличить роль короля в государственных делах². В работах советских историков, посвященных проблемам Тридцатилетней войны, англо-французский конфликт вокруг Ларошели не рассматривался³.

¹ Ashley M. England in the XVII century (1603—1714). L., 1956; Jones J. Britain and Europe in the XVII century. L., 1966; Lockyer R. Tudor and Stuart Britain. L., 1964; Geörg Ch. The Stuarts. A century of experiment (1603—1714)//Old Woking, 1973; Coward B. The Stuart age. L., 1980; Howat M. Stuart and Cromwellian Foreign Policy. N.-Y., 1974; Kenyon J. Stuart England. L., 1978; Carlton Ch. Charles I: the personal monarch. L., 1983; Ghurch W. Richelieu and the reason of state. Princeton, 1972; Meyer J. La Rochelle and the Failure of the french reformation//Sixteenth Century journal, 1984. V. XV. N 2.

² Fagniez J. Le père Joseph et Richelieu (1577—1638). P., 1894. T. I; Erlandér Ph. Louis XIII. P., 1946; Idem. Richelieu ambitieux. P., 1968; Idem. George de Villers, duc de Buckingham. P., 1973; Rain P. La diplomatie Française d'Henri IV a Vergennes. P., 1945; Chevalliér P. Louis XIII. P., 1979; Méthivier A. Le siècle de Louis XIII. P., 1974; Casin R. Un prophete de l'unité. Le cardinal de Richelieu. P., 1980; Auchincloss R. Richelieu. L., 1973.

³ Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947; Алексеев В. М. Тридцатилетняя война. Л., 1961; Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

В небольшой статье трудно охватить все стороны вопроса. Поэтому остановимся на наиболее важных моментах. Во время Религиозных войн Ларошель превратилась в огромный укрепленный лагерь гугенотов. Вопрос о дальнейшей судьбе их движения на Юге Франции в известной степени зависел от позиции Ларошели⁴. В городе проживало ничтожное меньшинство католиков, водораздел поэтому проходил между протестантами, ратовавшими за свободу веры и политический нейтралитет (умеренными), и радикальными протестантами, нетерпимыми к католикам, стремившимися довести дело до конца (рьяными). Они-то и пришли в конце концов к власти⁵. С этого времени Ларошель стала центром гугенотского движения во Франции.

В 1621 г. Ларошельская ассамблея разделила протестантские территории Франции на восемь округов во главе с военными правителями⁶. Эта акция была защитной реакцией на объявление французским правительством войны против гугенотов. Ларошель являлась оплотом сепаратизма, показателем слабости королевской власти, поводом для вмешательства Габсбургов во французские дела. Недаром Ришелье говорил, что «взятие Ларошели — будущее порядка во Франции»⁷. Следует отметить, что он пытался добиться этой цели мирным путем, пообещав гугенотам свободу вероисповедания. Но они не поверили кардиналу, предложение его отвергли⁸. Летом 1627 г. Ришелье начал осаду города. Католическая церковь выделила на это 3 млн. ливров⁹.

Но и внутривнутриполитическая ситуация во Франции и международная обстановка оставались сложными. Людовик XIII был болен. В Лангедоке подняли восстание гугеноты во главе с герцогом Роганом. Габсбурги открыто действовали на северо-восточных границах Франции. Взятие Ларошели становилось неотложным делом и отчасти выходом из положения.

⁴ Трофимова О. В. Борьба религиозно-политических группировок в Ларошели в начале гражданских войн XVI века//Средневековый город. Саратов, 1983. Вып. 7. С. 117.

⁵ Meyer J. Op. cit. P. 171.

⁶ Prestwich M. Calvinism in France (1555—1629)//International Calvinism (1541—1715)/Ed. by M. Prestwich. Oxford, 1985. P. 104.

⁷ Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'état du cardinal de Richelieu/Par. M. Avenel. P., 1843. T. II. P. 560.

⁸ Labrousse E. Calvinism in France (1598—1685)//International Calvinism... P. 287.

⁹ Lettres, instructions... T. II. P. 564.

Англия, вступившая в войну главным образом ввиду заключения в 1626 г. франко-испанского мира (Карл I с 1625 г. безуспешно воевал с Испанией и надеялся на помощь Франции, связанной с Англией брачным договором), лихорадочно к ней готовилась. Только за первые две недели июня 1627 г. корона получила 100 000 ф. ст. от продажи трофеев, захваченных на французских кораблях¹⁰. Эти деньги вместе с поступлениями от принудительного займа сделали возможной атаку на остров Ре, расположенный недалеко от Ларошели. 27 июня английский флот в количестве 100 кораблей под командой Бекингема отплыл к французским берегам¹¹. 17 июля английские войска блокировали главную крепость на острове Ре — Сен-Мартен и начали ее осаду. Бекингом допущена стратегическая ошибка, оставив в руках французов аванпост Ля При на восточной стороне Ре. 28 сентября, когда у гарнизона Сен-Мартена продовольствие подходило к концу, новые войска французского короля высадились в Ля При, и в результате осаждающие стали осаждаемыми. 27 октября Бекингом сделана последняя попытка взять Сен-Мартен. Штурм закончился полным провалом¹².

Сбор налогов, не утвержденных парламентом, и попытки разместить принудительный заем среди населения встретили упорное сопротивление англичан. Буржуазия и джентри осуждали правительство за войну с Францией, ибо она затрагивала интересы этих слоев общества. Торговля на морях стала невозможной, купцы настойчиво требовали заключения мира¹³.

Английскому королю не приходилось рассчитывать на помощь союзников. Голландия, связанная с Англией Гаагским соглашением, несколько раз обещала Бекингема поддержку, но оказать ее не могла из-за испано-голландской войны. Дания, терпевшая поражение в Германии, сама нуждалась в содействии англичан, и была заинтересована в их мирных переговорах с Францией: в Лондон отправилось датское посольство, чтобы уговорить Карла I их начать¹⁴. Кроме того, ни Голландия, ни Дания не зачислили Францию в число противников после того, как она заключила мир с Испанией. В Данию регулярно посылались французские деньги, солдаты

¹⁰ State papers. 1627—1628/Ed. by G. Bruce. L., 1858. P. 215—216.

¹¹ Ibid. P. 249.

¹² Ibid. P. 430.

¹³ Ibid. P. 353.

¹⁴ The letters of king Charles I/Ed. by Ch. Petrie. L., 1968. P. 55.

и корабли; Ришелье надеялся с ее помощью блокировать силы императора в Германии. Голландии отводилась роль основной ударной силы против Испании. Ришелье признавался, что Франция одновременно поддерживает союз с Испанией против Англии и союз с Голландией против Испании. В этих целях Голландии было выделено 500 000 ливров¹⁵. Союзники понимали, что с прекращением англо-французской войны они смогут получить гораздо большую помощь. Да и Ришелье был склонен к переговорам о мире, как только будет взята Ларошель¹⁶.

Военные неудачи правительства и финансовый крах заставили Карла I 17 марта 1628 г. созвать парламент. Вопреки тезису Ч. Карлтона о том, что в возникновении конфликта между Карлом I и парламентом решающую роль сыграл провал военных авантур, а не «эволюция конституционных идей» или социально-политические сдвиги¹⁷, следует сказать, что именно последние прежде всего вызвали парламентскую оппозицию. Военные неудачи были закономерным следствием королевской политики и, в свою очередь, обострили внутривластный кризис. В конце апреля 1628 г. была предпринята новая экспедиция к Ларошели под командованием графа Денбига, вскоре закончившаяся провалом¹⁸. 7 июня 1628 г. парламент принимает «Петицию о праве», содержащую осуждение злоупотреблений, допущенных королевской властью при формировании военных сил, взимании поборов и принудительных займов, повлекших за собой незаконные аресты¹⁹. Взвесив все обстоятельства, Бекингом начал (при посредничестве венецианцев) секретные переговоры с Францией²⁰. Но 23 августа 1628 г. он был убит морским лейтенантом Джоном Фелтоном.

Карл I обвинил в случившемся Францию и начал готовить новую экспедицию против Ларошели. Командующим был назначен граф Линдсей. Ларошельцы ждали помощи от англичан с нетерпением. 30 сентября 1628 г. британский флот с 1020 моряками появился у Ларошели, но не смог пробиться к городу, блокированному не только с суши, но и с моря: по приказу Ришелье французы спешно возвели дамбу, за-

¹⁵ Lettres, instructions... T. III. P. 66.

¹⁶ Ibid. P. 73.

¹⁷ Carlton Ch. Charles I... P. 100.

¹⁸ State papers. 1628—1629. P. 77.

¹⁹ Ibid. P. 117.

²⁰ Memoires du cardinal de Richelieu. P., 1927. T. 8. P. 278.

мкнувшую гавань²¹. 28 октября истощенный город сдался Ришелье. Из 25 тысяч жителей в нем осталось всего 5400 человек²².

Успех во взятии Ларошели большинство исследователей приписывает исключительно французскому правительству, особенно Ришелье. Но вопрос требует более широкого подхода. На наш взгляд, представляют интерес соображения, высказанные американской исследовательницей Ю. Мейер. Она считает, что протестантская реформация имела малые шансы на успех в абсолютистских государствах Европы XVII в., исключая протестантские монархии (Англия, Дания, Швеция) и малые протестантские политические объединения (германские княжества), относительно защищенные от вмешательства со стороны²³. Протестантское движение, претендующее на политическую власть, но не вступившее в союз с короной, заключало в себе сепаратизм, и в эпоху абсолютизма было обречено на поражение. В 1629 г. «эдиктом милости» Ришелье лишил гугенотов политических прав, предоставленных им Нантским эдиктом 1598 г., но оставил свободу вероисповедания и сохранил многие привилегии гугенотской буржуазии²⁴. Борьба между протестантским сепаратизмом и абсолютной монархией была решена в пользу последней.

После взятия Ларошели англо-французская война практически была закончена. 19 января 1629 г. английский чрезвычайный посол Дж. Уэстон прибыл в Париж с мирными предложениями²⁵. Воспользовавшись тем, что во Франции шла гражданская война, Испания укрепила влияние Габсбургов в Италии и настолько ослабила там позиции Франции, что над последней нависла угроза окружения Габсбургами. Подчинение испанскому влиянию Англии в случае ее окончательного поражения завершило бы этот процесс. К началу марта 1629 г. во Франции была уже собрана армия, насчитывавшая 30 000 пехоты и 2800 конницы для вторжения в Пьемонт и 10 000 пехоты — в Савойю²⁶. В конце марта Ришелье ринулся во главе французской армии через Альпы. Две кампании, которые он провел в Италии, укрепили позиции Франции и отвлекли часть габсбургских войск от Германии. Одно-

временно в Сузе, маленьком французском городке на итальянской границе, при посредничестве венецианцев в апреле 1629 г. начались англо-французские переговоры. 24 апреля 1629 г. мирный договор был подписан. Обе стороны обязались вернуть захваченные во время войны корабли, а также пленных и обменяться новыми послами. Религиозный вопрос был обойден в договоре молчанием, если не считать признания брачного контракта с Генриеттой-Марией, французской женой Карла I, обеспечивавшего свободу католического богослужения при дворе. Договор сопровождался декларацией французского короля о восстановлении свободной торговли с Англией²⁷.

После заключения мира англо-французские отношения оставались натянутыми. Вопреки планам Ришелье Англия летом 1629 г. начала мирные переговоры с Испанией. Ришелье же рассчитывал, что Англия в союзе с Голландией (Дания в начале 1629 г. вышла из войны, заключив мир с императором) будет воевать против Испании и, кроме того, финансировать германских князей и Швецию в борьбе против Империи²⁸. Несмотря на контрдипломатию Франции, Венеции и Голландии, в середине 1630 г. англо-испанский мирный договор был заключен²⁹.

С этого времени и до революции середины XVII в. Англия по существу перестала быть участницей европейской политики. Англо-французская война обнажила всю несостоятельность внешней политики английского абсолютизма. Эта война лишь мешала проведению антигабсбургского курса на международной арене. Кроме того, она велась отсталыми методами и сопровождалась злоупотреблениями и незаконными действиями королевской власти внутри страны. Парламентский кризис 1628—1629 гг. показал, что страна стоит на пороге революции. Англо-французский конфликт второй половины 20-х гг. XVII в. (а если взглянуть шире, Тридцатилетняя война, в рамках которой он возник) послужил ее катализатором.

Что касается Франции, то Ришелье остался верен своему внешнеполитическому курсу. Вступать в войну на территории Империи, где в то время активно воевала Швеция, он не собирался. Швеция и Голландия, финансируемые Франци-

²¹ State papers. 1628—1629. P. 342.

²² Meyer J. Op. cit. P. 92.

²³ Ibid. P. 183.

²⁴ Auchincloss L. Op. cit. P. 97.

²⁵ Memoires... T. 9. P. 240.

²⁶ Lettres... T. III. P. 244.

²⁷ Ibid. P. 314—315; State papers. 1628—1629. P. 536.

²⁸ Lettres... T. III. P. 413—414.

²⁹ Ibid. P. 886.

ей, успешно противостояли Католической лиге до середины 30-х гг. В 1635 г., когда противники и союзники были ослаблены взаимной борьбой, Франция, наконец, выступила в качестве основной ударной силы против Габсбургов.

Итак, англо-французский конфликт 1627—1629 гг., выразившийся в борьбе вокруг Ларошели, закончился обострением внутривполитического кризиса в Англии, способствовавшим выходу этой страны из Тридцатилетней войны, и, напротив, укреплением французского абсолютизма в результате победы над гугенотами и пресечением попыток вмешательства Англии во французские дела. Его исход также привел к активизации роли Франции на международной арене.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

В. К. Губарев

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕН-КРИСТОФЕРА (эпизод из истории французского проникновения в Вест-Индию)

В истории начала колониальных захватов много написано о роли Испании, Португалии, Англии и гораздо меньше — о роли Франции. В данном очерке рассматривается один из эпизодов раннего колониального проникновения последней, ее отношения с колониальными хищниками, которые вступили на этот путь раньше, то общее и особенное, что характерно для французских экспедиций первой трети XVII века. Во французской историографии вопрос об организации пиратско-колониционных экспедиций в Карибский регион затрагивался лишь попутно, на фоне общего описания истории заморских предприятий¹, в советской исторической литературе также пока нет специальных исследований по данной проблеме².

Бесценным источником является сборник документов о нормандском флоте и нормандских арматорах, изданный Ш. и П. Бреарами по решению Исторического общества Норман-

¹ Blet H. La colonisation française. P., 1946; Hardy G. Histoire sociale de la colonisation française. P., 1953; Deveze M. Antilles, Guyanes, la Mer des Caraïbes de 1492 à 1789. P., 1979.

² Отдельные аспекты проблемы затронуты в общих трудах: Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX вв.). М.; Л., 1965; Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965; История Франции/Под ред. А. З. Манфреда: в 3 т. М., 1972, 1973; Черкасов П. П. Судьба империи: Очерк колониальной экспансии Франции в XVI—XX вв. М., 1983.

дии в конце прошлого века³. Серия охватывает период с 1574 по 1670 г. и содержит акты, касающиеся строительства и фрахта кораблей, контракты мелких торгово-колониальных предприятий (ассоциаций), долговые обязательства, тексты каперских (корсарских) грамот и т. д. Составители сборника не ставили перед собой задачи воспроизвести полный текст всех документов: в публикации содержится множество фрагментов, речь в которых идет о заморских экспедициях, торговле, корсарстве, морях и судовладельцах из нормандских портов. Многие документы и извлечения из них помогают выяснить, как финансировались и снаряжались в Вест-Индию французские частные экспедиции, имевшие контрабандные и пиратские цели, определить, каким образом и между кем происходил дележ добычи, изучить условия вербовки для работы в колониях.

Помимо коллекции Бреаров нами использованы материалы из сборника документов по истории нормандского флота и руанской торговли⁴, текст договора Компании Сен-Кристофа от 1626 г., опубликованный в издании бумаг Ришелье⁵, документы, изданные Хаклюйтовским обществом в Англии⁶.

Обострение социально-политической борьбы во Франции, приведшее к Гугенотским войнам 1559—1598 гг., заставило французскую монархию временно отказаться от борьбы с Испанией и от активной политики колониальной экспансии, которая вплоть до 20-х гг. XVII в. осуществлялась только частными лицами, в основном — дворянами и арматорами, жившими в приморских провинциях. Их было немало. Когда в 1607 г. Генрих IV объявил законной добычей все грузы испанцев, идущие из Вест-Индии, в портах Руана, Онфлёра, Гавра, Дьеппа базировалось 800 корсарских кораблей⁷.

Контрабандная и пиратская деятельность в Карибском районе объективно отвечала интересам французского абсолютизма, стремившегося к ослаблению могущества испанских Габсбургов. Поэтому после окончания Гражданских войн

³ Documents relatifs a la marine normande et a ses armements aux XVI et XVII siecles/Publ. par Ch. et P. Bréard. Rouen, 1889 (далее отсылки на это издание будут даваться в тексте).

⁴ Documents authentiques et inédits pour servir a l'histoire de la marine normande/Par E. Gosselin. Rouen, 1876.

⁵ Les papiers de Richelieu/Par P. Grillon. P., 1975. Т. 1.

⁶ Colonising expeditions to the West Indies and Guiana, 1623—1667/Ed. by V. T. Harlow. L., 1925.

⁷ Ronciere Ch. de la. Histoire de la marine française. P., 1910. Т. 4.

1614—1620 гг., и, особенно, при кардинале Ришелье (1624—1642) морская и колониальная экспансия Франции не только стала частью внешней политики королевства, но и приобрела некоторую материальную поддержку со стороны государства.

«Незаконные», с точки зрения испанского правительства, экспедиции французов в Вест-Индию явились свидетельством нежелания купцов Франции мириться с испанской монополией на навигацию и торговлю в Америке. В какой-то степени они были ответом на усиление политики протекционизма в Испании в 1620 г., закрывшей испанский и американский рынки для многих французских товаров. Природные условия Вест-Индии позволяли выращивать здесь табак, сахарный тростник, хлопок, какао и другие продукты, высокоценившиеся на европейском рынке. Отсюда вывозили соль, особые породы древесины, сырье для кожевенной промышленности⁸, индиго, кошениль, ваниль, сарсапарилью, жемчуг, серую амбру. Эти богатства, а также поток золота и серебра, шедший из колоний Испании через Вест-Индию в метрополию, не могли не привлекать внимания соперников испанской короны. Ведь в начальном, мануфактурном периоде развития капитализма колониальная экспансия имела главной целью импорт из поработаемых стран, а не экспорт туда европейских промышленных товаров⁹.

Некоторые вест-индские предприятия французов санкционировались герцогом А. де Монморанси, наследственным адмиралом Франции. Каперские грамоты арматоры приобретали либо у него, либо у короля. В середине 20-х гг. XVII в. Ришелье за 1 млн. 200 тыс. ливров выкупил у Монморанси должность адмирала Франции¹⁰, взяв таким образом корсарский промысел под свой контроль.

Документы из архивов Нормандии дают представление о том, как осуществлялось снаряжение французских экспедиций в Карибину в первой трети XVII века. Обычно капитан и команда заключали контракт с арматором и поставщиком припасов. Владелец судна обязывался сдавать его в наем в отличном состоянии; поставщик закупал на свои деньги продукты, товары для обмена, порох, оружие, инструменты и

⁸ В апреле 1607 г. руанский купец Э. Декаен получил из Вест-Индии 2300 шкур, которые были использованы на кожевенных мануфактурах (см.: Documents authentiques... P. 111—112).

⁹ Энгельс Ф. Копраду Шмидту, 27 октября 1890 г.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 415.

¹⁰ Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 298.

т. д. Договор заносился в специальный акт, в котором фиксировались название корабля, имена его владельцев, капитана и членов команды, число матросов, дата отплытия, цель экспедиции, место назначения, авансированные суммы, размер процентов и условия дележа будущей добычи (р. 8—12). Средняя такса с прибыли равнялась 50% (р. 167—170). Размеры ссуд колебались от 30 до 350 (редко кто давал больше 1000 ливров), а общая сумма паявого капитала обычно не превышала 2,5—3 тыс. ливров. Убытки от предприятия покрывались за счет корсаров (р. 213).

После возвращения корабля добыча делилась на три части: одна треть причиталась владельцу и шкиперу, две трети снова делились на три части: из них треть шла владельцу и шкиперу, а две трети — владельцу и поставщикам. Из этого последнего остатка арматор выплачивал заработок матросам (р. 33).

Разведка испанских укреплений в колониях, подрыв финансового и морского могущества Испании, наличие в Вест-Индии островов, еще не занятых европейцами, и ряд других факторов создали к середине 20-х гг. XVII в. благоприятные условия для французской колонизации Антиль. Основание первой французской колонии в бассейне Карибского моря связано с деятельностью нормандских корсаров У. де Руассея и П. Б. д'Эснамбюка. Подобно многим обедневшим дворянам из приморских провинций, они поступили на морскую службу, чтобы пиратским промыслом поправить свое материальное положение.

Известно, что с января по апрель 1625 г. де Руассей занимался сбором средств для снаряжения корабля «Эсперанс», водоизмещением 120 т, на котором хотел попытаться счастья в «Перуанских Индиях» (так французские арматоры называли Вест-Индию). Среди пайщиков экспедиции документы упоминают руанских купцов П. Герэна и П. де Шомона, а также онфлерских арматоров Ж. Бюнеля и Ф. Розе (р. 213).

В октябре 1625 г. де Руассей и д'Эснамбюк высадились на острове Сент-Кристофер, застав здесь отряд капитана Шантэля из Лиона и небольшую английскую колонию, основанную капитаном Т. Уорриером¹¹. После объединения отрядов Шантэля и де Руассея на острове оказалось примерно 80 французов и 40 негров-рабов¹², положивших начало первой французской колонии на Антилах.

¹¹ Colonising expeditions... P. 1—17, 18—24.

¹² См. об этом: Documents Illustrative of the History of the Slave Trade to America/Ed. by E. Donnay. Wash., 1930. Vol. I. P. 97.

Вырастив на Сент-Кристофере пробный урожай табака, французы в конце августа или в начале сентября 1626 г. вернулись во Францию. Табак был выгодно продан, но главной целью возвращения на родину де Руассей и д'Эснамбюк считали поиск покровителей, способных оказать юридическую и финансовую поддержку их антильскому предприятию. В Париже им удалось заинтересовать ряд купцов и арматоров перспективой освоения богатой колонии в Вест-Индии. Сам Ришелье, ставший в октябре 1626 г. сюринтендантом навигации и торговли Франции, проявил интерес к проектам нормандских корсаров.

2 октября 1626 г. де Руассей и д'Эснамбюк получили от правительства исключительную привилегию на колонизацию Сент-Кристофера и других Малых Антильских островов. При поддержке Ришелье 31 октября того же года была организована акционерная Компания Сент-Кристофа с целью «освоения и заселения островов Сен-Кристофер, Барбада (Барбадос) и других, расположенных у входа в Американский залив¹³, между одиннадцатым и восемнадцатым градусом [к северу] от экватора, которые не заняты христианскими правителями, дабы обучать жителей названных островов католической, апостольской и римской религии и обмениваться там продуктами и товарами, которые можно будет собирать и вывозить с названных островов и из соседних мест...»¹⁴.

Компании предоставлялась торговая монополия сроком на 20 лет. Учредительный капитал ассоциации был сравнительно невелик — около 45 тыс. франков. Кардинал Ришелье внес пай в 2 тыс. ливров и предоставил корабль, стоивший 8 тыс. ливров. По 2 тыс. ливров внесли также сюринтендант финансов маркиз д'Эффия; президент Счетной палаты Ж. де Флессель; казначей и государственные советники Т. Моран и Г. де Генево; интендант финансов К. Корнюель; секретари флота И. Мартэн де Мовуа и Ж. Канелэ де Артелэ; придворные Бардэн-Руар и Камиль и др.¹⁵ Де Руассей и д'Эснамбюк должны были построить на Сент-Кристофере форт, истратив на это 3 тыс. ливров.

Поскольку члены ассоциации несли основные расходы по снаряжению экспедиции в Вест-Индию, им причиталась половина всех доходов с Сент-Кристофера. Десятая часть при-

¹³ В первоначальном варианте текст гласил «У входа в Перу» (Les papiers de Richelieu... P. 509).

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid. P. 510.

т. д. Договор заносился в специальный акт, в котором фиксировались название корабля, имена его владельцев, капитана и членов команды, число матросов, дата отплытия, цель экспедиции, место назначения, авансированные суммы, размер процентов и условия дележа будущей добычи (р. 8—12). Средняя такса с прибыли равнялась 50% (р. 167—170). Размеры ссуд колебались от 30 до 350 (редко кто давал больше 1000 ливров), а общая сумма паевого капитала обычно не превышала 2,5—3 тыс. ливров. Убытки от предприятия покрывались за счет корсаров (р. 213).

После возвращения корабля добыча делилась на три части: одна треть причиталась владельцу и шкиперу, две трети снова делились на три части: из них треть шла владельцу и шкиперу, а две трети — владельцу и поставщикам. Из этого последнего остатка арматор выплачивал заработок матросам (р. 33).

Разведка испанских укреплений в колониях, подрыв финансового и морского могущества Испании, наличие в Вест-Индии островов, еще не занятых европейцами, и ряд других факторов создали к середине 20-х гг. XVII в. благоприятные условия для французской колонизации Антиль. Основание первой французской колонии в бассейне Карибского моря связано с деятельностью нормандских корсаров У. де Руассей и П. Б. д'Эснамбюка. Подобно многим обедневшим дворянам из приморских провинций, они поступили на морскую службу, чтобы пиратским промыслом поправить свое материальное положение.

Известно, что с января по апрель 1625 г. де Руассей занимался сбором средств для снаряжения корабля «Эсперанс», водоизмещением 120 т, на котором хотел попытаться счастья в «Перуанских Индиях» (так французские арматоры называли Вест-Индию). Среди пайщиков экспедиции документы упоминают руанских купцов П. Герэна и П. де Шомона, а также онфлерских арматоров Ж. Бюнеля и Ф. Розе (р. 213).

В октябре 1625 г. де Руассей и д'Эснамбюк высадились на острове Сент-Кристофер, застав здесь отряд капитана Шантэля из Лиона и небольшую английскую колонию, основанную капитаном Т. Уорнером¹¹. После объединения отрядов Шантэля и де Руассей на острове оказалось примерно 80 французов и 40 негров-рабов¹², положивших начало первой французской колонии на Антилах.

¹¹ Colonising expeditions... P. 1—17, 18—24.

¹² См. об этом: Documents Illustrative of the History of the Slave Trade to America/Ed. by E. Donnay. Wash., 1930. Vol. I. P. 97.

Вырастая на Сент-Кристофере пробный урожай табака, французы в конце августа или в начале сентября 1626 г. вернулись во Францию. Табак был выгодно продан, но главной целью возвращения на родину де Руассей и д'Эснамбюк считали поиск покровителей, способных оказать юридическую и финансовую поддержку их антильскому предприятию. В Париже им удалось заинтересовать ряд купцов и арматоров перспективой освоения богатой колонии в Вест-Индии. Сам Ришелье, ставший в октябре 1626 г. сюринтендантом навигации и торговли Франции, проявил интерес к проектам нормандских корсаров.

2 октября 1626 г. де Руассей и д'Эснамбюк получили от правительства исключительную привилегию на колонизацию Сент-Кристофера и других Малых Антильских островов. При поддержке Ришелье 31 октября того же года была организована акционерная Компания Сент-Кристофа с целью «освоения и заселения островов Сен-Кристофер, Барбада (Барбадос) и других, расположенных у входа в Американский залив¹³, между одиннадцатым и восемнадцатым градусом [к северу] от экватора, которые не заняты христианскими правителями, дабы обучать жителей названных островов католической, апостольской и римской религии и обмениваться там продуктами и товарами, которые можно будет собирать и вывозить с названных островов и из соседних мест...»¹⁴.

Компании предоставлялась торговая монополия сроком на 20 лет. Учредительный капитал ассоциации был сравнительно невелик — около 45 тыс. франков. Кардинал Ришелье внес пай в 2 тыс. ливров и предоставил корабль, стоивший 8 тыс. ливров. По 2 тыс. ливров внесли также сюринтендант финансов маркиз д'Эффиа; президент Счетной палаты Ж. де Флессель; казначей и государственные советники Т. Моран и Г. де Генего; интендант финансов К. Корнюель; секретари флота И. Мартэн де Мовуа и Ж. Канелэ де Артелэ; придворные Бардэн-Руар и Камиль и др.¹⁵ Де Руассей и д'Эснамбюк должны были построить на Сент-Кристофере форт, истратив на это 3 тыс. ливров.

Поскольку члены ассоциации несли основные расходы по снаряжению экспедиции в Вест-Индию, им причиталась половина всех доходов с Сент-Кристофера. Десятая часть при-

¹³ В первоначальном варианте текст гласил «У входа в Перу» (Les papiers de Richelieu... P. 509).

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid. P. 510.

былей шла в пользу д'Эснамбюка и де Руассея, столько же — королю¹⁶.

Подготовка экспедиции осуществлялась в Париже и в Гавре секретарями флота Мартэном и Канелэ. В Бретани братья Руассей де ла Трентье взяли на борт кораблей «Кардинал» и «Виктуар» соответственно 70 и 140 человек; д'Эснамбюк снарядил в Гавре свое судно «Католик» водоизмещением 250 т и взял на его борт 322 пассажира. Большинство переселенцев были кабальными слугами — в эту категорию попадали разорившиеся крестьяне и ремесленники, жертвы процесса так называемого первоначального накопления капитала. В Вест-Индии они три года отработывали на тех, кто оплатил их переезд через Атлантику. По истечении срока контракта слуги получали лишь 300 фунтов табака (р. 185—190). Утверждение Бреаров, что многие из них к концу 3-го года становились хозяевами (р. 185), не соответствует действительности. Не имея средств к существованию, они вынуждены были либо снова идти в кабалу на три года, либо вести полную опасностей жизнь бродячих охотников-буканьеров на островах Антильского архипелага¹⁷. Кроме кабальных слуг, за море отправлялись наемные солдаты и миссионеры¹⁸.

Чтобы избежать разногласий с английскими колонистами, проживавшими на Сент-Кристофере, французы заключили с ними договор, по которому центральная часть острова осталась за англичанами, северную часть взял во владение д'Эснамбюк, а южную — де Руассей. В договоре имелись пункты, предусматривавшие совместные акции против индейцев-карибов и испанцев, и закреплялся принцип нейтралитета, которого колонисты должны были придерживаться в случае возникновения войны между Францией и Англией в Европе¹⁹.

Компания Сен-Кристофа была слабым торгово-колониальным предприятием, из-за чего в первые годы после основа-

¹⁶ Crouse N. M. French Pioneers in the West Indies, 1624—1664. N.-Y., 1940. P. 19.

¹⁷ Губарев В. К. Буканьеры // Новая и новейшая история. 1985. № 1. С. 205—209.

¹⁸ Ряд авторов полагает, что де Руассей и д'Эснамбюк в мае 1627 г. доставили на Сент-Кристофер от 500 до 600 эмигрантов, но если учесть, что около половины пассажиров и моряков умерли во время трансатлантического перехода и вскоре после высадки на острове, точнее было бы определить количество переселенцев в 300 человек (Thomas A. Les Flottes de l'or. Histoire des galions d'Espagne. P., 1956. P. 176).

¹⁹ Colonising expeditions... P. XVIII.

ния французская колония на Антилах испытывала значительные трудности. Чтобы достать новых рекрутов, провиант и амуницию, де Руассей летом 1627 г. снова отправился во Францию. Пока он отсутствовал, на остров случайно зашло голландское судно, снабдившее голодавших французов продовольствием в кредит — в счет будущего урожая табака. В мае 1628 г. де Руассей вернулся на Сент-Кристофер, доставив на борту «Кардинала» 150 переселенцев и небольшой запас провизии. Однако этой помощи было явно недостаточно, чтобы радикально улучшить состояние колонии.

Используя численное превосходство, англичане нарушили договор 1627 г., захватили часть французской территории и запретили д'Эснамбюку возводить фортификационные укрепления в Пуэн-де-Сабле.

Узнав об этих враждебных действиях англичан, а также о готовившейся в Испании большой военной экспедиции на Антилы, Ришелье принял экстренные меры по оказанию помощи французской колонии на Сент-Кристофере. В Гавре началось снаряжение корсарской флотилии из 6 линейных кораблей и 4 легких парусников под командованием Ф. де Ротонди, сьера де Каузака. Последний, смотря по обстоятельствам, должен был либо заключить с англичанами новый договор о дружбе, либо изгнать их с острова²⁰.

Материальную поддержку Компании Сен-Кристофа оказали ряд арматоров, в том числе И. де Разильи и корсар О. Л. де ла Мориньер-Поньер²¹. В июне 1629 г. флотилия покинула Гавр, имея на борту несколько сот эмигрантов из Нормандии, рекрутированных д'Эснамбюком. Прибыв на Сент-Кристофер, де Каузак атаковал английскую колонию, захватил 4 судна, стоявшие на рейде у Форт-Чарлза, и заставил Э. Уорнера, временно исполнявшего обязанности губернатора, принять условия выдвинутого французами ультиматума. Новый англо-французский договор был подписан в полном соответствии с требованиями французской стороны²².

Неделю спустя французы оккупировали соседний остров Сент-Эстатиус. Здесь был заложен небольшой форт, построены дома и оставлен гарнизон из 120 человек под командо-

²⁰ Переданные де Каузаку инструкции были составлены в Гренобле 18 февраля 1629 года. Хотя 24 апреля в Суэзе был подписан договор о мире между Францией и Англией, главная цель экспедиции осталась прежней.

²¹ Ronsiere Ch. de la. Op. cit. P. 652—653.

²² Ibid. P. 655; Crouse N. M. Op. cit. P. 27.

ванием капитана Сен-Томаса. После этого флотилия разделилась: капитан Жирон занялся разведкой окрестных вод и земель, два или три судна отправились грабить испанцев, «Кардинал» был отпущен во Францию, а «Труа Руа» остались в распоряжении де Каузака.

В это время французские и английские поселения на Сент-Кристофере подверглись неожиданному нападению испанской армады из 49 кораблей под командованием адмирала Ф. де Толедо. Кабальные слуги, испытавшие на себе все тяготы плантационного рабства, восстали и бежали от хозяев на борт испанских кораблей²³. Серьезного сопротивления испанцам оказано не было. У. де Руассей с частью колонистов погрузился на суда Жирона и Роза, а позже, сговорившись с несколькими офицерами и солдатами, заставил капитана Роза отвести его корабль «Сент-Анн» во Францию. Здесь де Руассей обвинил в государственной измене и заключили в Бастилию. Де Каузак, обнаружив испанскую армаду, спешно эвакуировал французскую колонию с Сент-Эстатиуса и в декабре 1629 г. пришел во Флиссинген (Нидерланды).

После ухода испанского флота капитан Жирон вернулся на Сент-Кристофер с группой беженцев и, по свидетельству современника событий, «насилыно высадил их опять»²⁴. Вскоре сюда пожаловали французы, укрывшиеся во время испанского набега на соседних островах, в том числе отряд д'Эснамбука. Благодаря его стараниям французская часть Сент-Кристофера была реколонизирована и превращена в плацдарм для последующей французской экспансии в Вест-Индии.

Следует отметить, что на первом этапе французской колонизации Антиль существенную помощь колонизаторам Сент-Кристофера оказывали голландцы. С одной стороны, их крупномасштабные операции, проводившиеся в Карибии в период войны 1621—1648 гг. против Испании, истощали ее ресурсы и создавали «морскую завесу», за которой французы могли укреплять и эксплуатировать карибские владения. С другой стороны, нидерландские купцы регулярно снабжали французских поселенцев продовольствием и изделиями мануфактур. Эта торговля, безусловно, нарушала монополию Компании Сен-Кристофа, но в ответ на протесты ее руководителей колонисты резонно отвечали: «Мы не можем существовать без голландцев. У нас не останется ни одной ру-

башки, если мы будем надеяться на Компанию»²⁵. Такая ситуация сохранялась до начала 70-х гг. XVII века.

Для Франции колония на Сент-Кристофере являлась удобной стратегической базой на подступах к американскому матерiku. Кроме того, сюда постоянно выселялись «лишние люди» — разорившиеся крестьяне и ремесленники, инакомыслящие и уголовные элементы. Отсюда во французские порты поступали красящее вещество, табак, хлопок, имбирь, индиго, черепаховые панцири, сера, соль (р. 186), а также сокровища, добытые корсарами в результате грабежа испанских судов и поселений в Америке.

Хотя французская колония на Сент-Кристофере в первой трети XVII в. была относительно невелика и малолюдная, а Франция по объему внешней торговли продолжала отставать не только от Голландии и Англии, но и от Испании, приобретение удобного форпоста в Карибском регионе вело к усилению позиций французской короны на международной арене, создавало благоприятные условия для нового, более эффективного этапа колониальной экспансии, во время которого французам удалось утвердиться на островах Гваделупа, Мартиника, Тортуга, Сен-Бартельми, Сен-Мартен и в северо-западной части Гаити. Формально Испания не признала права Франции на эти территории, однако фактически они стали составной частью французской колониальной империи.

²⁵ Paul H. Die Kolonialpolitik Richelieus und ihre Beziehungen zu seiner Gesamtpolitik. Mannheim, 1932. S. 45.

²³ Colonising expeditions... P. XXIII, II.

²⁴ Ibid. P. 20.

ТЕКСТЫ

Франческо Петрарка

**О СЛАВЕ (диалог 92 из кн. 1 трактата
«О средствах против всякой судьбы») ***

Радость: Я стяжал великую славу.

Разум: Я не понимаю, как можно в малом найти нечто великое? Если подумать о быстротечности времени и малости пределов нашей известности, то ты согласишься, что на земле нельзя достичь великой славы. Я уж не говорю о том, что сама земля — лишь малая точка, большую часть которой природа сделала необитаемой, а фортуна — недоступной, не говорю о том, что переживаемый отрезок времени меньше мгновенья, да и это время неустойчиво, а его бег столь стремителен, что ты и мыслью едва успеешь за ним. Прошлого же и будущего как бы не существует: первое утомляет, ускользая из памяти, второе — вызывая беспокойное ожидание... К тому же, все так перемешано и разорвано, что зачастую одно время ничего общего не имеет с другим. И самое известное становится неизвестным ничуть не иначе в пространстве, чем во времени.

К сказанному можно еще многое добавить. Но те, для кого быстротечность времени — не тайна, все это знают, а значит, знают цену смертной и земной славы.

Радость: Насколько хватит моих сил, буду добиваться славы.

Разум: Если эта слава будет недостойной, то, поверь мне, окажется короткой, а если достойной — можно порадоваться, но не славе как таковой, а тому, что ты ее заслужил.

Радость: Я стяжал славу.

Разум: Ничем иным нельзя стяжать истинную славу, если не благородным образом жизни. Поразмысли над тем, что сделало твое имя известным и легко поймешь, истинна ли твоя слава, или это молва, которую случай дал, случай и отнимет.

Радость: На мою долю выпало много славы.

Разум: Будь настороже: а вдруг ты считаешь истинным то, что лишь кажется истинным, не являясь таковым. Ведь нередко люди впадают в заблуждение.

Радость: Мне досталось немало славы.

Разум: Как о бедняке никто не скажет, что он при деньгах (разве только он наведет тень на плетень), так и о праздном человеке не подумают, что он доблестен (разве только он попытается выдать себя за такового): но и тот, и другой сам о себе знает, сколько у него денег в сундуке или доблестей за душой.

Радость: Слава стала моей верной спутницей.

Разум: Если ты заслужил славу, пользуйся ей умеренно, чтобы не запятнать ее высокомерием, если заслуг у тебя мало, не стоит выдавать желаемое за действительное.

Радость: Я окружен ореолом блистательной славы.

Разум: Или стремись ее заслужить, или сними с себя тяжкое бремя. Только истинная слава может быть признана, а не та, что достается обманом. С трудом сохраняется даже заслуженное признание, а от дутой славы и вовсе ждать нечего. Всякий обман рано или поздно открывается, а уж о славе нечего и говорить: поскольку человек на виду, все быстро становится ясно.

Славу мало кому удается удержать, да и таковых темная и злобная чернь ненавидит, поскольку несхожи с ней. Тяжело, когда и недруги окрежещут зубами, и толпа дышит ненавистью. Трудно укрыться от козней врагов, и вовсе невозможно выдержать, когда тебя съедают взглядами низкие люди.

Радость: Я не боюсь своей славы.

Разум: Скрывать это было бы, пожалуй, лучше, в любом случае — безопаснее. Вот что совершенно серьезно сказал тот, кто по многим другим поводам шутил: Тот хорошо прожил жизнь, о ком ничего не знали.

Радость: Я известен, знаменит, далеко об мне идет молва.

Разум: Зависть проникает и в тайное, выведывает все и там, а ты надеешься, что она пройдет мимо того, что бросается в глаза? Я не уверен, что нужно быть слишком из-

вестным: очень немногим становилось лучше от того, что они заметны и на виду, мало кому известность не причинила вреда. Все знают слова поэта:

Присутствие уменьшает славу.

Еще больше она меркнет при личном знакомстве. Редко случается, чтобы люди были тем, чем кажутся.

Радость: Меня считают достойным славы.

Разум: Достаточно легкого облака, чтобы твоя слава покрылась тенью. Если ты вынырнешь на какое-то время, то чем больше раздуют вокруг тебя пустой шумихи, тем больше будет бесславия и позора.

Радость: Моя слава истинна.

Разум: Этого никто не знает лучше, чем ты сам. Если ты обрешь славу за дела и не испортишь душу чужим мнением, то она будет истинной. Слава ведь (как мудрецам кажется) словно некая тень доблести: ей сопутствует, ей следует, иногда даже впереди нее идет. Это мы видим на примере юношей из прославленных семейств, которых делает известными возлагаемая на них надежда, хотя сами они еще не успели проявить доблестей; надежда служит стимулом скромным и благородным душам, разжигает их, побуждает оправдать ожидания сограждан. Если же они глупы и надменны, слава покидает их. Отсюда то превращение подающих надежды юношей в безвестных старцев, вызывающее усмешку. Похвала, полезная разумному, вредит глупому.

Из сказанного ясно: как сама от себя не возникает тень, так на пустом месте не рождается слава. Она достигается лишь благодаря большим делам. Если ты стремишься достичь истинной славы, истинной и прочной должна быть твоя доблесть.

Пер. с лат. *Н. И. Девятайкиной* сделан по кн.: Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. Bern, 1610.

* Тема славы — одна из ведущих в философско-этической мысли раннего итальянского гуманизма, обсуждавшаяся Данте, Петраркой, Боккаччо и их последователями в XV в. в ряду таких проблем, как доблесть, достоинство, благородство, счастье, назначение человека на земле.

Переведенный диалог невелик по объему, но достаточно показателен для взглядов первого гуманиста как признанием права личности на земную славу, утверждением ее не-

разрывной связи с делами, благородством и доблестью, так и некоторыми колебаниями в ее оценке перед лицом вечности и вселенной.

Участники диалога — Разум и Радость — символические фигуры, заимствованные у стоиков, за которыми угадывается сам гуманист (Разум) и выразитель общепринятой точки зрения (в данном случае Радость). Диалог схематичен, реплики «Радости» лишь разбивают, оживляют рассуждения «Разума». Из текста ясно, что разговор ведется не с дамой, поэтому Радость говорит о себе в мужском роде (в латинском это слово среднего рода).

Над трактатом Петрарка работал между 1354 и 1366 гг., сведениями о точной дате написания переведенного диалога мы не располагаем.

БИБЛИОГРАФИЯ

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 1—10 ВЫПУСКАХ МЕЖВУЗОВСКОГО НАУЧНОГО СБОРНИКА «СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД»

СТАТЬИ

- Батурин А. П. Малопольская шляхта и город в XVII веке// 1978. Вып. 5. С. 135—142.
- Бессмертный Ю. Л. Расцвет феодализма и город (к постановке проблемы)//1981. Вып. 6. С. 31—36.
- Богодарова Н. А. Образ государя в сочинениях Томаса Окклива//1990. Вып. 10. С. 74—85.
- Бойцов М. А. Политическая активность немецкого бюргерства на имперских собраниях второй половины XIV века// 1990. Вып. 10. С. 30—40.
- Венкстерн Л. В. Французский проект реформы образования начала XIV века//1990. Вып. 10. С. 56—62.
- Галямичев А. Н. К оценке исторического места чешской историографии гуситского движения второй половины XIX века//1989. Вып. 9. С. 147—153.
- Галямичев А. Н. Ранний период истории средневековых городов Чехии в освещении Ф. Палацкого//1990. Вып. 10. С. 49—55.
- Девятайкина Н. И. Проблема смысла человеческого бытия в «Исповеди» Петрарки//1978. Вып. 4. С. 73—101.
- Девятайкина Н. И. Доблесть и фортуна в этике Петрарки// 1978. Вып. 5. С. 62—74.
- Девятайкина Н. И. Труд и богатство в этике Петрарки//1981. Вып. 6. С. 64—73.
- Девятайкина Н. И. Свобода и уединение в этике Петрарки (по трактату «Об уединенной жизни»)//1983. Вып. 7. С. 71—83.

- Девятайкина Н. И. Петрарка о воспитании правителя (по письму к Никколо Аччайоли)//1987. Вып. 8. С. 58—65.
- Девятайкина Н. И. Петрарка о тирании (по трактату «О средствах против всякой судьбы»)//1989. Вып. 9. С. 51—63.
- Девятайкина Н. И. Гуманистический идеал справедливого правителя у Петрарки (по письму-трактату «О наилучшем управлении государством»)//1990. Вып. 10. С. 62—73.
- Девятайкина Н. И., Негуляева Т. М. Видный советский медиевист (к 70-летию С. М. Стама)//1987. Вып. 8. С. 5—26.
- Дорофеева Л. В. Критика двора первых Тюдоров в творчестве Джона Скелтона//1983. Вып. 7. С. 83—103.
- Евсеев В. А. Компания торговцев углем Ньюкасла-на-Тайне в конце XVI — начале XVII веков//1978. Вып. 5. С. 120—126.
- Ермолаев В. А. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургграфства в XV веке//1968. Вып. 1. С. 77—93.
- Ивонин Ю. Е. Лондон и реформация Генриха VIII (Об одном малоизвестном памфлете Генри Бринкклоу)//1975. Вып. 3. С. 204—209.
- Илларионов С. А. К истории торговых связей Кёльна с Италией в XIV—XV веках//1983. Вып. 7. С. 62—70.
- Карпачева М. Е. Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в каркассонском районе в средние века//1974. Вып. 2. С. 53—80.
- Карпачева М. Е. Становление ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах Каркассонского района в средние века//1975. Вып. 3. С. 34—53.
- Карпачева М. Е. Ранний этап коммунального движения в средневековом Каркассоне//1978. Вып. 4. С. 3—20.
- Карпачева М. Е. Антифеодальная борьба горожан Каркассона в XII—XIII веках//1978. Вып. 5. С. 29—39.
- Карпачева М. Е. Освободительная борьба в Каркассоне XIII века//1983. Вып. 7. С. 21—36.
- Карпачева М. Е. Борьба горожан Каркассона против инквизиции в конце XIII века//1987. Вып. 8. С. 37—46.
- Карпачева-Беляева М. Е. Особенности освободительного движения в мелких городских центрах средневекового Каркассэ//1990. Вып. 10. С. 20—30.
- Краснова И. А. Отношение флорентийского пополанства XIV—XV веков к феодальной среде//1987. Вып. 8. С. 46—58.

- ✓ Краснова И. А. К вопросу об истоках ренессансного рационализма//1989. Вып. 9. С. 34—44.
- Краснова И. А. Проблемы воспитания в полопанской среде Флоренции XV века//1990. Вып. 10. С. 85—96.
- Курбатов Г. Л. Еще раз о византийских димах//1975. Вып. 3. С. 3—21.
- ✓ Курбатов Г. Л. К проблеме типологии византийского города//1981. Вып. 6. С. 19—31.
- ✓ Курбатов Г. Л. От позднеантичного к раннесредневековому городу в Византии (некоторые сопоставления)//1987. Вып. 8. С. 27—37.
- ✓ Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. К вопросу о характере балканского города IV—V веков//1974. Вып. 2. С. 46—52.
- ✓ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах (по данным Кодексов Феодосия и Юстиниана)//1975. Вып. 3. С. 22—33.
- ✓ Майер В. Е. Общинные владения и традиции средневековых городов Германии в XIII—XVII веках//1981. Вып. 6. С. 36—40.
- ✓ Молдавская М. А. Движение городских низов в Дижоне в первой половине XVI века//1975. Вып. 3. С. 162—180.
- ✓ Молдавская М. А. К вопросу о студенческих волнениях и борьбе гуманистической интеллигенции против феодально-католической реакции в Лангедоке первой половины XVI века//1978. Вып. 4. С. 164—175.
- ✓ Молдавская М. А. Положение городской бедноты в Руане в первой половине XVI века//1978. Вып. 8. С. 134—143.
- ✓ Молдавская М. А. К вопросу о положении городских низов во Франции в первой половине XVI века//1989. Вып. 9. С. 115—121.
- ✓ Мосолкина Т. В. Развитие буржуазного представления о богатстве у английских пропагандистов колониальной экспансии в начале XVII века//1989. Вып. 9. С. 127—133.
- ✓ Мосолкина Т. В. Возникновение ранних форм капиталистического производства в сукноделии Бристолья в XIV—XV веках//1990. Вып. 10. С. 118—129.
- Муха М. В. Лондонский монетный двор и его администрация (к вопросу о реорганизации лондонского монетного двора в 1544—1547 годах)//1975. Вып. 3. С. 210—215.
- ✓ Негуляева Т. М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII — начале XIV века//1968. Вып. 1. С. 61—76.

- Негуляева Т. М. Складывание городского патрициата в средневековом Страсбурге (XII — начало XIV в.)//1974. Вып. 2. С. 81—110.
- Негуляева Т. М. Условия возникновения средневекового городского права//1989. Вып. 9. С. 3—18.
- ✓ Некрасов Ю. К. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 — весна 1525 гг.)//1978. Вып. 5. С. 74—96.
- ✓ Некрасов Ю. К. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 — лето 1525 гг.)//1981. Вып. 6. С. 79—99.
- Немилов А. Н. К вопросу о формах раннекапиталистического производства в Нюрнберге//1974. Вып. 2. С. 183—191.
- ✓ Немилов А. Н. Немецкий город как центр культуры эпохи Возрождения//1981. Вып. 6. С. 104—108.
- ✓ Никулина Т. С. Зарождение новых форм производства в любекском ремесле второй половины XV — первой половины XVI века//1983. Вып. 7. С. 104—114.
- ✓ Никулина Т. С. Имущественная дифференциация в Любеке во второй половине XV — первой половине XVI века//1987. Вып. 8. С. 126—134.
- ✓ Никулина Т. С. Новые тенденции в любекской торговле второй половины XV — первой половины XVI веков//1989. Вып. 9. С. 108—115.
- Озолин А. И. Складывание национальной программы бюргерской оппозиции в Чехии конца XIV — начала XV века//1968. Вып. 1. С. 111—164.
- Озолин А. И. Национальный вопрос и гуситская бюргерская оппозиция в годы народного восстания (1419—1437)//1974. Вып. 2. С. 111—145.
- Озолин А. И. Новейшая чехословацкая литература о чешском городе предгуситского периода//1975. Вып. 3. С. 79—95.
- Озолин А. И. Землевладение королевских городов Чехии в XIV — начале XV века//1978. Вып. 5. С. 51—61.
- Озолин А. И. Землевладение королевских городов Чехии в XIV — начале XV века//1981. Вып. 6. С. 45—54.
- Озолин А. И. Города и развитие чешско-германских связей в XIV — начале XV веков//1987. Вып. 8. С. 98—105.
- Осипов В. И. Складывание патрициата в Монпелье (XII—XIII вв.)//1968. Вып. 1. С. 94—110.
- Очерет Ю. В. Литературная и социальная жизнь Арраса XII—XIII веков//1989. Вып. 9. С. 26—34.
- Петров М. Т. Микеланджело и социальное окружение (влияние профессионального самосознания художника на вза-

- имотношения с социальной средой)//1975. Вып. 3. С. 142—154.
- ✓ Петрова С. П. Социальный состав магистрата Йорка в XIV—XVI вв. (по материалам йоркских городских регистров)//1975. Вып. 3. С. 96—106.
- ✓ Подальк Н. Г. Борьба горожан Росток против герцогов Мекленбургских на рубеже XV—XVI веков//1987. Вып. 8. С. 116—125.
- ?) Постников В. А. Франческо Гвиччардини о религии и церкви//1989. Вып. 9. С. 97—107.
- Принцева Т. А. Некоторые вопросы торговой политики Генриха VIII. 1509—1533 гг. (выдача лицензий на экспорт шерсти)//1989. Вып. 9. С. 121—127.
- Прокопович С. С. Об идеальном городе в городской литературе XIII—XIV веков и в «Декамероне» Боккаччо//1989. Вып. 9. С. 44—51.
- Ревакина Н. В. «Диалог на дружеском пиру» Джанотто Манетти//1978. Вып. 4. С. 101—115.
- Ревакина Н. В. Физическое воспитание в итальянской гуманистической педагогике Возрождения//1987. Вып. 8. С. 66—73.
- Ревакина Н. В. У истоков гуманистической педагогики итальянского Возрождения//1989. Вып. 9. С. 63—72.
- ✓ Репина Л. П. Городское сословие в английском парламенте XIV века//1978. Вып. 4. С. 60—73.
- ?) ✓ Рогачевский А. Л. К вопросу о концепции городского права в памятниках Магдебургского права XIII—XV веков//1990. Вып. 10. С. 41—49.
- ?) ✓ Ролова А. Д. Особенности социальной структуры Флоренции во второй половине XVI века//1981. Вып. 6. С. 99—104.
- ?) ✓ Ролова А. Д. Личное участие тосканских великих герцогов в деловой жизни (вторая половина XVI — начало XVII в.)//1987. Вып. 8. С. 144—151.
- ?) ✓ Рутенбург В. И. Социальные противоречия в Генуе XVI века//1975. Вып. 3. С. 155—161.
- ?) ✓ Сванидзе А. А. Кредитно-долговые отношения и городское законодательство в средневековой Швеции (XIII—XIV века)//1975. Вып. 3. С. 54—78.
- ✓ Сванидзе А. А. Суд и право в шведских городах XIII—XV веков//1978. Вып. 4. С. 20—44.
- ?) ✓ Сванидзе А. А. Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции//1978. Вып. 5. С. 3—29.

- Сванидзе А. А. Социальная характеристика шведского бюргерства XIV—XV веков//1981. Вып. 6. С. 40—45. ✓
- Сергеева Л. П. Ганзейская торговля и политика Англии в XIV веке//1983. Вып. 7. С. 51—62.
- Солодкова Л. И. Складывание торгово-ремесленного центра в Кельне в XI—XIII веках//1989. Вып. 9. С. 18—25. ✓
- Солодкова Л. И. Формирование кельнского патрициата (XI—XIII вв.)//1990. Вып. 10. С. 3—12. ✓
- Стам С. М. Складывание городского рынка средневековой Тулузы (продовольственные товары)//1968. Вып. 1. С. 3—60. ✓
- Стам С. М. Средневековый город и проблема возникновения нефеодалных форм собственности//1974. Вып. 2. С. 3—45. ✓?
- Стам С. М. К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи («Иоанн Креститель»)//1975. Вып. 3. С. 107—141.
- Стам С. М. Микеланджело и Леонардо//1978. Вып. 4. С. 115—164.
- Стам С. М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города//1981. Вып. 6. С. 3—19. ✓
- Стам С. М. О ленинской концепции простого товарного производства и его роли в подготовке капитализма//1983. Вып. 7. С. 3—21. ✓
- Стам С. М. Проблема соотношения земного и небесного в зрелом творчестве Рафаэля («Св. Цецилия»)//1987. Вып. 8. С. 74—98.
- Стам С. М. Антиаскетические идеи в искусстве Рафаэля («Мадонна Альба»)//1989. Вып. 9. С. 72—96.
- Стам С. М. «Мадонна Фолиньо» Рафаэля//1990. Вып. 10. С. 96—118.
- Стручальна Р. А. Вопросы борьбы северодунайских племен с Римом в буржуазной историографии//1968. Вып. 1. С. 165—183.
- Трофимова О. В. Начало реформационного движения в городе Ларошели и его округе//1978. Вып. 5. С. 96—113.
- Трофимова О. В. Борьба религиозно-политических группировок в Ларошели в начале гражданских войн XVI века//1983. Вып. 7. С. 114—126.
- Фишер И. Р. Промышленные предприятия в феодальном поместье Чехии конца XVII — первой половины XVIII веков//1989. Вып. 9. С. 133—147.
- Фрейденберг М. М. Балканские города XV—XVI веков (опыт ✓)

- типологической характеристики)//1981. Вып. 6. С. 74—79.
- ✓ Чернецкая Т. С. Торговля и торговая организация Вероны в XI—XIII веках//1990. Вып. 10. С. 12—20.
- ✓ Черепенина Н. Ю. Организационные формы участия лондонской буржуазии в колонизации Северной Америки//1978. Вып. 5. С. 127—134.
- ✓ Шамелис В. И. Люстрации как источник по истории польского города XVI—XVII веков//1975. Вып. 3. С. 216—223.
- Штокмар В. В. Некоторые данные тюдоровского законодательства об упадке английских провинциальных городов в XVI веке//1974. Вып. 2. С. 174—182.
- ✓ Штокмар В. В. Берик-на-Твиде в конце XVI — начале XVII века//1978. Вып. 5. С. 113—119.
- ✓ Яброва М. М. Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации//1974. Вып. 2. С. 146—173.
- ✓ Яброва М. М. Лондонские ливрейные компании и внешняя торговля (вторая половина XVI в.)//1975. Вып. 3. С. 181—203.
- ✓ Яброва М. М. Особенности средневекового кредита и его развитие в Англии XIII—XV веков//1978. Вып. 4. С. 44—60.
- ✓ Яброва М. М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV—XV веков//1978. Вып. 5. С. 39—50.
- ✓ Яброва М. М. Кредит как орудие наступления купеческого капитала на ремесло и мелкую торговлю в Англии XIV—XV веков//1981. Вып. 6. С. 54—64.
- ✓ Яброва М. М. Зачаточные формы капиталистического производства в Лондоне XIV — первой половины XV века//1983. Вып. 7. С. 36—50.
- Яброва М. М. Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века (семья Сели)//1987. Вып. 8. С. 105—116.
- ✓ Яброва М. М. Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века//1990. Вып. 10. С. 129—137.
- Якубский В. А. К вопросу о методике определения численности городского населения в Польше XVI—XVII веков//1974. Вып. 2. С. 192—204.

СООБЩЕНИЯ

- Батурин А. П. Польский позднефеодальный город в послевоенной историографии//1981. Вып. 6. С. 180—182.
- Богодарова Н. А. Городские мотивы в английской политической поэзии XIV—XV веков//1981. Вып. 6. С. 146—148.
- Брянцева Т. П. Польские города XIII—XIV веков в совре-

- менной историографии//1981. Вып. 6. С. 130—133.
- Воробьева И. Г. О демографии далматинского города XVI—XVII веков (донесения венецианских чиновников как исторический источник)//1981. Вып. 6. С. 177—180.
- Галямичев А. Н. Программа и деятельность таборитов в освещении Бецольда//1983. Вып. 7. С. 132—140.
- Евсеев В. А. Проблемы истории английских провинциальных городов XVI—XVII веков в английской историографии XX века//1981. Вып. 6. С. 166—169.
- Ефремов Е. А. Города Славонии в XII—XIII веках и их социальная роль//1981. Вып. 6. С. 123—125.
- ✓ Завражин В. Н. «Месой» в поздневизантийском городе по данным «Истории» Иоанна Кантакузина//1975. Вып. 3. С. 224—230.
- Завражин В. Н. К вопросу о поздневизантийской мануфактуре//1981. Вып. 6. С. 136—139.
- Завьялова И. В. Социально-экономическое развитие Лиона в XVI веке в освещении Р. Гаскона//1981. Вып. 6. С. 169—171.
- Ивонина Л. И. Осада Ларошели и англо-французский конфликт 1627—1628 годов//1990. Вып. 10. С. 148—154.
- Илларионов С. А. Некоторые данные о торговле Кельна с Англией в XII—XIV веках//1978. Вып. 4. С. 207—215.
- ✓ Карпачева М. Е. Коммунальное движение в мелких городских центрах средневекового Каркассэ//1981. Вып. 6. С. 118—120.
- ✓ Керов В. Л. Арнольд из Виллановы и антифеодальная оппозиция в южнофранцузских городах//1981. Вып. 6. С. 139—143.
- Краснова И. А. Социальная психология флорентийских буржуа XIV—XV веков в освещении К. Бека//1981. Вып. 6. С. 143—146.
- Лебедева Г. Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII—IX веков//1981. Вып. 6. С. 111—113.
- Липатникова Г. И. Восприятие элементов античной культуры в городской культуре Чехии XIV—XV веков//1981. Вып. 6. С. 148—150.
- ✓ Маркарянц Л. А., Якубский В. А. Городское землевладение и городское зерновое производство в Польше XVI века//1981. Вып. 6. С. 171—174.
- ✓ Молдавская М. А. Народные движения в Провансе в первой половине XVI века//1981. Вып. 6. С. 156—159.
- Мосолкина Т. В. Пропаганда колониальной экспансии в Анг-

лии начала XVII века (памфлет Дж. Смита «Описание Новой Англии»)//1983. Вып. 7. С. 140—148.

Мосолкина Т. В. Пропагандистская деятельность С. Пэрчеса и английское купечество первой трети XVII века//1987. Вып. 8. С. 157—162.

Некрасов Ю. К. Цеховое ремесло и ранний капитализм (об одном аспекте социальной дифференциации ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV—XVI веков)//1981. Вып. 6. С. 152—156.

Никулина Т. С. Историки Ганзы и Реформации о движении Вулленвевера//1981. Вып. 6. С. 162—164.

Никулина Т. С. Бюргерские завещания как источник по социально-культурной истории средневекового города (по материалам Любека)//1990. Вып. 10. С. 138—148.

Подальж Н. Г. Ремесло Ростока во второй половине XVI века//1981. Вып. 6. С. 150—152.

Постников В. А. Франческо Гвиччардини о политическом строе Флоренции//1981. Вып. 6. С. 174—177.

Рутенбург В. И. Донесения из Венеции и Милана о событиях в Генуе в 1575 году//1974. Вып. 2. С. 205—208.

Савчук В. С. Проблема раннего города полабско-прибалтийских славян в современной немецкой историографии//1981. Вып. 6. С. 113—116.

Сатретдинов Г. К. Анри Пиренн о городе в период перехода от античности к средним векам//1981. Вып. 6. С. 109—111.

Серовайский Я. Д. Начало городского развития в XI—XII веках и эволюция феодальной собственности (по материалам истории Франции)//1981. Вып. 6. С. 116—118.

Сметанин В. А. Особенности городского ремесла в Византии XIII—XV веков и восстание наемных рабочих в Константинополе в 1372—1373 годах//1981. Вып. 6. С. 134—136.

Солодкова Л. И. К истории городского права средневекового Кельна//1983. Вып. 7. С. 127—131.

Солодкова Л. И. К вопросу о складывании сеньориального режима в средневековом Кельне (IX—XI вв.)//1987. Вып. 8. С. 152—157.

Трофимова О. В. Позиция городских низов на начальном этапе Гугенотских войн//1981. Вып. 6. С. 159—161.

Тушина Г. М. Некоторые вопросы социальной структуры средневековых городов в современной французской историографии//1981. Вып. 6. С. 121—122.

Чурсина С. А. Генуэзская торговля сукном в XIII — начале

XIV веков (по записям генуэзских нотариусов)//1981. Вып. 6. С. 125—128.

Шаферова Л. А. Патриции г. Котора — финансисты и дипломаты сербских правителей//1981. Вып. 6. С. 128—130.

Шишкина Н. Г. Историки ГДР о влиянии бюргерства на развитие антифеодальной борьбы в Германии XVI—XVII веков//1981. Вып. 6. С. 164—166.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Венкстерн Л. В. Французские легисты и их роль в политической централизации страны на рубеже XIII—XIV веков//1989. Вып. 9. С. 154—160.

Губарев В. К. Колонизация Сен-Кристофера (эпизод из истории французского проникновения в Вест-Индию)//1990. Вып. 10. С. 155—163.

Карпачева-Беляева М. Е. Завершающий этап антиинквизиционной борьбы в Каркассоне//1989. Вып. 9. С. 160—172.

ИСТОРИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

Галямичев А. Н. Гуситские отклики в Германии в освещении Ф. Бецольда//1987. Вып. 8. С. 163—168.

Негуляева Т. М. Некоторые проблемы истории средневекового города и бюргерства в урбанистике ГДР//1978. Вып. 5. С. 143—151.

Никулина Т. С. Ганзейские города в период Реформации в освещении историка-марксиста//1978. Вып. 5. С. 151—169.

Постников В. А. О некоторых тенденциях в современной западной историографии итальянского Возрождения (по поводу двух монографий)//1978. Вып. 4. С. 183—195.

Постников В. А. Итальянская историография последнего столетия о Франческо Гвиччардини//1978. Вып. 5. С. 170—180.

Постников В. А. Э. Гарэн. Возрождения и революции. Культурные течения XIV—XVIII веков. Рим — Бари, 1975//1987. Вып. 8. С. 169—173.

Самаркин В. В. Американский историк о причинах обострения внутренней борьбы в городах Тосканы в XV веке//1978. Вып. 4. С. 176—182.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

- Курбатов Г. Л. Межвузовская конференция по проблемам античного и раннесредневекового города//1978. Вып. 5. С. 181—188.
- Рутенбург В. И. Магдебургские конференции по истории городов//1975. Вып. 3. С. 231—234.
- Стам С. М., Яброва М. М. Конференция, посвященная Томасу Морю//1978. Вып. 5. С. 189—192.

ПУБЛИКАЦИИ

- ✓ Аугсбург. Древнейшее городское право. 21.VI.1156/Пер. с лат. Т. М. Негуляевой//1981. Вып. 6. С. 183—187.
- ✓ Переписка семейной компании купцов Сели (XV век)/Пер. со староангл. М. М. Ябровой//1989. Вып. 9. С. 173—180.
- Петрарка Ф. О славе (диалог 92 из кн. I трактата «О средствах против всякой судьбы»)/Пер. с лат. Н. И. Девятайкиной//1990. Вып. 10. С. 164—167.
- ✓ Постановление Кельнского епископа по поводу спора между бургомистром и фоггом Кельна (1169 год)/Пер. с лат. Л. И. Солодковой//1983. Вып. 7. С. 155—159.
- ✓ Средневековое право города Гослара/Пер. с лат. Т. М. Негуляевой//1978. Вып. 5. С. 193—199.
- ✓ Средневековое право Хагенау (1164 год)/Пер. с лат. Т. М. Негуляевой//1983. Вып. 7. С. 149—154.
- ✓ Фрейбургское городское право XII века (первоначальный текст и дополнения)/Пер. с лат. Т. М. Негуляевой//1978. Вып. 4. С. 196—206.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Научные труды доктора исторических наук профессора С. М. Стама/Сост. Н. И. Девятайкина, Т. Д. Никитина//1987. Вып. 8. С. 19—26.

Составитель *Т. В. Мосолкина*

РЕЦЕНЗИИ

М. М. Яброва

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов/Пер. с лат. и комм. Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой. Вступ. ст. и ред. С. М. Стама. Саратов, 1984. Ч. I. 239 с.; Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов/Пер. с лат. и итал., комм. Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой, В. В. Полева. Предисл. и ред. С. М. Стама. Саратов, 1988. Ч. II. 190 с.

Идеология ренессансного гуманизма, эпоха Возрождения в целом привлекает в последние два десятилетия самое пристальное внимание ученых. Результатом этого явилось опубликование многих исследований, а также переводов сочинений итальянских гуманистов XIV—XVI веков. В их ряду стоит и рецензируемый сборник текстов, содержащий сочинения известных гуманистов — Петрарки, Боккаччо, Салютати, Браччолини, Монтеманьо, Манетти, Верджерио, впервые переведенные на русский язык.

Авторы переводов — квалифицированные специалисты, много лет занимающиеся изучением итальянского гуманизма, имеющие десятки статей и монографии по данным проблемам, публикации переводов. Ответственный научный редактор С. М. Стам — известный исследователь культуры Возрождения. Им написана обширная вступительная статья к сборнику: «Ведущие идеи итальянского гуманизма» (ч. I) — по существу оригинальное исследование, в котором на основе материалов книги по-новому освещаются наиболее сложные моменты гуманистической идеологии: достоинство человека, антропоцентризм, индивидуализм, идея равенства, гражданственность, отношение к труду, к миру, земной жизни, фортуны, античности; рассматриваются противоречия и непоследовательности гуманизма, его становление в борьбе,

его отношение к религии. Предпринимается попытка выявить классовые позиции гуманистов, истоки их историзма; поставлены проблемы текста и подтекста в гуманистических сочинениях, видимости и сущности в их взглядах.

В первой части сборника опубликованы диалоги из известного трактата Петрарки «О средствах против всякой судьбы» (пер. Н. И. Девятайкиной), позволяющие выявить представления гуманиста о достоинстве и благородстве человека, его отношении к знатности, богатству, бедности, его истолкование добродетели. Кроме того, публикуется одно из замечательных автобиографических писем (к Гвидо Сетте, старч. X, 2, пер. Л. М. Лукьяновой), дополняющее картину жизненного и идейного становления зачинателя Ренессанса.

Большой интерес вызывает письмо Ключчо Салютати к Доменико ди Бандино д'Ареццо, посвященное теме благородства (пер. Н. В. Ревякиной). Это — по существу комментарий к канцоне Данте о благородстве: Салютати пытается преодолеть трудности, связанные с разными оценками благородства у античных мыслителей и дать свое решение.

Диалог Поджо Браччолини «О благородстве» (пер. Н. В. Ревякиной) специально посвящен центральной проблеме гуманистической идеологии; в ходе спора, живого и развивающегося, четко вырисовываются разногласия и намечаются пункты сближения взглядов его участников. В сборнике помещена также «Речь на похоронах Леонардо Бруни», написанная и произнесенная Поджо Браччолини (пер. Н. В. Ревякиной). В ней рисуется гуманистический идеал гражданского служения.

Трактат Монтеманьо «О благородстве» (пер. Н. В. Ревякиной) замыкает этот выпуск сборника. Он получил большое распространение в XV веке; на наш взгляд, трактат содержит немало важных и любопытных моментов, помогает понять степень актуальности проблемы для рождающейся раннебуржуазной эпохи.

Во второй части сборника представлены этико-педагогические сочинения ведущих идеологов и писателей итальянского Возрождения. Открывает его трактат Джанозцо Манетти «О достоинстве и превосходстве человека» (пер. Н. В. Ревякиной), занимающий исключительное место в теоретическом наследии итальянских гуманистов как одна из вершин в понимании достоинства человека; в нем ведется открытая полемика с папой Иннокентием III, доказывається превосходство человека над другими живыми существами, обосновывается его высокое творческое и жизненное предназначение.

Знаменитый трактат Пьера-Паоло Верджерио «О благородных нравах и свободных науках» (пер. Н. В. Ревякиной) излагает принципы формирующейся гуманистической педагогики; становится ясно, насколько осязаемо она опиралась на фундамент гуманистического идеала человека.

Во вторую часть сборника в качестве интересного и важного раздела вошли Приложения. Они начинаются с публикации небольшого сочинения Джованни Боккаччо «О жизни и нравах господина Франческо Петрарки из Флоренции» (пер. Л. М. Лукьяновой), которое немало дополняет и углубляет наши представления о складе ума и характере первого гуманиста, о его влиянии на современников, о его дружбе с автором «Декамерона».

Для сопоставления взглядов гуманистов со средневеково-аскетическими, для уяснения принципиальной несхожести гуманистических, с одной стороны, церковных идеалов, с другой, в Приложение включены религиозные сочинения (или отрывки из них) XII—XIV веков. Весьма кстати среди них оказалось сочинение папы Иннокентия III «О презрении к миру или о ничтожестве человеческого состояния» (кн. I, пер. Н. И. Девятайкиной), которое позволяет читателю «из первых уст» услышать ортодоксальные этические предписания, против которых и восстал в своем сочинении Манетти. Составители дали читателям возможность прямого сопоставления сочинений этих двух авторов, поместив их под одной обложкой. Следует сказать также, что это первое произведение папы Иннокентия III, переведенное на русский язык.

Кроме того, в сборнике опубликованы несколько писем Екатерины Сиенской — современницы Петрарки, фанатичной святой, выражавшей крайне аскетические взгляды.

Почти полностью в разделе приведен трактат флорентийского проповедника XIV в. Якопо Пассаванти «Зерцало истинного покаяния» (пер. В. В. Полева), в котором изложена известная доктрина, но, вместе с тем, слышны отголоски богословских споров и ощутимы некоторые веяния новой жизни.

Как несомненное достоинство сборника следует отметить высокий уровень всех переводов как с латыни, так и с итальянского. Они доносят до нас живые голоса эпохи, приближают ее к нам, заставляют глубже понять и полюбить.

При работе над текстами переводчики немало обратились к редкой специальной литературе, филологам, философам, историкам-античникам, результатом чего явились содержательные, во многих случаях аналитические, вступительные очерки и основательнейший научный комментарий, вклю-

чивший в себя не только справочные сведения, но и истолкование наиболее сложных и противоречивых мест переведенных сочинений. Немалую лепту в это внес С. М. Стам как ответственный редактор. Усилия коллектива авторов не были напрасными: очерки, комментарий помогают понять рассуждения гуманистов гораздо глубже, чем при первом самостоятельном чтении и очень облегчит знакомство со взглядами писателей-аскетов.

Следует высоко оценить принцип отбора сочинений для перевода: перед нами важнейшие памятники гуманистической мысли XIV—XV в. на главные темы морально-этического и педагогического направления. Они бесценны для понимания идейного наследия ренессансного гуманизма в целом.

Тексты с успехом могут быть использованы философами, историками, филологами, как научными, так и практически работниками, студентами, аспирантами, в семинарах, спецсеминарах, при подготовке вузовских общих и специальных курсов.

Выход данной книги — весьма заметное культурное событие; можно только приветствовать научные усилия подобного рода как чрезвычайно полезные и важные в деле знакомства читателя с идейным наследием эпохи Возрождения. Будем надеяться, что коллективу авторов-переводчиков сборника удастся продолжить благое начинание издания гуманистических сочинений в издательстве Саратовского университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- ♦ Солодкова Л. И. (Ульяновск). Формирование кельнского патрициата (XI—XIII века) 3
- † Чернецкая Т. С. (Кемерово). Торговля и торговая организация Вероны XI—XII веков 12
- ♦ Карпачева-Беляева М. Е. (Саратов). Особенности освободительного движения в мелких городских центрах средневекового Каркассэ (начальный период) 20
- ♦ Бойцов М. А. (Москва). Политическая активность немецкого бюргерства на имперских собраниях второй половины XIV века 30
- † Рогачевский А. Л. (Ленинград). К вопросу о концепции городского права в памятниках Магдебургского права XIII—XV веков 41
- † Галямичев А. Н. (Саратов). Ранний период истории средневековых городов Чехии в освещении Ф. Палацкогo 49
- ♦ Венкстери Л. В. (Иваново). Французский проект реформы образования начала XIV века 56
- † Девятайкина Н. И. (Саратов). Гуманистический идеал справедливого правителя у Петрарки (по письму «О наилучшем управлении государством») 62
- † Богодарова Н. А. (Калуга). Образ государя в сочинениях Томаса Окклива 74
- † Краснова И. А. (Ставрополь). Проблемы воспитания в пополанской среде Флоренции XV века 85
- † Стам С. М. (Саратов). «Мадонна Фолиньо» Рафаэля 96
- ♦ Мосолкина Т. В. (Саратов). Возникновение ранних форм капиталистического производства в сукноделии Бристоля в XIV—XV веках 118
- † Яброва М. М. (Саратов). Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века 129

Сообщения

- † Никулина Т. С. (Куйбышев). Бюргерские завещания как источник по социально-культурной истории средневекового города (на материалах Любека) 138
- Ивонина Л. И. (Запорожье). Осада Ларошели и англо-французский конфликт 1627—1628 годов 148

Исторические очерки

- ♦ Губарев В. К. (Донецк). Колонизация Сен-Кристофера (эпизод из истории французского проникновения в Вест-Индию) 155

Тексты

Франческо Петрарка. О СЛАВЕ (диалог 92 из кн. I трактата «О средствах против всякой судьбы»)/Пер. с лат. Н. И. Девятайкиной 164

Библиография

Указатель материалов, опубликованных в 1—10 выпусках межвузовского научного сборника «Средневековый город» (Сост. Т. В. Мосолкина) 168

Рецензии

М. М. Яброва. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов/Пер. с лат. и комм. Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой. Вступ. ст. и ред. С. М. Стама. Саратов, 1984. Ч. I, 239 с.; Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов/Пер. с лат. и итал., ком. Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой, В. В. Полева. Предисл. и ред. С. М. Стама. Саратов, 1988. Ч. II. 190 с. 179

Научное издание

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Вопросы социально-экономической, политической,
правовой истории европейского города XI—XVII веков

Редактор Н. Г. Жакина
Художественный редактор Е. И. Бочаров
Технический редактор Л. В. Агальцова
Корректор Э. М. Левитин

ИБ № 2774

Сдано в набор 05.01.90. Подписано к печати 04.03.91. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л.
10,69(11,5). Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 1000. Заказ 50. Цена 2 р.

Издательство Саратовского университета. 410601, Саратов, Университетская, 42.
Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Саратовского облисполкома.
410730, Саратов, пр. Кирова, 27.